

ЮРИЙ КИРИЕНКО – МАЛЮГИН

ТАЙНА ГИБЕЛИ

НИКОЛАЯ РУБЦОВА

Издание 3-е, дополненное

(факты, исследование, разгадка тайны?)

МОСКВА

Издательство НО «Рубцовский творческий союз»

2009

ПРЕДИСЛОВИЕ

Николай Михайлович Рубцов
(3.01.1936 г. – 19.01.1971 г.)

БУКЕТ

Я буду долго
Гнать велосипед.
В глухих лугах его остановлю.
Нарву цветов
И подарю букет
Той девушке, которую люблю.

Я ей скажу:
– С другим наедине
О наших встречах позабыла ты,
И потому на память обо мне
Возьми вот эти
Скромные цветы! –

Она возьмёт,
Но снова в поздний час,
Когда туман сгущается и грусть,
Она пройдёт,
Не поднимая глаз,
Не улыбнувшись даже...
Ну и пусть.

Я буду долго
Гнать велосипед.
В глухих лугах его остановлю.
Я лишь хочу,
Чтобы взяла букет
Та девушка, которую люблю...

1958 г....1965 г.

Вот этой песней в 1988 году (музыка и исполнение А.Барыкина) Николай Рубцов ворвался в песенную среду русского и других народов России.

Можно сказать, в то время большинство слушателей даже не подозревало о существовании такого чистого поэта, как Рубцов. И автор этой книги писал стихи, не зная, что о многом было сказано ранее другим поэтом, потому что на слуху были совсем другие имена. Не было объективной и широкой информации о народном Поэте. А между тем именно Рубцов просто и от души говорил уже в шестидесятые годы 20-го века:

Перед этой
Жёлтой, захолустной
Стороной берёзовой
Моей,
Перед жнивой
Пасмурной и грустной
В дни осенних
Горестных дождей,
Перед этим
Строгим сельсоветом,
Перед этим
Стадом у моста,
Перед всем
Старинным белым светом
Я клянусь:
Душа моя чиста.

И автор этой книги помнит небывалое явление, которое началось 19 января 1971 г. и продолжалось почти сорок дней. Природа плакала все эти дни. Небывалая оттепель стояла над европейской частью России, таяли снега, они пластами сходили со склонов подмосковных оврагов, где мы обычно катались на лыжах. Съезжать со склонов было невозможно, снег набух, и лыжи не ехали, а сгребали снег по склону. Заказное «предсказание» «Я умру в Крещенские морозы...» не сбылось.

Глава 1. Краткая биография Николая Рубцова

Николай Михайлович Рубцов родился в г. Емецке в многодетной семье (всего в семье родилось семеро детей). Глава семьи был в 1938 г. репрессирован, а в 1939 г. реабилитирован. По некоторым сведениям первая дочь Раиса умерла в раннем детстве. Надежда родилась в 1922 г. и умерла в апреле 1940 г. В 1942 г. отец ушёл на фронт. Мать умерла 26 июня 1942 г., в семье остались пятеро детей. Самая младшая семимесячная новая Надежда умерла сразу после матери. Старшую сестру Галину (1928г.) забрала на воспитание тётка со стороны отца. Старший брат Альберт (1932 г.), шестилетний Николай и младший брат Борис были направлены в разные детские дома Вологодской области. Шестилетний Коля убежал из Красковского детдома, прошёл 18 км пешком до Вологды и вернулся к сестре. Жил с ней несколько месяцев, продукты получали по карточкам. Однажды хозяйка комнаты украла батон хлеба у детей из шкафа и обвинила в этом Колю. Тот убежал в лес и жил там целую неделю под ёлкой. И в лесу Коля (в шесть с половиной лет!), не умея писать, сочинил такие стихи (записаны сестрой Галиной).

Вспомню, как жили мы
С мамой родною –
Всегда в веселе и тепле.
Но вот наше счастье
Распалось на части –
Война наступила в стране.
Уехал отец
Защищать землю нашу,
Осталась с нами мама одна.
Но вот наступило
Большое несчастье –
Мама у нас умерла.
В детдом уезжают
Братишки родные,
Остались мы двое с сестрой.

После окончания войны (1945г.) Николай ждал возвращения отца. И поскольку отец не появился, Коля посчитал, что тот погиб на войне. Между тем, отец вернулся с войны в 1944 г. после ранения и завёл новую семью. В эту семью в качестве няньки он взял из детдома Альберта, который прекрасно играл на баяне. А Николай остался сиротой и воспитывался до 14-и лет в детдоме в селе Никольском Тотемского района Вологодской области. Научился играть на гармошке и играл по слуху известные лирические песни из кинофильмов для друзей-детдомовцев.

После окончания семилетки (в детдоме) Коля ездил в Ригу поступать в мореходное училище. По разным сведениям, его не приняли то ли по возрасту, то ли из-за невысокого роста. В 1950 году поступил в Тотемский лесной техникум, жил на нищенскую стипендию, окончил 2 курса. Техникум находился на территории древнего Спасо-Суморина монастыря. С 16-ти лет, после получения паспорта, Николай начал зарабатывать себе на жизнь, работал в Архангельске, сначала в библиотеке «избачом» и истопником, а затем почти год моряком-кочегаром на тралфлоте. Приобрёл «морской» характер. Осенью 1953 года поступил в Кировский горно-химический техникум, хотел стать механиком, но ему определили специальность проходчика тоннелей. К учёбе охладел, искал свой путь по жизни.

В августе 1954 г. доехал даже до Ташкента. Но затем скоро возвратился в Кировск (некуда было больше ехать). Именно в Кировске начал регулярно писать стихи (как обычно, в связи с неразделённой любовью). В январе 1955 г. отчислен из техникума. Некоторое время ещё жил в общежитии, занимался в библиотеке, читал философские труды Канта, Гегеля, Платона, Аристотеля (1). В феврале 1955 года уехал из Кировска искать родственников. В справочном бюро Вологды узнал адрес и встретился впервые за 13 лет с братом Альбертом и отцом. Встреча с братом была радостной, а с отцом холодной. Всё-таки Николай считал, что отец мог забрать его после войны к себе. Но отец не нашёл следов Коли в Красковском детдоме.

В марте 1955 года Н.Рубцов уехал под Ленинград к родственникам жены Альберта, устроился работать в качестве слесаря на военный полигон. Скоро туда же вернулся и Альберт с женой. Осенью 1955 года Николая призвали в армию, и он прослужил четыре года матросом (дальномерщиком) на эскадренном миноносце Северного флота. Во время службы, а также в период отпуска под Ленинградом

писал стихи, печатался, много читал, особенно С.А.Есенина, занимался в литературном объединении при флотской газете «На страже Заполярья».

С осени 1959 года Рубцов работал на Кировском (Путиловском) заводе в Ленинграде. Занимался в литобъединениях завода и в городском объединении «Нарвская застава». Писал в основном юмористические и экспериментальные стихи, печатался в поэтических сборниках. В 1962 г. сдал экстерном экзамены за десятилетку и получил только в 26 лет аттестат зрелости. Выпустил летом 1962 года самиздатовский сборник стихов «Волны и скалы», который затем представил при поступлении в литературный институт им. Горького в Москве.

В августе 1962 г. Рубцов был принят в литературный институт, жил в общежитии на ул. Добролюбова в Москве. В апреле 1963 года у него в селе Никольском от Генриетты Михайловны Меньшиковой родилась дочь, которую Николай назвал Лена.

За время учёбы Рубцова дважды исключали с дневного отделения литинститута. Уж очень не вязались бедный вид и независимое поведение поэта с пребыванием в престижном московском институте. В июне 1964 г. был организован инцидент в ресторане ЦДЛ (Центральный дом литераторов), у Н.Рубцова отобрали студенческий билет и составили протокол о хулиганском поведении. И хотя поэт сдал все экзамены за 2-й курс, он был исключен с дневного отделения, уехал в Никольское. Не имея после детдома постоянной прописки, жил буквально скитаясь по стране. В июне и августе 1964 г. в журналах «Юность» и «Октябрь» были опубликованы первые подборки стихов Рубцова, которые принесли известность.

В Никольском Рубцов непрерывно писал стихи и публиковался, в основном на Вологодчине. Это были стихи без грохота, дыма и ударных доблестей, на которых приспособленцы делали карьеры. В 1965 г. у Рубцова вышла небольшая книжка «Лирика». А в 1967 году опубликована знаменитая книжка «Звезда полей», и многие увидели продолжение русской поэзии от 19-го века и С.Есенина к нашему времени. И наконец, в 31 год бездомный поэт получил постоянное место жительства (комнату), а затем в конце 1968 г. – начале 1969г. квартиру в Вологде на «престижном» пятом этаже пятиэтажки. В 1965 г. он перевёлся на заочное отделение литературного института, который окончил в 1969 г. В 1968 г. был принят в Союз писателей СССР.

При жизни поэта опубликованы четыре сборника: «Лирика», «Звезда полей», «Душа хранит» (1969 г.), «Сосен шум» (1970 г.).

После гибели поэта опубликованы сборники «Зелёные цветы» (1971 г.), «Последний пароход» (1973 г.), «Подорожники» (1976г.), а также ряд сборников для детей и юношества. Поэзия Рубцова включена в школьные программы.

Наращение читательского интереса к поэзии Н.М.Рубцова происходит стихийно, фактически без участия средств массовой информации. Эпизодические упоминания не могут принципиально повлиять на этот процесс. Это можно объяснить только «внутренней» информацией в обществе, когда при обсуждении проблем и поэзии неизменно возникает имя Рубцова.

Однажды какой-то маститый поэт сказал начинающему поэту: «Пиши о второстепенном, о главном напишут другие» (мэтры, видимо). И вот Н.Рубцов писал вроде бы о конкретном (о частном), а получилось о главном.

Фактически ещё в 60-е годы 20-го века Н.Рубцов в стихотворной форме выразил народную философию, которая связана с прошлым, настоящим и будущим России.

В настоящее время наблюдается буквально народная волна создания песен на стихи Н.М.Рубцова. Его поэзия, пронизанная душевностью, любовью к малой и большой Родине, полностью отвечает идеям Добра, Справедливости и Возрождения России.

На все времена народный Поэт ещё в 1963 году в стихотворении «Хозяйка» (затем «Русский огонёк») сказал:

За всё добро расплатимся добром,
За всю любовь расплатимся любовью!

Глава 2. Русская поэзия. Кратко о тенденциях развития.

После 19-го века (Пушкин, Тютчев, Лермонтов, Кольцов, Лонский, Фет, Никитин, Некрасов и др.) и начала 20-го века (Блок, Есенин), казалось, наступил застой в русской поэзии.

Вот что пишет товарищ Н.Рубцова А.Сизов (2):

«Однажды дело дошло до такого «серьёзного» разговора. Распорились о поэзии. Я говорил, что в литературе существует прогресс. В развитии формы: рифм, метафор, интонаций и т.д. Дескать, в пушкинские времена уже не писали так архаично и «неуклюже», как, скажем, Сумароков или Херасков. И во времена Блока или Пастернака напиши «под Пушкина» – тоже будешь архаичен. Вот когда глаза Рубцова засверкали антрацитовым огнём, вот когда он по настоящему вспылал:

– «До Пушкина, до Пушкина!»! – передразнил меня.

– А Державин?

– А что Державин?

– Лучше и не раздражай! Ты послушай, как писал: «Где стол был яств, там гроб стоит». Сильно?..

– Да ведь не пишем же мы теперь гекзаметром!..

Махал рукой, подчёркивая бесполезность спора.

– Всё равно лучше Гомера никто не писал. Когда-нибудь ты его поймёшь.

Понял, вся его поэзия убедила: духовность стиха – первейшее дело, форма может оставаться и консервативной.

В письме от 22 августа 1964 г. к поэту А.Яшину из Никольского Рубцов пишет о своём селе и о поэзии:

«Здесь великолепные (или мне только кажется) холмы по обе стороны неширокой реки Толшмы, деревни на холмах (виды деревень), леса, небеса. У реки, вернее, над рекой, сразу у въезда в Николу (так здесь коротко называется село), под берёзами – разрушенная церковь. Тоже великолепная развалина! В этой местности когда-то я закончил семь классов (здесь для души моей родина), здесь мне нравится, и я провожу здесь уже второе лето.

Село это культурное: выписывают всевозможные газеты. Я тоже иногда читаю их. Читал в «Вологодском комсомольце» Ваши стихи. Очень, очень обрадовался Вашей фамилии в газете и Вашим стихам.

Вообще-то «Вологодский комсомолец» – газета унылая. Печтает удивительно неуклюжие, пустяковые «современные» стихи. Уж сколько раз твердили миру, что мы молотобойцы, градостроители и т.п., и всё твердят, твердят! А где лиризм, естественность, звучность? Иначе, где поэзия? Да ещё многие из пишущих со своим легкомысленным представлением об этом деле носятся, как курица с яйцом! Впрочем, это сейчас широко распространено на Руси...

Ну до чего жаль, что в лесу опять нет рыжиков! Недавно в лесу так обиделся на это, что даже написал стихотворение о том, как много бывает грибов: в общем, не смог обойтись без того, чтоб не украсить свою лесную жизнь. Иначе было бы очень скучно. Ужасно люблю собирать грибы, особенно рыжики! Когда их много, рыжиков, они так и заманивают в лес! Я беспрерывно вижу их во сне, и просто так перед глазами: мерещатся...

В это лето напечатали две подборки моих стихов. В «Октябре» и в «Юности». Подборка в «Юности» никуда не годится. Я не согласился бы печатать её, если б в это лето мне не очень потребовались деньги. Да ещё так отредактировали кое-какие места... В результате рифма стала безвкусной.

В «Октябре» ко мне отнесли хорошо. Стихи прошли через Кочетова. А Д.Стариков (зам.редактора) старался тоже напечатать что-нибудь получше...

А всё-таки если б не Вы: сидеть бы мне сейчас за железной решёткой, распевать бы да слагать тюремные песенки, да клевать бы, как птица, клюкву на болоте во время перекуров. Да ходил бы за мной стражник с огромным таким штыком!

Здесь за полтора месяца написал около сорока стихотворений. В основном о природе, есть и плохие и есть вроде ничего. Но писал по-другому, как мне кажется. Предпочитал использовать слова только духовного, эмоционально-образного содержания, которые звучали до нас сотни лет и столько же будут жить после нас» (1).

В письме от 3 ноября 1964 г. к А.Яшину из Никольского поэт пишет:

«Только я вот в чём убеждён, Александр Яковлевич (разрешите мне поделиться своим, может быть нелепым, убеждением): поэзия не от нас зависит, а мы зависим от неё. Не будь у человека старинных настроений, не будет у него в стихах и старинных слов, вернее, старинных поэтических форм. Главное, чтобы за любыми формами

стояло подлинное настроение, переживание, которое, собственно, и создаёт независимо от нас форму».

Николай Рубцов этими высказываниями дал оценку целого периода поэзии таких личностей, которые фактически занимались лакировкой действительности во имя получения материальных благ. Рубцов за два года учёбы в литинституте, путём самообразования и изучения настоящей духовной русской и зарубежной поэзии, а также в ходе неформальных поэтических диспутов с друзьями-поэтами в общежитии литинститута нашёл свой путь поэтического отражения действительности. В монологе «О гениальности», который записал на магнитофон позднее, уже в Вологде, друг поэта А.Шилов, Николай Рубцов снова говорит о своём понимании поэзии (1,3):

«Не только Россия богата талантами. Очень богата была поэтами Франция. Один из них, например, Верлен. Рембо ещё был, Бодлер. Верлен совершенно почти ничего не написал. Но он написал одно прекрасное стихотворение, которое называется «Осенняя песня», которая, кстати, слабее моей. И его называли гениальным поэтом. И ещё один был гениальный поэт – Рембо. Он написал всего-навсего восемнадцать стихотворений. И каждое из них гениальное. Всего-то книжечка маленькая. Брошюра.

Опять оставляю экскурс во французскую поэзию. Перехожу к русской. Тютчев. Он прожил долгую, такую прекрасную, плодотворную жизнь. Он за 72 года своей жизни написал всего двести стихотворений. И все шедевры. До одного. Шедевры лирические: «Есть в осени первоначальной», «Зима недаром злится», «Люблю грозу...».

И несколько стихов политического содержания. Стихов очень сильных. У Тютчева даже политического содержания стихи полны смысла, силы мысли, поэтического могущества. И недаром Ленин, когда ездил, нередко брал с собой томик Тютчева. А вот один из наших современников, поэт политического момента, издал недавно книжку стихов в двадцать печатных листов, что редко когда-либо издавал какой-либо поэт настоящий. Но это были скромные поэты, а этот никогда не был скромным, бог его обидел ... скромностью. Его стихи совершенно не идут в сравнение с теми, которые написал Тютчев на политические темы, которые живы и сейчас.

Вот и гениальность. Я ведь не говорю, что гением может быть только поэт. Каждый человек должен делать своё дело. Быть мастером в своём деле».

О поэзии Рубцова сказано много. Лучше всего и точнее сказали поэты и писатели, сверстники Николая Рубцова. Потому, что они жили в один и тот же исторический, экономический и песенно-литературный период времени. Это война, голод, сиротство своё или друзей, спасающая от голода карточная система, а также песни веры в победу и надежды на светлое завтра. И большинство из друзей поэта реализовали свои творческие мечты. А из старших товарищей следует упомянуть В.Кожина, В.Максимова. Ст.Куняева, а также Г.Горбовского, который хорошо знал Рубцова по Ленинграду до июня 1962 г.

В Москве, особенно в общежитии литературного института, сложился фактически неформальный круг поэтов. В диспутах в разных составах участвовали Н.Рубцов, А.Передреев, Н.Анциферов, А.Черевченко, П.Мелёхин, Б.Примеров, Лысцов, Мерзликин, М.Шаповалов, Б.Шишаев, В.Нечунаев, А.Петров, Л.Котюков, А.Сизов и др. Во время этих «творческих» встреч определялись духовные позиции авторов. И не только эти поэты влияли на творчество Н.Рубцова, но и Рубцов своим пониманием жизни повлиял на творческое направление своих товарищей. Не случайно на эту поэзию ориентируются читатели государственного мировоззрения.

В статье «Долгожданный поэт» Г.Я.Горбовский признаёт, что «проворонил взлёт поэта, второе рождение Рубцова». И что очень важно, автор статьи пишет: «И в итоге на полку Времени (а не библиотеки!) наконец-то ставится книжечка, или картина, или нотная тетрадь, а то и голос певца, вообще – нечто своё, уникальное, неповторимое, иногда внешне как бы продолжающее некий ряд, скажем, Кольцов – Никитин – Есенин. Или другой ряд, скажем, Тютчев – Фет – Блок ... Продолжающее в развитии, а не в употреблении рабском» (2). А ведь надо сказать, что Г.Я.Горбовский интуитивно выстроил один ряд крестьянских поэтов: Кольцов – Никитин – Есенин, а другой ряд дворянских по происхождению поэтов: Тютчев – Фет – Блок. И вот оба этих ряда в настоящее время заканчиваются только одним именем – Рубцов.

Литературовед В.Н.Бараков (4) заглянул в суть поэзии Николая Рубцова, когда в 1993 г. написал: «В творчестве Рубцова отразилось то переходное состояние, которое свойственно сейчас большинству русских: тяжёлое расставание с атеизмом и медленный путь через искушения язычества к православной религии. Рубцов и в этом

В 1970 г. после посещения Ферапонтова монастыря, ознакомления с росписями Дионисия поэт рисует картину:

И однажды возникло из грёзы,
Из молящейся этой души,
Как трава, как вода, как берёзы,
Диво дивное в русской глуши!
И небесно-земной Дионисий,
Из соседних явившись земель,
Это дивное диво возвысил
До черты, небывалой досель...

Николай Рубцов, как никто другой, сумел связать явления материальной природы с духовным их пониманием, понятиями добра и зла, которые доводятся до нас иконами и росписями в православных храмах.

Глава 3. «Люблю волков...» (о «поэтессе» Л.Дербиной)

Поскольку последний период жизни Николая Рубцова пересекается с «поэтессой» Л.Дербиной, целесообразно подробнее сказать о ней. И необходимо сразу упомянуть о незаметно вышедшем издании «Русская душа. Сборник поэзии и прозы современных писательниц русской провинции», (германское название *Frauen Literaturgeschichte. Texte und Materialien zur russischen Frauenliteratur, Band 3*).

Редактор-составитель Г.Г. Скворцова-Акбулатова. Издательство Verlag F.K. Goupfert-Wilhelmshorst, 1995). В этой книге германского издательства среди нескольких поэтесс представлена Людмила Дербина. Интересно, что в это издание редактор-составитель не включила стихи лучшей русской поэтессы Ольги Фокиной из Вологды (именно из русской провинции). В упомянутом сборнике дана автобиография Дербиной. Приводим её дословно (с некоторыми комментариями автора книги). Далее автор даёт порядковые номера фрагментам лжи Л.Дербиной.

«Я родилась в 1938 году в Ленинграде на Лермонтовском проспекте. Семья военнослужащего Дербина А.Н. занимала комнату во флигеле бывшей Николаевской школы гвардейских подпрапорщиков

и кавалерийских юнкеров, где в своё время два года учился Михаил Юрьевич Лермонтов. Первые три года моей жизни прошли в играх под сенью памятника великому поэту («не слабо!» – поэт осенял будущую «поэтессу? – прим. автора).

21 июня 1941 года мы с матерью и старшей сестрёнкой выехали в гости к бабушке на Вологодчину (Дербина выехала в г.Вельск, но это не Вологодчина, а Архангельская область, нюанс состоит в том, что Дербиной хочется показать своё землячество на вологодской земле, вот такая маленькая ложь №1 с дальним прицелом – прим. автора). Обратного в Ленинград уже не вернулись. Так, с огромного горя моей Родины, началось моё детство на глухом вологодском хуторе. До сих пор остро помню все запахи, краски, звуки, всю дивную красоту глухомани, всё очарование этого пленительного уголка вологодской земли (второй раз «поэтесса» незаметно вставляет в текст свою «вологодкость» – прим. автора). В лесу я люблю бродить одна. В нём по-домашнему уютно и потаённо. Стихи начала писать лет с двенадцати. Даже посылала их в газету «Пионерская правда», хотя и безрезультатно (всё это написано, чтобы вызвать у читателя жалость и сострадание к невинной душе, – прим. автора).

В детстве на моё развитие большое влияние оказала моя бабушка по матери Некрасова Мария Семеновна. Она много знала наилучше из Пушкина, Некрасова, Дрожжина, Сурикова. Псковская девочка из крестьянской семьи, она была отдана «в люди» и до замужества служила горничной у каких-то знатных господ в Петербурге. Там научилась читать и увлеклась поэзией. В голодном 1918 году, уже имея шестерых детей, выехала на родину мужа (моего дедушки) на Вологодчину. А там, в соседней деревне уже подрастал мой отец. Так что корни мои вологодские, хотя я и родилась в Ленинграде (корни не вологодские, а архангельские, Дербина всё время ведёт повтор идеи, что она вологодская, а это ложь №1, – см. выше прим. автора).

Среднюю школу я закончила в 1956 году и в том же году поступила в Ленинградский библиотечный институт им. Н.К.Крупской. На первом курсе очень тосковала по лесу, хуторской тишине и писала ностальгические стихи. Занималась в литературном кружке, которым руководил известный литературовед и наш преподаватель Виктор Андроникович Мануйлов. Впервые одно из моих стихотворений было опубликовано в ленинградской молодёжной газете «Смена» в 1957 году.

Быстро пролетели четыре студенческих года, и снова пришлось уезжать из Ленинграда. Я получила направление в Архангельск, но там не прижилась (по каким же таким причинам, можно было бы и объяснить любознательным читателям? – прим. автора) и сбежала к подруге в Воронеж, где вышла замуж и где в 1965 году у меня родилась дочь. Иногда в воронежских газетах, журнале «Подъём» появлялись мои публикации.

В 1967 году вышел коллективный сборник воронежских поэтов, в котором участвовала и я (ясно, что Дербина, по мужу Грановская, поставила себе ещё с института цель вступить в союз писателей и тем самым решить свои меркантильные и жилищные запросы, уехать из «глухомани», городка Вельска, – прим. автора). Наконец, в 1969 году увидел свет сборник моих стихов «Сиверко» (Сиверко – это злой северный ветер и Дербина взяла неслучайно это название для первого сборника стихов – прим. автора).

Меня всё время тянуло на север, в родной лесистый край, и я осенью 1969 года переехала в Вологду. В то время там жили писатели и поэты, очень близкие мне по духу: Василий Белов, Николай Рубцов, Ольга Фокина (ложь №2 – не могли эти писатели и поэты в силу человечности иметь что-то общее с поклонницей волков – прим. автора). В Вологодском отделении Союза писателей встретили меня хорошо (именно в это время в Вологде по инициативе Вологодского обкома КПСС писателям и поэтам, в том числе приезжим, создавали благоприятные жилищные и материальные условия; например, в феврале 1969 г. из Сибири в Вологду переехал известный писатель В.П.Астафьев, и ему дали сначала трёхкомнатную квартиру на шумноватой улице, а затем сразу четырёхкомнатную в тихом переулке; в декабре 1968 г. Н.Рубцов получил отдельную однокомнатную квартиру в Вологде; очевидно, обо всём этом знала Дербина по газетным публикациям, ведь любой писатель следит, что творится в своём мире – прим. автора). Особенно я сблизилась с поэтом Николаем Рубцовым. Возникло чувство (чего? – прим. автора). Но со временем всё более стала проявляться трагическая окраска наших отношений – из-за пристрастия Рубцова к спиртному (ложь №3 – имеется целый ряд свидетельств, особенно выявившихся на суде, о том, что Дербина и сама не раз пила в компании с Рубцовым и без него). Выпив, он становился агрессивным и непредсказуемым (ложь №4 – смотря к кому? К ловкачам – да! А к друзьям – нет! – прим. автора).

Создалась ситуация: невозможно жить вместе и невозможно расстаться. Я ощущала себя в западне.

Ложь №5. В таких ситуациях несовместимости характеров ещё до брачного союза женщина или мужчина уходят в сторону и начинают искать более подходящую пару для последующей совместной жизни. Почему же Грановская продолжала встречаться с «пьяницей» Николаем Рубцовым? (прим. автора)... Катастрофа (ложь №6 – это не катастрофа, а убийство поэта! – прим. автора) произошла внезапно ранним утром 19 января 1971 года, в само Крещение. В очередной схватке (значит, конфликты были не раз, почему же «поэтесса» не ушла раньше? – прим. автора) Рубцов погиб (ложь №7 – не погиб, а был убит! – прим. автора), а я неожиданно для самой себя стала преступницей (в таланте замазывания названия факта и изворотливости Дербиной не откажешь: стала она не просто преступницей, а убийцей! – прим. автора).

В Северо-Западном издательстве готовилась к изданию моя вторая книжка – «Крушина». Всё рухнуло. Моя пятилетняя дочь стала расти сиротой при живых родителях. Моя жизнь и надежды были перечёркнуты. Я оказалась в тюрьме, вне всякой общественной жизни (а что же Дербина хотела после такого убийства?! Давать интервью из тюрьмы? – прим. автора). Это продолжалось пять с половиной лет. Но и потом дорога в редакции журналов и газет была закрыта ещё более пятнадцати лет (ах, какая страдальца от злых редакторов?! – прим. автора).

То, что случилось со мной и Николаем Рубцовым, является для меня тайной судьбы, которую я не могу разгадать до сих пор (ложь №8 – всё яснее ясного: жажда карьеры и неудовлетворённое самолюбие! – прим. автора). Почему именно из моих рук принял он свою крещенскую смерть (в данной публикации внизу сноски «Я умру в крещенские морозы...» – строка из стихотворения Николая Рубцова). Это ведомо только небу (ложь №9 – Вот это ведомо самой Дербиной, а для читателей и убийцы вопрос: что же при ночном разговоре выяснилось такое, что Дербина не могла отпустить Рубцова живым в эту ночь?– прим. автора).

«Крушина» вышла спустя 23 года, в 1994 году, уже дополненная новыми стихами, которые я всё-таки не переставала писать. «Под камнепадом хулы, поношений» важно было выстоять, не сломаться, не потерять себя. С божьей помощью мне это удалось (ложь №10

– «поэтесса» совершила дьявольский поступок: убила человека, а тем более выдающегося русского поэта и ещё пишет «с божьей помощью». Не «с божьей помощью», а с сатанинской помощью; дух сатаны царствует в её стихах – прим. автора)

С 1980 года я живу в Санкт-Петербурге, (между прочим, преступникам, а тем более убийцам, в те советские времена запрещалось проживать в крупных городах, по закону – 100 км от любого областного центра; почему же Дербина-Грановская переехала из провинциального городка Вельска, где она жила и работала с осени 1976г. после тюрьмы, и поселилась уже через четыре года во втором столичном городе России? – прим. автора) моём родном городе, за который все 900 дней фашистской блокады сражался мой отец (это заслуги отца, а каковы заслуги убийцы? – прим. автора). Но каждый год в летнее время я приезжаю на лесную поляну, где некогда стоял мой хуторок, мой Наивный хутор (ах, какая же невинность и умение вызывать к себе жалость у неискущённого читателя! – вот это и есть верх демагогии! – прим. автора)».

Далее в этой публикации перед подборкой стихов Дербиной идёт следующий текст.

«Стихи, представленные в этой подборке, написаны после трагедии 1971 года, в период вынужденного молчания Л.Дербиной». (Это какой же такой злодей вынудил Дербину молчать? В тюрьму её посадили за злодейское убийство, а затем редакторы газет и журналов отказывались печатать не «поэтессу», а убийцу. Это же понимали многие «инженеры человеческих душ» в редакциях. Но нашлись всё-таки покровители у убийцы и легализовали её литературную деятельность! И теперь убийца поливает грязью Николая Рубцова, то обзывая его пьяницей и в то же время называя себя его «женой». Где же логика у мадам Дербиной-Грановской? – прим. автора).

А теперь о «стихах», которые были впервые опубликованы в нижеуказанном коллективном сборнике «Встреча» (1995).

В третьем по порядку стихотворении Дербина пишет:

Ты что-то рассказывал мне,
счастливый, шутил поминутно,
меж тем, как уже в западне
себя ощущала смутно.

Я знала – ты любишь меня
и силой возьмёшь мою душу,
что это и есть западня,
и то, что её я разрушу!
Но там, под осенней луной,
при лёгком головокруженьи
мятеж назревающий мой
ещё не казался крушением.
Лишь где-то в крещенские дни
запели прощальные хоры,
и я у своей западни
смела все замки и затворы!

Что это? Самообман «поэтессы» или обман читателя? Видно, что Рубцов пытался спасти душу этой «подруги», не подозревая, что она и не хотела спастись от гордыни, от зависти, от злости к ближним (у неё уже был подсознательно «мятеж назревающий мой...») и остальное только вопрос времени осуществления.

В четвёртом стихотворении Л.Грановская пишет:

О, сколько надежд златотканых
развевалось в прах на ветру!
Прости, моя светлая мама,
меня ты учила добру.
В гордыне моей темнокровой,
родная, твоя ли вина?
Надеялась – буду толковой,
прощаясь со мной у гумна.
Зачем не окликнула, боже,
о ты, прозорливая мать?!
Ведь чуяло сердце – не гоже
из дому меня отпускать.
С лесной необузданной силой,
с мятежным напором в крови
кому-то казалась я милой
и кто-то мне пел о любви.
Как быстро кончалось знакомство,
когда в моих рысьих глазах

природное непокорство
внушало знакомому страх.
Откуда я знала, откуда,
что встретится мне идиот...

Грановская сама признаётся в свойствах своего характера. И те мужчины, которым удавалось угадать «гордыню», «мятежный напор в крови» и «природное непокорство» в рысьих глазах, бежали от «поэтессы» сломя голову («как быстро кончалось знакомство»). К сожалению, не смог эти свойства характера «поэтессы» сразу распознать Николай Рубцов.

В пятом стихотворении Л.Грановская пишет:

Но был безумец... Мною увлечённый,
он видел бездну, знал, что погублю...

Здесь ни прибавить к смыслу, ни убавить от сказанного убийцей. Она знала заранее, что погубит Поэта.

В седьмом стихотворении Л.Грановская пишет:

Быть стоит проклятой, распятой,
прослыть исчадьем сатаны.
Но надо самой полной мерой
свое отплакать, отстрадать,
постичь на собственном примере
всю бездну горя, чтоб сказать:
«Прошедшие без катастрофы,
мой час возвыситься настал.
Не сомневайтесь, крест Голгофы –
весьма надёжный пьедестал!»

Гордыню «поэтесса» так и не потеряла за годы отсутствия в литературных кругах. Видите ли, её время пришло. И, оказывается, она несла «крест Голгофы» (ложь №11). До чего же доводит демагогия! Христос нёс крест на Голгофу во имя спасения людей. А «поэтесса» убила русского человека и гениального народного поэта и считает, что это она крест принесла на Голгофу и теперь получила «весьма надёжный пьедестал» для вразумления толпы и прыжка в элиту.

В восьмом стихотворении Л.Грановская пишет:

Я, рождённая в полночь, брожу...

Я из тех, кто с собой не поладив...

Есть жестокая в этом отрада:
весь душевный раздор и разор
обезболить струящимся ядом
из цветочных дурмящих пор...

Это и есть кредо «поэтессы»: «весь душевный раздор и разор обезболить струящимся ядом...». Душевные потрясения лечат русские люди в церкви исповедью, постами, молитвами и др. Ядом «лечат» душу только сатанисты. И ещё. Яд не струится из цветочных пор (ложь №12). Из цветка струится сладкий нектар, который используют пчёлы для мёда.

В девятом стихотворении Л.Грановская пишет:

Всё исполнено вещего знака,
всё несёт в себе звёздную суть.
Всей звериной тоской Зодиака
и моя переполнена грудь!

Признания «поэтессы» о звериной тоске, которая переполняет грудь, выдают её суть. Видимо, она даже не может завуалировать свои звериные инстинкты.

В одиннадцатом «творении» Л.Грановская пишет:

Я чувствую себя тоскливо,
как зверь в чужом краю...

Лишь чуть щедрей и чуть большей в висок
лилась луны таинственная сила
и синевой отсвечивал песок.
Предугадать средь будущих трагедий,
переворотов, роботов, чудес

девчонку с волосами цвета меди,
бегущую межюю росной в лес.
Откуда ж знать такой солнцеголовой,
что это от меня передалось
в её уста мучительное слово
и в грудь – моя ликующая злость...

Важные сведения о себе излагает Грановская. Оказывается, в неё вливается таинственная сила луны (на которую молятся сатанисты). Но особенно важно, что «поэтесса» передаёт наследнице («девчонке с волосами цвета меди») не что-нибудь хорошее, а «в грудь ликующую злость...»

Далее в книге следуют «Пояснения» и среди них:

белена – ядовитое травянистое растение

бесовское исчадие (уст., книж.) – порождение беса

волчье лыко – ядовитый невысокий кустарник с ярко-красными ягодами

ворожба – гадание

Дербина – от: *дербить* (чесать, скрести, царапать); *дербя* (арх.) – залежь, вновь поросшая лесом, чащоба; *дербина* (арх.) – иногда вообще заросль.

Вот такое недвусмысленное происхождение слова «*Дербина*» даёт в подборке своих стихов сама Л.Дербина (Грановская) и редактор-составитель. Кстати, и указание (арх.) после (*дербина*) – это архаичное или архангельское происхождение слова?

Приведённые пояснения старинных (отрицательных по духу) слов свидетельствуют о направленности «поэзии» автора. Нет света, нет добра и нет любви к людям в такого рода эгоистических стихах. Только себя, страдальцу, видит Дербина по жизни и в стихах. Поэзия Рубцова принципиально отличается в этом смысле от «творчества» заезжей в Вологду напористой «поэтессы».

В стихотворении «Почему мне так не повезло», которое написано в последний год жизни Н.Рубцова, обнаружено в архиве поэта и опубликовано после его смерти только в 1990 г., поэт говорит (1):

Почему мне так не повезло?
По волнам давно уже усталый,
Разгонюсь – забуду про весло,
И тотчас швырнёт меня на скалы!

Почему мне так не повезло?
Над моей счастливою любовью
Вдруг мелькнуло чёрное крыло,
И прошла любовь с глубокой болью.

Почему мне так не повезло?
Все, трудясь, живут себе в надежде,
Мне ж моё глухое ремесло
Не приносит радости, как прежде.

Почему мне так не повезло?
По ночам душе бывает страшно,
Оттого, что сам себе назло
Много лет провёл я бесшабашно.

Почему мне так не повезло?
Всё же я своей не веря драме,
Всё стремлюсь, хватаясь за весло,
В океан, волнуемый страстями.

Надо ещё раз напомнить читателю, что Рубцов, как и большинство поэтов, в своих стихах пишет свою жизнь и её обстоятельства. Это стихотворение очень драматично и раскрывает сложность жизни поэта в последний год.

Вот поэт говорит «забуду про весло, и тотчас швырнёт меня на скалы». Забывает поэт об осторожности с окружающими его людьми. И главное, о чём говорит поэт: «Над моей счастливою любовью вдруг мелькнуло чёрное крыло». И чьё же это «чёрное крыло», от которого хотел избавиться Поэт? А с кем же была счастливая любовь? Всё-таки, с Гетой, матерью его дочери Лены, от которой Н.Рубцов не только никогда не отказывался, но любил больше всего на свете. Достаточно вспомнить пронзительную «Прощальную песню», в которой поэт говорит о Гете и дочери.

.....
Спелой клюквой, как добрую птицу,
Ты с ладони кормила меня.

.....
Но однажды я вспомню про клюкву,
Про любовь твою в сером краю
И пришлю вам чудесную куклу,
Как последнюю сказку свою.

Чтобы девочка, куклу качая,
Никогда не сидела одна.
– Мама, мамочка! Кукла какая!
И мигает, и плачет она...

В стихотворении «Тот город зелёный...», в котором угадывается Тотьма, Рубцов написал (1):

Сорву я цветок маттиолы
И вдруг заволнуюсь всерьёз:
И юность, и плач радиолы
Я вспомню, и полные слёз
Глаза моей девочки нежной
Во мгле, когда гаснут огни...
Как я целовал их поспешно!
Как после страдал безутешно!
Как верил я в лучшие дни!

Мог ли говорить Н.Рубцов о «счастливой любви» по отношению к Дербиной? Ни в коем случае! Ведь сама Дербина признаёт, что с Рубцовым у неё были постоянные конфликты (вот её фраза: «в очередной схватке он погиб»). На суде Дербина заявила, что Рубцов, видите ли, унижал её как поэтессу, когда заставлял убирать в квартире, помыть посуду, в общем, наладить бытовые условия (2,5). Известно также, как характеризовал Рубцов поведение этой «подруги» в мужском обществе, когда она играла на ревности. Ниже приведена пародия «Змея».

Осенью 1969 г. Дербина представила на обсуждение свою новую книжку стихов «Крушина». Рыжая крупнотелая цветущая женщина ангельским голосом читает на обсуждении такие строки (6,7):

Люблю волков за их клыки во рту,
За то, что их никто уже не любит,
За то, что их так безрассудно губят,
Природы попирая правоту.

Любить хищников – это на грани жестокости и патологии. Волк среди русских людей никогда не был в качестве положительного образа. Он всегда считался врагом русского человека, живущего в деревне, и всегда приносил только беды человеку и ущерб хозяйству. Не понимать это – может только оторванный от трудной крестьянской жизни «заумный» элемент. Интересен факт, что это стихотворение из сборника «Крушина»

Дербина не включила в свою подборку в вышеупомянутое германское издание. А Рубцов восставал против антихристианских стихов Дербиной. И вот ещё строки «поэтессы»:

Вся грузная, бояться буду драки,
Я всё ж оскалю острые клыки,
Когда за мной погонятся собаки.
Мои волчата! Вам несдобровать.
Но разве сдобровать дворовым сукам?!»
Я глотки их успею перервать,
Пока меня по голове – обухом ...
Когда ж с башкой, раздробленной в огне,
Лежать я буду, сотворя бесчинство,
Ну кто поймёт, что вот сейчас во мне
Погублены любовь и материнство.

«Поэтесса» признаёт, что сотворит бесчинство из-за того, что кто-то (а это ещё до Рубцова!) погубил её «любовь и материнство». Из-за больного самолюбия она готова на всё. Рубцов понимал, какие мысли владеют его «подругой». О её изысканиях образов он однажды сказал, что это «не стихи, это патология». Рубцов написал Дербиной пародию «Люблю змею»:

Люблю змею, когда она,
Вся извиваясь и свисая,
Ползёт, глазами завлекая...
О, Господи! Ведь я сама такая!

Змея, «глазами завлекая»! Точнее трудно сказать. Вот это уже не могла простить Рубцову мстительная натура «поэтессы». А взаимоотношения двух творческих антиподов складываются так. 9 июня 1970 года Рубцов приходит к Дербиной, но та его не пускает в дом (кто-то был у неё?!), и поэт разбивает рукой двойную оконную раму. Как же надо было разозлить доверчивого Рубцова! Сильнейший порез вены, потеря крови и больница.

В августе 1970 г. Гета с дочкой Леной приезжают в Вологду для покупки школьных принадлежностей. Они приходят к поэту. В квартире оказалась Дербина, которая быстро ушла после появления Геты с Леной. Но и Лена с матерью тоже быстро уходят (5). Николай Рубцов пытался их остановить, но многое поэт уже упустил раньше.

Никаких разговоров о женитьбе Рубцова на Дербиной в это время не было и в помине. Очевидно, были эпизодические встречи, удовлетворение потребностей, но никакой постоянной любви.

Н. Коняев приводит в январе 2001 г. такие стихи-признания Дербиной относительно её взаимоотношений с мужчинами (6).

Когда-нибудь моя душа
Да скинет цепи постоянства!
Не нужно будет усмирять
Её капризы и порывы
Лишь изменяться, изменять
Свободно, дерзко, прихотливо!

Эгоизм дамочки по отношению к семейным отношениям (в то время воспитывающей свою дочь Ингу!) и призыв к свободной любви так и вылезает из этих «стихов»!

А на что только не пускается Дербина в попытках оправдания убийства!

1. Она разыгрывает «бытовуху», то есть с одной стороны, трезвая любовница (в ранге «невесты»), а с другой стороны, пьяница-русский мужик (в ранге «жениха»). И вот она даёт «сдачи» будущему мужу – убивает его ещё до официального оформления брака в государственном учреждении – ЗАГСе. В попытках самооправдания Дербина играет на частных бытовых конфликтах, которые возникают периодически в любых семьях. Но при этом получается, что Дербина стравливает мужа и жену, мужчину и женщину. Вместо

нормального человеческого решения конфликта обосновывается решение конфликта убийством одного из членов семьи и общества?!

2. Дербина заявляет о любви Рубцова к ней (ложь №13). Откуда это видно?! Об имевшихся «очередных схватках» она сама признаётся. О якобы унижении её как поэтессы она сообщила на суде. Какая же это любовь? Постельные встречи – это не любовь, а удовлетворение половых инстинктов. Вот и вся «любовь»! А изданные её мемуары – это попытка оправдания убийства, а значит, это ложь!

3. Мастерство лжи доведено Дербиной до совершенства. В этом её уличили:

а) В.П.Астафьев в статье «Затеси», Новый мир, №2, 2000;

б) А.Романов в статье «Искры памяти» (книга «Воспоминания о Николае Рубцове», Вологда, КИФ «Вестник», 1994 г.;

в) В.Коротаев в статье «Гиря дошла до полу» (книга «Воспоминания о Николае Рубцове», Вологда, 1994 г.);

г) М.Корякина в статье «Душа хранит» (книга «Воспоминания о Николае Рубцове», Вологда, 1994 г.).

4. Случай с порезом вены у Рубцова при неожиданном посещении им Дербиной. Вот как описывает этот случай «поэтесса» (ложь №14):

«9 июня (1970 г.) Рубцов, как обычно, сидел у меня на диване, за круглым столом, выпивал, курил. Я была в огороде, поливала грядки. Я услышала звон разбившегося стекла в комнате. Открыла дверь, подбегаю, вижу – в окне дыра, на полу осколки стекла, Рубцова не видать. Я приблизилась к окну и (о ужас!) увидела Рубцова с поднятой правой рукой, из которой фонтаном хлестала кровь. Оказывается, он стукнул кулаком по окну и разбил оба стекла (у меня и летом были двойные рамы). Ещё мгновение, и Рубцов упал на цветочную клумбу. Я выскочила на улицу...» (газета «Речь», Череповец, 22 января 1993 г.).

Вот такая сказочка от Дербиной. А вот, что пишет А.Романов в статье «Искры памяти» (2):

«Если бы Рубцов тогда в больнице не рассказал мне, пусть и скупо, об этом случае, то, возможно, и поверил бы я тому, что написано теперь Дербиной. Хоть поверить никак невозможно – взгляните-ка, что она утверждает: Рубцов сидел в её комнате, а она была в огороде. Вдруг, ни с того, ни с сего, он бьёт рамы и ...оказывается на клумбе. По какой такой причине вспыхнул его гнев, зачем ему понадобилось

выбегать из комнаты, если «сидел на диване, за круглым столом, выпивал, курил»... Благоденствие – и вдруг беда!.. Нет, Дербина тут неискренна! Что-то утаивает».

И вот что услышал А.Романов от Рубцова при посещении его в больнице:

«Открылась дверь, и белое, бескровное лицо захолонуло мою душу. Что случилось? Правая рука забинтована, висит на привязи... Николай силится улыбнуться, но это улыбка его мужской самозащиты. И не отвечает, когда назойливо расспрашивают. Задав всего один вопрос: что случилось? – жду, что скажет. Он сунул Коничева (писатель, чью книгу дал А.Романов Рубцову, – прим. автора) подмышку, взглянул в меня глубоко, а потом ответил, что был у Людмилы Дербиной в Троице – в деревеньке под Вологдой. Пришёл к ней, своей любовнице, а дверь на крючке. Он – стучать! Она мелькнула в окне, а в комнату не впустила. Он с размаха стукнул так, что кулаком навывлет пробил двойные рамы. Из вены плеснулась кровь. Он упал. Дербина выскочила из дома и вызвала «скорую помощь». И вот он здесь»...

В книге «Наедине с Рубцовым» Н.Старичкова пишет:

«Второго августа (1970 г.) я возвращаюсь в Вологду. Мне эта дата запомнилась на всю жизнь... Стою в подъезде. Задумалась... Только хотела взглянуть на дождик, как дверь открылась и прямо передо мной (ну разве не сказка!) возник Коля Рубцов. Он был в серенькой трикотажной с люрексом безрукавке. От серебряных нитей он сам казался сверкающим, серебряным. Капельки дождя блестели на лице, даже на кончике носа... Пока я ходила за деньгами, Коля поднялся по лестнице и ждал меня на площадке. Подала ему две крупных монеты. Он зажал их в кулак со словами: «Пойду к Чулкову», – повернулся и, как мальчишка, побежал по ступенькам.

Остановилась. Стою на площадке. Смотрю ему вслед (подобного не ожидала) и тихо, почти шёпотом говорю: "Вот так! Побежал и даже не оглянулся".

– Что?

Какой слух! Коля уже внизу и, услышав мою фразу, оглянулся с виноватой улыбкой.

– Вот и всё, – сама себе сказала я.

Это последний раз, когда я видела Рубцова в своём доме...»

«По городу поползли слухи о Рубцове. Повторяю дословно, как слышала:

– Ну, Колька себе и бабу выбрал!

– Выбрал? – возмущаюсь про себя. – Это же она... сама...

Вскоре до меня доходит другой слух: «Рубцов письмо написал с просьбой освободить его от этой женщины (значит, она засела у него на квартире! – прим. автора). Но это же смешно. Мужик, а справиться сам с бабой не может»... Понимаю: «Да, не сможет, это же Рубцов!».

Верно, что такое письмо он мог написать. Осталось в тайне, кому он написал такое письмо. Кто его читал? Кто распустил слух? И почему помощи не последовало?»

Записал я эти сведения Н.Старичковой и, прервав работу, пошёл на кухню. А там у меня лежала раскрытая книга о Н.Рубцове (периодически я листаю страницы и читаю его стихи). И передо мной на открытой странице стихотворение «Кого обидел?», именно о слухах и старухах.

И вспомнил я тревожный ропот
Вечерних нескольких старух.
Они, они тогда по тропам
Свой разнесли недобрый слух!

– Ему-то, люди, что здесь надо?
Ещё утащит чьё добро! –
Шумели все, как в бурю стадо...
И я бросал своё перо.

Есть сердобольные старушки
С душою светлою, как луч!
Но эти! Дверь своей избушки
Хоть запирай от них на ключ!

Они, они – я это видел! –
Свой разнесли недобрый слух.
О Русь! Кого я здесь обидел?
Не надо слушать злых старух...

Через некоторое время (примерно через два месяца) Н.Старичкова зашла в вологодский Союз писателей. И вот она пишет об этом: «В комнате тихо. За столом одна Лиза (секретарь учреждения – прим. автора). Обращаюсь к ней:

– Рубцов не заходил? Мне надо поговорить с ним...

– Он три дня отсюда не выходил. Тебя всё вспоминал и её тоже. Говорил, что ты добрая, а Люда талантливая.

– «Раз так, – отметила для себя, – то мне и узнавать больше ничего не стоит...»

В начале зимы (вероятно, декабрь 1970 г.) в Вологодском Союзе писателей состоялось отчётное собрание, на котором присутствовали и Н.Старичкова, а также Рубцов и Дербина. После собрания Н.Старичкова во время беседы с М.Корякиной (женой В.П.Астафьева) о Рубцове высказала мнение, что поэт вернётся к семье. И далее о поведении на собрании Рубцова и Дербиной она пишет:

«Что-то тут не так! – возражаю «чужой мысли». – Сидят рядом, а светлой радости на лицах нет. Словно каждый погружён в себя по какому-то тоже неведомому приказу».

Предчувствие беды не покидает Н.Старичкову:

«Брожу по улице. Подхожу к киоску. Меня привлекла цветная открытка зимнего соснового бора. Есть возможность послать её Коле, приближается Новый 1971 год. Поздравить и заодно предупредить об опасности, пока не поздно. Так и написала: «Береги голову, пока не поздно».

О предчувствии беды с Н.Рубцовым пишет и В.Коротаяев, который срочно вернулся из поездки (2).

Новый 1971 год мог коренным образом повернуть жизнь поэта. Но Гета и дочь не приехали, как сообщается, из-за метелей.

3 января 1971 г. Николаю Рубцову исполнилось 35 лет. Он один – без семьи, без дочери.

После встречи с вернувшейся в Вологду Дербиной поэт принимает противоестественное решение о регистрации брака с ней. 9 января они подают заявление, согласно законам ЗАГСа им дают 40 дней для обдумывания своего решения и назначают регистрацию на 19 февраля 1971 г. (дело не в кознях чиновников ЗАГСа, как это представляет Дербина и с её подачи авторы книг о Рубцове, а дело в установленных тогда законом правилах регистрации). Дербина

хочет сразу прописаться в квартиру к Рубцову, ведёт его в жилконтору, но без брачного свидетельства прописка невозможна. Через несколько дней после подачи заявления в ЗАГС Рубцов встречался с друзьями и, несомненно, обсуждал с ними целесообразность женитьбы на «поэтессе». Вероятно, поэт представил себе ситуацию и понял, что «жених» Рубцов и «невеста» Дербина будут посмешищем для всей Вологды. А в ночь на 19 января (православный праздник – день Крещения) происходит чрезвычайный разговор («очередная схватка» по признанию Дербиной) и ослабленный алкоголем и болезнью поэт (вес его 60 кг) гибнет от рук озверевшей здоровой (масса более 80 кг) «поэтессы» Л.А. Грановской (Дербиной).

Вологодский литературовед В.Н. Бараков раскрыл психологию схватки Рубцова и Дербиной (4): «Он (Рубцов) знал, что за её стихами скрывается та жизненная философия, суть которой Ф.М. Достоевский передал ясно и определённно: «в будущем нет ничего, надо требовать всего от настоящего, надо наполнить жизнь одним насущным». Вся наша жизнь представляет собой вечное «поле битвы в сердцах людей», на котором ведутся смертельные схватки духа и плоти, свободы и рабства, искренности и коварства, чистоты и нечисти, Бога и дьявола. В своих стихотворениях эта женщина сама называла себя «ведьмой» и «сатаной». «И дух бунтарский сатаны во мне, как прежде, остаётся». Николай Рубцов в одиночестве, в сомнениях всё-таки надеялся выиграть борьбу за её душу. Очень надеялся...»(4).

А Дербина писала: «опять я губы в кровь кусаю, и как медведица рычу» (2). И Рубцов предвидел, что его ожидает, он не знал только точно, с кем и когда будет схватка. В «Философских стихах» Н.Рубцов написал (1):

Когда-нибудь ужасной будет ночь,
И мне навстречу злобно и обидно,
Такой буран засвищет, что невмочь,
Что станет свету белого не видно.

Но я пойду! Я знаю наперёд,
Что счастлив тот, хоть с ног его сбивают,
Кто всё пройдёт, когда душа ведёт,
И выше счастья в жизни не бывает!

Чтоб снова силы чуждые, дрожа,
Все полегли и долго не очнулись,
Чтоб в смертный час рассудок и душа,
Как в этот раз, друг другу улыбнулись...

В.Н. Бараков (4) обратил внимание на эту часть «Философских стихов» и привёл их в учебном пособии для педагогов. Это стихотворение говорит об ожидании Рубцовым именно схватки с враждебной силой и о том, что он не боялся этой схватки. Более того, Николай Рубцов показал, что «силы чуждые, дрожа» сами боятся обстоятельств жизни, будут хотя бы временно побеждены. Поэт хотел, чтобы «силы чуждые... долго не очнулись», и он знал, что эти силы вновь выйдут на борьбу за души людей.

К сожалению, Николай Рубцов дал несколько пророчеств о судьбе, в том числе найденное «Я умру в крещенские морозы.....» Дербиной представляет эти пророчества как команду сверху для оправдания своего преступления. В своих публикациях сообщает также о «свечении креста» в библиотеке, где она работала. Слишком глубоко она вошла в роль прорицательницы и исполнительницы воли высших (но дьявольских!) сил.

В. Коротаев приводит программные «стихи» Дербиной (8):

Волчица я. Ты понял слишком поздно,
Какая надвигается гроза.
В твои глаза в упор глядят не звёзды,
А раскалённые мои глаза.

Железной шерстью дыбится загривок,
И нет сомненья ни в одном глазу.
Как я свою соперницу игриво,
Почуяв, загоню и загрызу.

И к этим «стихам» ничего ни прибавить, но от них ничего и ни убавить для понимания психологии Дербиной.

Можно отметить, что стихи Николая Рубцова, которые обнаружила на столе в его квартире Н.Старичкова после убийства, как раз готовились как ответ на эти волчьи «стихи» Дербиной. Сама «поэтесса» признаёт, что Рубцов много ей дал в понимании поэзии.

Очевидно, он учил писать то, что думает искренне автор, в соответствии со своим мировоззрением, как этому поэтов учил А.Яшин. Но рукой «поэтессы» водили сатанинские силы, приличная техника стихосложения не даёт права автору называться поэтом при изложении дьявольских, звериных идей. Промолчать об этом – значит отдать читателя во власть звериных варварских инстинктов. Именно от этого ушёл русский и другие народы, принявшие православие более 1000 лет назад! Вот это никак не может и не хочет понять Дербина-Грановская!

И друзья Л.Дербиной говорили о ней (4): «Вспльчива, неуступчива, яра». Православную женскую терпимость и доброту в её стихах найти не удаётся. А «смирить гордыню» Дербина-Грановская не хотела, что и привело её к тяжкому преступлению.

Глава 4. После охоты «волчицы»

Вот, что заметила Н.Старичкова, когда находилась у гроба Н.Рубцова (5):

«Сзади себя услышала мужской голос: «У него руки связаны, развяжите». Оторвала взгляд от лица и вижу: действительно руки связаны бинтом. Стала развязывать узел... Развязала руки, держу марлевый комочек: куда? – Тут же рядом, к нему, сбоку, – помогает мне справиться с волнением тот же голос. И тот же голос незнакомо-го мужчины попросил:

– Откройте посмотреть, что у него там?

Отодвинула с шеи стебелёчки-листочки, кем-то положенные, чтобы не видно было следов преступления. (То, что предстало глазу, было ужасным. Кожные покровы на шее были разорваны. Словно зверь терзал когтями). Надорвана мочка уха.

«Да, видимо, мёртвая хватка была. После такого нападения не останешься в живых. Сзади кто-то тяжело вздохнул»».

А вот свидетельство писателя В.П. Астафьева при осмотре тела Н.Рубцова в морге (9):

«Горло Коли было исхватано – выступили уже синие следы от ногтей, тонкая шея поэта истерзана, даже под подбородком ссадины, одно ухо надорвано. Любительница волков, озверевши, крепко по-тешилась над мужиком...»

И ещё от В.П.Астафьева (9):

«...Ну, встань, уйди, навсегда уйди или хотя бы на ночь. Нет, не-
объяснимая, тягостная сила накапливалась в ней не первый день, не
один месяц...Грозовая туча заполняла её сердце и поднималась всё
выше и выше, темня рассудок».

Но был безумец...Мною увлечённый,

Он видел бездну, знал, что погублю,

И всё ж шагнул светло и обречённо

С последним словом: «Я тебя люблю!»

Вот такие признания «поэтессы» в «произведении» по свежим следам убийства.

Забегая вперёд, нужно сказать, что в ответ на эту статью В.Астафьева от 27 января 2000 года Л.Дербина написала сразу (5 февраля 2000 года) статью «Обкомовский прихвостень», которая была опубликована в газете «День литературы», №6, март 2000 г. Вот выдержки из этой статьи.

«Не выдержала я пьяного его куража, дала отпор. (Ложь №15 – ну, не мог «влюблённый» Рубцов «куражиться» над «невестой» без причины! – прим. автора). Была потасовка, усмирить его хотела. Да, схватила несколько раз за горло, но не руками и даже не рукой, а двумя пальцами (ложь №16 – это от двух пальцев «поэтессы» Рубцов не смог вырваться? – прим. автора). Попадалась мне под палец какая-то тоненькая жилка. Оказывается, это была сонная артерия. А я приняла её по своему дремучему невежеству в медицине за дыхательное горло. Горло его оставалось совершенно свободным, потому он и прокричал целых три фразы «Люда, прости! Люда, я люблю тебя! Люда, я тебя люблю!» (ложь №17). Сразу же после этих фраз он сделал рывок и перевернулся на живот. Ещё несколько раз протяжно всхлипнул. Вот и всё (ложь №18 – Нет, это не всё. Значит, «поэтесса» сидела, зажав «жениха» на полу, теребила его двумя пальцами. А он вместо того, чтобы отбиваться спереди руками и ногами, кричит о любви, а затем зачем-то переворачивается на живот от врага?! Это враньё!) Крики о любви (ложь №17) – это фантазия убийцы, выдуманная на третий день после первого допроса (прим. автора, см. ниже версию юриста Н.).

«Буквально до последних лет для меня было загадкой, почему он умер (ложь №19 – каково! – не задушен, а просто умер, – прим. автора). Но теперь я, наконец, поняла, что он умер от инфаркта сердца (ложь №20). У него было больное сердце. Во время потасовки (ложь №6 – не «потасовка», а убийство, так как нападала только «поэтесса»-«невеста» – прим. автора) ему стало плохо, он испугался, что может умереть, потому и закричал. Сильное алкогольное опьянение, страх смерти и ещё этот резкий, с большой физической перегрузкой рывок – всё это привело к тому, что его больное сердце не выдержало. С ним что-то смертельное случилось в момент этого рывка».

(Л.Дербина непрерывно придумывает причины, по которым она могла бы уйти от моральной ответственности за убийство поэта. Причём она маневрирует на уровне полуправды, то есть лжи. А была ли «потасовка»? Если бы она была, то у Дербиной были бы следы от действий Рубцова. Однако их нет (имелись, в 2005 г. опубликовано судебное дело). Есть следы только от её мёртвой хватки, когда она душила и рвала когтями шею поэта и его ухо. Фактов лжи с её стороны множество, и сообщения относительно рывка (ложь №21) и инфаркта сердца – очередная дезинформация. «С ним что-то смертельное случилось» – как будто «поэтесса» не причём – прим. автора). «После этого рывка он сразу весь обмяк и потерял сознание. Разве могли два моих пальца, два моих женских пальца сдавить твёрдое ребристое горло? («поэтесса» заявляет, что она «работала» всего двумя женскими пальчиками – прим. автора). Нет, конечно! Никакой он не удушенник, и признаков таких нет. Остались поверхностные ссадины под подбородком от моих пальцев, и только. А я тогда с перепугу решила, что это я задушила его, пошла в милицию и всю вину взяла на себя». («Слабая» Дербина замалчивает два «маленьких» факта: рваные ухо и горло поэта и то, что она – трезвая и 80 – килограммовая «невеста» – напала на выпившего ослабленного алкоголем «жениха», вес которого 60 кг; у неё было просто больше силы и коварства, – прим. автора).

«Все вологодские писатели, и Вы в том числе, изначально отказались от меня... Все вы способствовали тому, чтобы меня засудили, не пожалели моего маленького ребёнка... (А что же Дербина не пожалела маленького ребёнка Рубцова – его дочь Лену, которая осталась без отца и материальной поддержки? – эгоизм и мстительность «поэтессы» так и лезут наружу; – прим. автора)».

«Да, я издала книжку своих стихов в провинциальном «рай-городошке» Вельске. Неважно где, важно что...» (об этом «что», см. главу 3 «Люблю волков...» – прим. автора). «Вы надеялись, что испытания, Вами мне присуждённые, уничтожат во мне дар поэта». Каково? И не «слабо» сказано, – как будто это В.П.Астафьев присудил «поэтессе» испытания. По упомянутой статье Л.Дербиной видно, что христианского раскаяния в убийстве гениального русского поэта у неё нет и не предвидится. Одна борьба за свой «имидж» и мстительность. А в случае «легализации» она уже поливает и будет поливать грязью Н.Рубцова на публичных вечерах.

Многие друзья, писатели выступали на кладбище и на поминках. Н.Старичкова пишет: «Мне запомнилось искреннее, глубоко душевное переживание в словах художницы Джанны Тутунджан. Она печалилась, что не смогла выполнить его просьбу – оформить книгу «Душа хранит». Запомнился ей Рубцов улыбочивый, прячущий что-то на груди под пальто. Только подумала: «Что это у него там?» И вдруг оттуда мордочка котёнка высовывается».

После гибели Поэта вологодские писатели буквально «казнились» в том, что просмотрели в силу природной русской деликатности вероятность трагического исхода взаимоотношений Рубцова и Дербиной (2,5).

Из книги Н.Старичковой «Наедине с Рубцовым» автор приводит ряд сведений, характеризующих психологический портрет убийцы, взаимоотношения Рубцова с «поэтессой», отношения с Гетой и дочерью Леной и другое без особых комментариев.

«Лиза сидела на корточках на полу перед ворохом бумаг – конвертов, книжных обложек, газетных обрывков, мельком определяла ценность листочка и отбрасывала в сторону.

Подключилась к этой работе и я. Без труда увидела своё письмо, записку, женские послания поэту за подписями Таня, Гета. Одно из них на бланке управления связи, телеграмма от Ларисы. Но деловых телеграмм было больше. Очень много конвертов (к сожалению, только конвертов). А писем мало. Были ли они? Странно... Обычно Коля хранил всё. Куда они могли исчезнуть? Уцелела пачка исписанных листов о любовных похождениях подруги Дербиной. Я сразу же отложила их в сторону. Надо отнести в Союз – это же вещественный документ.

Убийство Рубцова мне виделось непростым. «Что-то тут не так», – думаю про себя».

«Да, было у меня предчувствие беды. Оказалось, надо было бить тревогу ещё раньше. Не даёт покоя мысль: «Что-то тут не так!» В убийстве Рубцова остаётся тайна» (5).

«Пишу, печатаю на машинке в редакции газеты «За кадры», где работаю, свои размышления «Почему погиб поэт?» Делаю это в двух экземплярах: один – для Союза (пусть тоже знают!), другой – для следователя.

Много лет спустя, когда поэт Виктор Коротаяев работал с судебным архивом Рубцова и опубликовал книгу «Козырная дама», я спросила, видел ли в «Деле» он мои показания в машинописи? Он ответил: «Нет. Ничего напечатанного на машинке я не видел». Как я понимаю, исчезло моё изложение и из Союза... Правда, говорят, что рукописи не горят. Я нашла этот текст. И, не раздумывая, решила его опубликовать. Пусть через 27 лет (это написано в 1998 г. – прим. автора) документ (иначе его не назовёшь) прочтут люди.

Почему погиб поэт?

«Сегодня две недели, как не стало среди нас Рубцова, а сердце по-прежнему не может смириться с такой утратой...

По городу ходят слухи и разные, и одинаковые. Разные, потому что по-разному описывают ход убийства. (И откуда только всё знают!) Одинаковые сходятся к одному: так ему и надо, значит, заслужил!

Эти слухи тревожат меня. Тем более, что распускают их женщины. Выходит, как говорят, на земле всё зло от женщин... А как же материнство? Откуда в женщине злость? Вина – эмансипация?!

С этим я не могу согласиться. В ушах стоит то гул, то шум, то шёпот. Вижу разгневанные женские лица. У некоторых просто улыбочки:

– Здоровая была бабища! Мужичонко-то и не угодил. Быка бы ей надо...

– Бедняжка, – говорят другие, – уж как он её довёл. От мужа из-за него уехала! Переманил ведь! Работу пришлось бросить.

– Давить мужиков надо! (Это ещё одно восклицание.) Получки все пропивают...

А мужчины молчат. Почему молчат мужчины? Не слышу ни слова в защиту поэта. Не знали? Не любили? Нет, конечно, знали. И любили. Но молчат. Боятся женщин? Видимо, боятся...

Теперь я поняла, почему женщины оправдывают убийцу... Узкий, сытый, почти животный мирок убил в женщине душу. А чистая любовь опорочена и оплётана... Да, судят по себе (как говорят, в меру своей испорченности)...

Такой была и «волчица». Именно – «волчица». Так я назвала убийцу про себя с тех пор, как почувствовала в её стихах звериную натуру. И всё последующее время жила в предчувствии страшного конца. И он наступил.

Наступила и тишина, идёт следствие. Что-то будет? А будет, видится, скорей всего победа таких вот женщин, которые шепчут по углам:

– Пожалели бы её! Его-то не вернёшь. У неё ребёнок. Он всё равно шёл на закат.

И опять:

– Вызвал. Сам вызвал. С места сорвал бедную (ложь №22 от друзей и подруг убийцы). Вот заслужил...

Сорвал с места? Но ведь такого не было! Помню приезд Дербиной в Вологду летом 1969 года...

Оказывается, она явилась в нашу писательскую организацию, чтобы узнать адрес поэта. И странно... (Видимо, очаровала всех.) Ей дали его адрес» (5).

О лжи № 22. Л. Дербина непрерывно в начале 1960-х годов «тусовалась» в среде известных поэтов, на литературных вечерах и в общежитии литинститута (2). В мае 1963 г. она была в общежитии литинститута и познакомилась там в одном из поэтических застолий с Н.Рубцовым. Но он, как потом выразилась Л.Дербина, как мужчина не заинтересовал её (у поэта был неказистый деревенский вид, не было интеллигентного лоска – прим. автора). Однако, после книги поэта «Звезда полей», приёма Н.Рубцова в апреле 1968 г. в Союз писателей СССР, Л. Дербина бросила семейные дела и целенаправленно поехала в Вологду. В день приезда «поэтесса» пришла на квартиру Рубцова. В этот же день она поехала с ним на пароходе в двухдневную поездку на Тотьму. И это называется любовью?

И ещё о лжи №22. Как пишет В.Коротаев (8), Л.Дербина организовала 5 августа 1969 года вызов в Вологду, чтобы заведовать библиотекой. Вызов с обеспечением проживания можно было «пробить» только в городском руководстве. На деле Дербину интересовали не библиотечные дела, а обеспечение положительной рецензии

на новый сборник стихов «Крушина». И вот здесь нужен был уже признанный поэт-рецензент!

Далее Н.Старичкова пишет (5):

«Вот такая скучающая женщина в поисках развлечений появилась в Вологде, и её объект – поэт Рубцов. Один. Квартира. Имя. Возможно, и деньги.

И поэт сражён. Разве устоишь перед такой выдающейся внешностью, ангельским голосом и в то же время энергией, подкреплённой вином? А дальше? Дальше говорят, – это «роковая любовь». Скорей всего – это роковая ошибка в образе жизни. Он удивлялся: «Почему все думают, что я всё делаю правильно. Могу ведь и я ошибиться». Осознал, но, видимо, было уже поздно... Рано или поздно он справился бы с порывами своей страсти.

Возможно, дружки (я не говорю – друзья) в угоду поэту восторгались кипучим темпераментом и талантом женщины. Подогревали его ревность...

Поэт не мог ударить женщину. Частые ссоры, видимо, были потому, что он не нашёл того, что требовала его душа.

Не в архивном хламе, а прямо на столе на чистом листе бумаги я прочитала строки, написанные рукой поэта:

Горячий сок по жилам её хлещет.

Чужой бы бабе я всю глотку переела...

Почему это не видели следователи? Или волнующая поэта мысль не имела к «Делу» никакого отношения?

Когда он это написал? Не в эту ли страшную ночь?

...И вот ползут, ползут по городу слухи, задают друг другу встречные вопросы: почему погиб поэт?

– Да, потому, люди, – хотелось мне сказать, – что он любил всех нас, любил каждую травинку в поле, каждый листик на дереве, любил и женщин, и детей, любил Россию. Его большой любви хватало на весь мир, а мы не сумели спасти его одного».

Из высказываний Н.Старичковой и других свидетельств можно сделать следующие выводы:

1. По мотивам убийства распускались специально слухи о «пьянице» Рубцове, о разочаровавшейся в поэте Дербиной с целью оправдать убийцу поэта. Явные и скрытые друзья Дербиной занимались этим.

2. Другие слухи били на жалость людей к Дербиной, как матери ребёнка, который теперь останется сиротой. А кто виноват, что девочка будет без матери? Сама же мать – убийца. А о дочери Н.Рубцова – молчок, а именно она действительно осталась сиротой из-за убийства отца.

3. Целый ряд материалов, разоблачающих эгоизм Дербиной, её карьеризм и звериные инстинкты (образ «волчицы») были изъяты из материалов следствия (5).

4. Замалчивался на суде факт попадания поэта в больницу в июне 1970 года из-за того, что Дербина не пустила Рубцова к себе домой (кто-то был у неё?!). В свете её стихов «...изменять свободно, дерзко, прихотливо» – это уже важное свидетельство.

5. Куда девались письма из пустых конвертов в ночь убийства Рубцова, а также написанная поэтом повесть под названием «Детство»? Когда-нибудь и кто-нибудь их выставит на продажу, как это получилось с рукописью М.Шолохова «Тихий дон»?!

Н.Старичкова сообщает также в книге (5):

«Читаю письмо другой девочки, дочери поэта, первоклассницы (сама писала, старалась):

«Привет из Николы! Здравствуй папа! С приветом к тебе – Лена...Папа, почему не посылаешь пальто и костюм. И конфет. Я всё время жду и живу хорошо. И учусь на 5. Посылай скорее, а то мне холодно. И рукавички.

До свидания. Лена».

Вижу, рукой Геты приписано, но без подписи: «Ещё пошли яблоков, ей очень хочется, а к нам не везут. Ну ладно, до дома доехала хорошо. Дома всё в порядке. До свидания. 2.10.»

Очевидно, это письмо написано 2 октября 1970 года (с этого года Лена пошла в школу – прим. автора). В это время был прямой контакт у поэта с дочерью и гражданской женой (Гетой). Более того, известно, что Рубцов ждал приезда дочери и Геты на новый 1971 год. Купил ёлку и хотел наряжать её с дочерью. Этот момент мог коренным образом повернуть жизнь поэта. А Дербина, очевидно, зная об этом, уехала в Вельск (под Архангельск) к своей дочери и своим родителям.

Н.Старичкова пишет также:

«Рассказала мне Гета и о последней встрече с Рубцовым. Искренне вздыхала: «Если бы знала, что так может случиться, увезла бы его тогда с собой...»

Вот эта исповедь Генриетты Михайловны:

«Встретились мы в Тотьме. Я приехала на очередное совещание по своей работе. Но уже знала, что Николай знаком с Дербиной. (Недаром говорят, что земля слухом полнится). Сообщили земляки из Николы, что твоего с «рыжей паклей» на теплоходе видели. Такая наглая. С мужиками ругалась. Без очереди за пивом в буфет лезла...

Ехала с нами старушка, которая всё пыталась нас примирить. Всё повторяла: «Какая вы хорошая пара!»

Николай был возбуждён, встревожен, уговаривал меня жить вместе. «Ведь Лена! Знаешь, какая она у нас!»

Но примирения не получилось. Я вышла на своей пристани, оставив Николая спящим...»

Н.Старичкова пишет об обнаруженных в квартире сберкнижках (5):

«Сберкнижки рассказали мне о материальном достатке поэта.

Вот одна запись: «4 мая принято 50 копеек. Остаток 50». Дальше книжка не заполнена (в то время для открытия счёта на сберкнижке надо было внести всего 50 копеек – прим. автора).

В другой: «15 августа 1970 года положено 1000 рублей».

Согласитесь, что по тому времени это значительная сумма (например, на 300 рублей можно было съездить отдохнуть в Крым и прожить там без проблем три недели; очевидно, Рубцов получил перевод за публикацию сборника стихов – прим. автора). Дальше записи идут по убывающей: выдано, выдано, выдано... Сначала взял 200 рублей, потом всё меньше и меньше. Запас денег таял. 12 декабря 70-го года Коле выдано 90 рублей (видимо, брал на Новый 1971 год).

Но на 23 декабря у него этих денег уже не было. Он разделил оставшиеся 10 рублей пополам и оставил про запас пятёрку. Но это ему уже не потребовалось».

Следует в связи с этим обратить внимание на материальную сторону возможной женитьбы. В январе 1971 г. у Рубцова практически не было средств ни на свадьбу, ни, в особенности, на подготовку к свадьбе. А это покупка золотых колец (около 100 руб.), свадебное платье (около 100 руб.) невесты и костюм (около 100 руб.) жениха и, кроме того, приобретение напитков (около 200 руб.) и продуктов (около 200 руб.). Всё это должно было составить порядка 700–900 руб. В то время (1971 г.) средняя зарплата по стране составляла около 140 руб. в месяц (а прожиточный минимум – около 70 руб.).

Практически официально ни Рубцов, ни Дербина не могли бы даже с материальной точки зрения оформить свои взаимоотношения. А с духовной точки зрения тем более. И это понимала Л.Дербина.

В ночь на 19 января у Рубцова было застолье с журналистами. Почему-то «невеста» не участвовала в этом застолье, но и не ушла к себе домой, хотя она не спала всю ночь на 18 января, как она сообщила в кассационной жалобе (8). А по ходу беседы она «подогревала» ревность Рубцова, оставаясь трезвой.

Кроме того, во время ночного разговора (19 января) и, возможно, до него Рубцов узнал какие-то новые данные о «невесте», которые обсуждались при «схватке» и в силу чего он уже и не собирался жениться на Дербиной. Конкретно о сути ночного разговора «поэтесса» молчит. И поэтому верить «поэтессе» в её рассказах о «схватке» и её «мемуарам» ни в коем случае нельзя. Но об этом в следующей главе.

Глава 5. Суд над Грановской-Дербиной и после суда

Суд был назначен на 6 апреля 1971 г. и назначен в закрытом заседании (что очень выгодно убийце).

Вот что пишет В.Коротаев (2):

«Почти все писатели здесь: и Белов, и Романов, и Астафьев... Но председатель суда говорит, что может допустить только одного, и то если он командировку от газеты принесёт (таким образом, писатели, как свидетели характера Дербиной, были исключены из процесса, и это тоже было выгодно «поэтессе» – прим. автора). Возможен журналист, а не писатель. Друзья это место уступают мне».

Вот что пишет Н.Старичкова о суде (5):

«...Но вот началось волнение, шум. Подъехал «чёрный ворон». Сквозь тесный строй столпившихся конвой сопровождает подсудимую. Она шла, не опуская головы, самоуверенная, спокойная, даже с усмешкой на лице. В зал никого из коридора не пропускают, объявляя заседание суда закрытым...»

«Председатель обращается к подсудимой:

– Есть ли вопросы к свидетелю?

– Есть! – она не встаёт, а вскакивает, обращаясь в мою сторону. Глаза её сверкают, она готова уничтожить меня даже взглядом.

Столько ненависти, злобы. А за что? За то, что говорю нежелательную для неё правду?..

Преступница довольна. Вот, мол, почему Рубцова защищает – она его любила. Выходит, что любить – преступление, а убить – в порядке вещей...»

«Немногословен и бывший муж Дербиной-Грановской:

– Когда жили вместе, ничего плохого за женой не замечал.

– Почему же вы разошлись? (Вопрос к Дербиной).

– У нас жильё было плохое, пришлось на время расстаться, так и отошли друг от друга (ложь №23).

– Вы с Вашей энергией могли бы решить квартирный вопрос. Наверное, не хотели. (Это замечание со стороны суда)».

«Вот дают показания пожилые женщины из посёлка Лоста (рядом с Вологдой, – прим. автора), где жила Дербина. Они подтвердили, «как на духу», что она жаловалась: он её обижает. Даже при народе в магазине обозвал её б... Мы советовали оставить его, уехать. Не знаем, почему она это не сделала» (действительно: почему? – прим. автора).

Свидетельства Н.Старичковой обладают такой достоверностью, что они позволили во многом распутать клубок событий и версий:

«Что-то переписывал и записывал в блокнот Виктор Коротаяев. Это единственный представитель от писателей. (Потом он написал книгу о Дербиной «Козырная дама» – прим. автора). И то ему разрешили присутствовать как журналисту без права выступать. (Это почему же было так устроено? Коротаяев хорошо знал и Рубцова, и характер Дербиной, – прим. Автора.) Неужели никого нет, чтобы встать на сторону Рубцова и осудить поступок женщины-убийцы?»

«Выступление прокурора прозвучало неубедительно. Оно мне запомнилось тем, что он доказывал намеренный приезд Дербиной к поэту с целью продвинуть свои литературные планы. На это выступление подсудимая взметнулась и, прерывая прокурора, громко выкрикнула: «Я – к нему? Да я сама...»

«У Дербиной-Грановской адвокатом была женщина, которая, как и следует защите, пыталась задавать каверзные вопросы свидетелям, чтобы подвести личность Рубцова под опустившегося алкоголика».

«Когда мне судья задал вопрос: «Мог ли Рубцов убить человека?» – я думала, что ослышалась: «Кого всё-таки судят – Рубцова или Дербину-Грановскую?»

Судья обращается к Гете (Г.М. Меньшикова – мать Лены) как потерпевшей.

– Какая она потерпевшая?! – опять срывается с места подсудимая. В глазах её сверкнули искры.

Даже Виктор Коротчаев неожиданно для себя воскликнул: «Ого!»

Со стороны судьи встречный вопрос:

– Кто же она, если вы убили отца её ребёнка?

(Да, она разрушила не только существующую семью, которую, заглупив свои чувства, берегла я...)

«Гета поясняет, что жили врозь потому, что были сложности в характерах... Тут она споткнулась, помолчала и произнесла: «Он – поэт!»

«Мы судим здесь не поэта, а гражданина» – грозно обрывает её адвокат Дербиной. И Гета, смешавшись, замолкает. Больше её ни о чём не спрашивают. А у меня в висках стучит: «Судим поэта?! За то, что его убили?!»

Смотрю на убийцу. Она довольна своим адвокатом. Выглядит эффектно: рыжая, волосы собраны на затылке, высокая, сильная. На ней трикотажная кофточка, обтягивающая грудь. Короткие рукава открывают полные сильные руки. Узкая юбка туго обтягивает бёдра и не закрывает толстые колени. На ногах чулки белого цвета, подчёркивают крепкие ноги. Вот такой, наверное, и явилась к поэту, очаровывая женскими прелестями. Да и фотографию с себя в обнажённом виде оставила. Что же толкнуло её на это? Жажда развлечений? Пожалуй, да. Вот и доразвлекалась... Такой сильной женщине беречь бы поэта надо. Не хотела. Да и не любила она его. Только сама себя.

Даже на суде буквально кричала, сверкая глазами: «Я – поэтесса Дербина. Он принижал меня как поэтессу, заставлял готовить, убирать и не давал работать (для любимого человека можно горы свернуть. А тут, оказывается, в тяжесть создать уют, приготовить обед)». (Вот ещё одна разгадка трагедии – комплекс «богоизбранности» у «поэтессы» – прим. автора).

«Вместо самооценки содеянного и использования возможности высказать просьбу о смягчении наказания Дербина продолжает рассказывать, как она убивала Рубцова, словно не слыша замечания. Видимо, ей доставляет удовольствие повторять все детали преступления для нас, свидетелей, которые не были в начале суда. А может, она это делает для меня: «Смотри, слушай, как я убивала твоего друга! (Боже мой, как только земля таких людей держит!)»

Далее Н.Старичкова приводит слова Дербиной (5):

«Он звал меня с ним спать, но я отказалась (ложь №24)». – «Тогда уходи, – кричал он. – Нет, сначала я размозжу тебе череп».

Потом пошёл в ванную искать молоток. Вернулся с охапкой белья... (А где же придуманный Дербиной молоток? Не сходятся концы с концами у убийцы, – прим. автора). Меня охватил смертельный ужас. Я поняла, что жизни у нас с ним не будет. Я набросилась на него. (Это называется «схватка» с поэтом по Дербиной, – прим. автора) Я хорошо запомнила эту деталь: в его глазах был ужас, а волосы встали дыбом. Правда... (Тут она усмехнулась). И волос-то у него немного. Только на висках. Я никогда не видела, чтобы волосы поднимались. Подумала: «Что это он? Испугался меня, что ли?» Я, наверное, страшная тогда была. Такой – он меня никогда не видел. Он кричал: «Я люблю тебя!» (ложь №17).

Вопрос: «Как же он мог кричать, если в это время вы его душили?»

– Уверяю вас, он кричал в это время. Я, наверное, его ещё не очень сильно прижала. Потом смотрю: щека у него посинела. Я встала и отошла к балкону. (Поняла, что поэт убит и не стала вызывать скорую помощь или делать искусственное дыхание – прим. автора).

Вопрос: «Почему он оказался вниз лицом?»

– Он перевернулся (ложь №25).

– Как же он мог перевернуться?

– Не знаю, но я сама видела. Он прямо откинулся. (Пожала плечами). Может, это была агония. (В изворотливости не откажешь убийце, – прим. автора).

Весь рассказ продолжался с таким равнодушием, как будто речь шла не об убийстве. И тень погибшего не стояла рядом с ней.

Если верить её словам, то она дала согласие жить с ним вместе из-за жалости. Пришла за вещами, а он уговорил остаться... (ложь №26 – прим. автора)

Тогда зачем убивать?

Из-за того, что поняла: не будут вместе? Да, она так и сказала на суде: «Я поняла, что мы не будем вместе, и решила его уничтожить». (Дербина в ходе «схватки» поняла: «мы не будем вместе» в одном духовно-поэтическом мире, – прим. автора).

Вот так прозвучало последнее слово убийцы, и никакого раскаяния о содеянном.

Она жалеет себя:

– Я погубила себя как поэтессу. Буду всегда помнить, что Рубцов погиб от моей руки («От моей руки» – как будто по приказу взмахнула, а он, как хрупкий цветок, – сломался)».

– Произошла трагедия (ложь № 6)... Он любил только меня одну!

Сказала с самодовольной улыбкой, сверкнув в мою сторону глазами.

(Какая же это трагедия? – возмущаюсь я. – Это же умышленное убийство и притом зверское, и это чудовище, палач в юбке живёт и будет жить дальше)».

А вот что пишет о суде В.Коротаев (2):

«Подсудимая сидит за барьером, под охраной серьёзного пожилого милиционера. Молодая ещё, пышноволосяя, глаза по луковице, грудастая, бедрастая, а голос мягок, чист и глубок. Как у ангела.

И всё-таки этот ангел совершил дьявольское дело – сгубил редчайший русский талант, лишил всех нас светлого друга, осиротил близких и родных. Да и всю нашу землю – тоже. И если мы не проносили пока вслух имя этого ангела-дьявола, то лишь из жалости к его родителям, дочери, из простого чувства сострадания, а может быть, и излишней деликатности».

«А пока я смотрю на подсудимую, которая часто перебивает (а по существу, направляет) свидетелей, и размышляю: до конца ли она понимает, что совершила? Глубоко ли мучает её содеянное? И по тому, как она энергично защищается, вижу: нет, истинного раскаяния не произошло. Раскаявшийся человек не может быть столь настырен, рационален и логичен!..»

«Чтобы задуть мужчину, кроме силы, нужно время. Время, в течение которого можно одуматься, разжать пальцы, а после устыдиться своего бесовского порыва, сорвать с вешалки пальто и выбежать на мороз, остынуть, прийти в себя.

Но ничего такого не было. Она до конца доделала своё чёрное дело, бросила в ванну валявшееся на полу грязное бельё, ополоснула руки (хотя утверждает, что – нет; бог с ним, это не столь важно), спокойно открыла дверь и пошла сдаваться в милицию. В пятом часу утра. Но странно – спокойно открыла дверь... Она же только что утверждала обратное, когда её спрашивали судьи, почему не ушла сразу, в самом начале разыгравшегося скандала? Она ответила, что

хозяйин запер дверь, и она не могла выйти (ложь №27). Но почему же могла выйти сразу тогда, если сделала это запросто, когда он лежал бездыханным на полу? Она же не шарила в его карманах, не искала ключи. Значит, ключ был в дверях с самого начала и нужно его было просто повернуть...»

«(Сосед снизу, Алексей Иванович отвечает на вопросы – прим. автора). Следует вопрос о причастности подсудимой к алкоголю.

– Было. Зашёл к ним, он был трезвый, она – косяя.

– Что вы, Алексей Иванович, – возмутилась из-за перегородки подсудимая.

– А я скажу... Вы вот на кухне стояли с распущенными волосами, вот в таком стиле, – и Алексей Иванович расставил ноги и слегка изогнулся в талии, изображая нетрезвую гостью Рубцова».

«Она, видимо, не ожидала нового поворота дела и порядком расстроена. Но это ещё не всё. На запросы следователя Меркурьева пришли характеристики на подсудимую, и опять-таки не все розового цвета.

Вот, например, из Подлесской сельской библиотеки, где она трудилась в последнее время: «...к работе относилась недобросовестно: в отчётах давала ложные показания по читателям и книговыдаче. Систематически не являлась на семинары, имела за это время выговора. В библиотеке всегда был беспорядок: кругом грязь, книги раскиданы. Из наглядной агитации в библиотеке ничего не было оформлено. На замечания инструктирующих лиц не реагировала.

Зав. отделом культуры Вологодского райисполкома Цветкова 12.02.71 г.»

Ясно, что для Дербиной работа в библиотеке была на втором плане. Главным было «проталкивание» публикаций стихов.

«...Подсудимая обрела равновесие, речь её движется стройно, логично, даже напористо. Ей теперь необходимо убедить суд, что она совершила преступление в порядке самозащиты. Поэтому Рубцов в её рассказах появляется то с молотком, то с лопатой, притащенной с балкона, то он ищет нож, который она предусмотрительно зарыла в его рукописи, беспорядочно валяющиеся на подоконнике... Никто, конечно, всерьёз не может представить Рубцова в роли нападающего физически. Иное дело – если словом. Задеть за живое, уязвить, а коли потребуется – и раздавить этим самым словом – это он мог. Допускаю. А чтобы ножом или молотком, тем более лопатой... Это

поэт-то Рубцов? Да, никогда! К тому же свидетели опровергают подобные измышления, и никто из них никакого ножа возле него не видел».

«Она (адвокат Дербиной, – прим. автора) всяческими способами, методами и стараниями пыталась обелить, увенчать ореолом жертвенности, терпеливости, чуть ли не святости личность убийцы и договорилась до того, что просила для обвиняемой всего лишь год условно!

Недорого же она оценила жизнь безвременно погибшего таланта, уже тогда всенародно признанного и решительно причисленного к разряду выдающихся деятелей русской поэзии».

«...И расчёт подсудимой и адвоката на аффектацию – наивный расчёт. Предыдущие экспертизы подтвердили психическую полноценность обвиняемой. Значит, остаётся одно: умышленное убийство, за которое, как все понимают, дают на полную катушку... Таким образом, обвинение уже звучит так: «умышленное убийство без отягчающих обстоятельств»... (а как же зверские рваные раны на шее, разорванное ухо и укус на руке? – прим. автора).

Далее В.Коротаев (2) даёт пересказ той сказки, которую Грановская спела для присутствующих. Да, в аферизме и демагогии «поэтессе» не откажешь.

В.Коротаев ознакомился позднее с судебным делом Грановской-Дербиной и в книге «Козырная дама» пишет о документах из этого дела (8).

На приговор вологодского горсуда от 6 апреля 1971 года, которым Л.А.Грановская по ст. 103 УК РСФСР осуждена к 8 годам лишения свободы в колонии общего режима, последовала кассационная жалоба адвоката Грановской-Дербиной.

И оказывается, что «поэтесса» в 1969 году расторгла брак с мужем и переехала в Вологду. В конце 1970 года перевезла на квартиру Рубцова свои личные вещи (хотя комната, когда она была ещё зав. библиотекой в Вологде оставалась, конечно, за ней – прим. автора). А 14 января 1971 года (за 5 дней до убийства и через 5 дней после подачи заявления в ЗАГС) она уже организовала заявление Рубцова в домоуправление с просьбой прописать Грановскую как жену на его жилплощадь. Чего она хотела добиться этим заявлением? Безусловно, Дербина-Грановская знала (как неглупая женщина), что по действующим законам прописка невозможна до регистрации брака в

ЗАГСе (она в тот момент была «невеста», а не жена; зачем она торопилась? – прим. автора). В кассационной жалобе адвокат Грановской поливала грязью Рубцова и описывала, какая положительная «невеста», играла на наличии старых и больных родителей и малолетнего ребёнка. В.Коротаев приводит в своей книге просьбу адвоката:

«...обжалуемый приговор изменить, действия Грановской-Дербиной ... переквалифицировать на ст. 104 и ограничиться мерой наказания в виде исправительных работ». Вот так адвокат хотела увести от заслуженного возмездия «поэтессу».

После суда и Грановская-Дербина (конечно, по согласованию с адвокатом) подала кассационную жалобу, в которой заявляла следующее (8).

«При открытии суда на вопрос судьи Макурина: «Признаю ли я свою вину?», я ответила, что вину признаю, но не согласна с некоторыми положениями обвинительного заключения...»

«Я не согласна с тем, что в качестве потерпевшей была выставлена Резчикова Г.М. (имеется в виду Меньшикова Г.М., так В.Коротаев из деликатности по отношению к родне Дербиной, изменил фамилии действующих лиц в книге «Козырная дама» – прим. автора)... В продолжение последних пяти лет он не имел с ней никаких отношений (ложь №28). Брак Рубцова с Резчиковой не был зарегистрирован... Рубцов был признан отцом ребёнка Резчиковой только после смерти... Известно также, что за последние пять лет он всего один раз был в селе Никольском... (ложь №29). Никаких письменных доказательств о том, что Рубцов звал её жить к себе и вообще поддерживал ли он с ней хотя бы письменную связь (ложь №30), Резчиковой не было представлено в суд... Спрашивается, где основания выставлять Резчикову в качестве потерпевшей. (Ах, какая змея, – негодовал Колябин (В.Коротаев). – Какая гидра!))».

О взаимоотношениях Рубцова с Г.М.Меньшиковой и дочерью Леной вплоть до января 1971 года сказано по фактам в этой книге.

О лжи №28 и №30 от Дербиной. На новый 1971 год (!) Рубцов пригласил из Николы Гету и Лену, купил ёлку и хотел с дочерью наряжать её (об этом сообщает множество свидетелей). Ещё в августе 1970 г. поэт виделся с Гетой и Леной, а в октябре 1970 года – с Гетой в Тотьме. Только весной 1966 года Н.Рубцов выехал из Николы в Вологду для издания стихов, для поездок в Москву в литинститут и просто для заработка на жизнь.

О лжи №29 от Дербиной. Ещё летом 1968 года Николай Рубцов жил в Никольском. 25 января 2001 года на вечере памяти Рубцова в Центральном доме литераторов (ЦДЛ) в Москве бывший первый секретарь Вологодского обкома КПСС В.И.Другов сообщил, что летом 1968 года он специально заезжал в Никольское для встречи с Н.Рубцовым (это член ЦК КПСС В.И.Другов даже переезжал на пароме с обкомовской машиной через Сухону к Рубцову). И застал поэта на сенокосе. Дело в том, что Рубцов подал заявление о выделении жилплощади в Вологде и В.И.Другов, видимо, хотел увидеть своими глазами жизнь поэта (а к этому времени, в апреле 1968 года Рубцов был уже принят в члены Союза писателей Советского Союза, то есть он был равным известным в стране людям).

В.И.Другов имел беседу с Рубцовым на этом сенокосе, после чего поэту выделили в декабре 1968 года однокомнатную квартиру в Вологде.

Обстоятельства сложились так, что Генриетте и Николаю не удалось оформить свои отношения, но Рубцов не только не отказывался от своей дочери, но любил её больше всего на свете. Как настоящие поэты, он писал своё понимание жизни и в стихах говорит о Лене и Генриетте. Вот эти опубликованные стихи.

Родилась у Геты Ленка –
Веселей пошло житьё.
Сядет Ленка на коленку
И посмотрит на неё.

Из стихотворения «По дрова»:

Пахнет ёлками и снегом,
Бодро дышит грудь,
И лошадка лёгким бегом
Продолжает путь.

Привезу я дочке Лене
Из лесных даров
Медвежонка на колене,
Кроме воза дров.

Николай Рубцов написал множество детских стихов, которые, кстати, позднее были изданы тиражом 1,5 миллиона (!) экземпляров. И все были сразу раскуплены родителями для детей! По одним названиям стихов видно, как Рубцов любил детей: «Ворона», «Коза», «Медведь», «Мальчик Вова», «Про зайца», «Ласточка», «Воробей», «Мальчик Лёва», «Жеребёнок», «После посещения зоопарка». Большинство этих стихотворений было опубликовано в газетах Вологодской области в 1968 и 1969 г.г. Кстати, у Дербиной нет никаких добрых стихов о детях и о братьях наших меньших, что является важным показателем души любого писателя.

И вот известное стихотворение Николая Рубцова «Жеребёнок»:

Он увидел меня и замер,
Смешной и добрый, как божок,
Я повалил его на травку,
На чистый, солнечный лужок!
И долго, долго как попало,
На животе, на голове,
С восторгом, с хохотом и ржаньем
Мы кувыркались по траве...

Так по-доброму никто ещё не писал о друге-жеребёнке, как это сделал Поэт для детей и для своей дочери Лены.

Выводы о характере Н.Рубцова пусть делает сам читатель.

Следует также упомянуть, что в одной из своих публикаций (журнал «Слово») Дербина в порядке своих фантазий и самооправдания пишет, что Рубцов хотел, чтобы были вместе её дочь Инга и дочь поэта Лена. Это, конечно, нереально ни по каким соображениям. Но важно, что Дербина признаёт наличие у Рубцова дочери. (Но у Лены есть ещё и мать!). И где же логика у мадам Грановской-Дербиной?

Попытки «поэтессы» не признавать Г.Меньшикову в качестве потерпевшей обусловлены тем, что сиротой остаётся Лена, дочь Рубцова. Этот моральный фактор убийца-«поэтесса» хотела бы убрать из материалов следствия, чтобы избежать общественного осуждения, потому что она (Дербина) является виновницей сиротства дочери поэта.

В своей кассационной жалобе на приговор суда Дербина-Грановская пишет (8):

«Далее в приговоре сказано, что Д...Н.А. (Грановская Л.А.) в первом допросе отрицала вообще, что Рубцов Н.М. кричал, что любит её. В первом допросе я не отрицала это, а просто упустила из виду... (ложь №17). В моих письменных показаниях, которые я стала писать спустя три дня после совершенного мною преступления, я всё подробно указала, что он кричал...» (Убийца через три дня после допроса стала утверждать, что Рубцов кричал о любви к ней и просил прощения. Тогда, почему же она не перестала душить поэта? Какие слова кричал Николай Рубцов, услышать сквозь бетонный пол перекрытия невозможно! Крики можно услышать, а слова надо кричать как на трибуне и изо всей мочи. Поэтому содержание слов поэта Грановская придумала, так как подтвердить их никто не может, а текст ей выгоден для самооправдания – прим. автора).

Далее в приговоре сказано: «В части приобщения к делу стихотворения Л.А.Грановской «Ревность», в котором она утверждает, что «звериным нюхом» чует она, что «забавный номер» отколет, перепутав «все карты твоей блистательной судьбы», подсудимая сообщила, что это стихотворение к Рубцову не относится». (И хотя подсудимая сообщила, что это относится к другому поэту, здесь явно видна мстительность «поэтессы» к любому, кто ей мешает по жизни; это видно также и по письму к В.П. Астафьеву и ко всем вологодским писателям – прим. автора).

В «жалобе» «поэтесса» пишет ещё:

«Далее в приговоре сказано: «Утверждение Д...Н.А (так обозначена писателем В.Коротаевым Грановская Л.А. – прим. автора) о том, что потерпевший в течение 5 часов искал предметы для того, чтобы совершить убийство, неправдоподобно». Конечно, я никогда и нигде не утверждала о подобной чепухе...». (По Грановской получается, что судьи в тексте приговора специально исказили её высказывания; в изворотливости убийце никак не откажешь!; по ней все неправы, а права она – убийца? – прим. автора).

«Далее в приговоре сказано: «Утверждение о том, что потерпевший бросал в неё зажжённые спички, опровергнуто актом осмотра места преступления, из которого видно, что следов обгоревших спичек не обнаружено на полу, ни на других предметах... Я раздела Рубцова, но он вскочил, снова оделся, закурил...». Опять «поэтес-

са» отрицает факты осмотра места убийства поэта, пытается подержать свою версию «схватки». Особенно интересно её сообщение, что она раздела Рубцова, а он потом оделся. Это значит, что Рубцов позволил себя раздеть во время «схватки», которая продолжалась 5 часов?! Одна ложь накручивается на другую у «Козырной дамы».

Подробно описывать фантазии «поэтессы» нет особого смысла. Читатель может сам многое узнать из книги В.Коротяева «Козырная дама». Отметим только ещё один момент. Вот что пишет в кассационной жалобе эта «Козырная дама» (8):

«Мне ставят в вину, что я в это время не работала. В 1960 г. я закончила библиотечный институт и имею стаж работы 10 лет и 6 месяцев. Это значит, что я работала непрерывно после окончания института. За те 2 месяца, что я не работала, меня не имеют права называть тунеядкой. Я получала гонорары из журнала «Север», из сборника «День поэзии Севера» на общую сумму 140 рублей, получила при расчёте 90 рублей, получала алименты от мужа. 16 декабря я устроилась на работу в Вологодское экскурсионное бюро организатором экскурсий, но через два дня заболела. Бюллетень мне не оплатили, и я решила устроиться в библиотеку...».

И ещё одно интересное обстоятельство. В кассационной жалобе адвокат Грановской написала: «...она (Грановская) уволилась с работы 17 ноября 1970 года, так как была намерена уехать на постоянное местожительство к родителям в г. Вельск. Но Рубцов просил её остаться, обещал вести себя нормально, и она по его просьбе переехала к нему. Не работала лишь временно, пока решался вопрос с пропиской...» (ложь №31). Но, чтобы прописаться на квартиру Рубцова, нужно было сначала выйти за него замуж 19 февраля 1971 года, потом должен был бы уйти месяц на регистрацию прописки. Таким образом, Дербина не работала бы почти четыре месяца в ожидании прописки. Десятилетний стаж работы пропал точно. Значит, она хотела где-то фиктивно оформить продление своего стажа! А это только афёра!

Проясняется ещё один момент характера Грановской-Дербиной. Она слышала о действующем законодательстве, по которому трудовой стаж прерывался, если человек не работал больше месяца. Поэтому она после увольнения 17 ноября оформилась работать 16 декабря 1970 года в экскурсионное бюро. Но «через два дня заболела».

Была такая хитрость в те времена у тунеядцев: получать от государства деньги по бюллетеню, не работая; прикидываясь больными или получая «по блату» бюллетень у знакомого врача, такой «больной» при наличии 10 лет стажа получал по бюллетеню 100% зарплаты. Однако, такой «больной» должен был отработать не менее трёх дней на новой работе, чтобы получать полностью по бюллетеню.

Этот нюанс, возможно, Дербина не знала и поэтому законно не получила ничего по бюллетеню в Вологодском экскурсионном бюро. И далее она после 16 декабря 1970 года и до 19 января 1971 года не работала. Ведь прервался её десятилетний стаж (а этот стаж необходим для получения в будущем полной и неплохой пенсии, а главное стаж теперь начинался сначала и оплата в случае болезни или ухода за ребёнком составляла только 50% от зарплаты). Что же мешало ей устроиться на работу, тем более что нужны были бы деньги на свадебные расходы? А то, что в это время у Рубцова не было денег, она знала.

И ещё один момент. Оказывается, Дербина собиралась уехать к родителям в г. Вельск на постоянное местожительство, как об этом сообщает её адвокат. Значит, никакой большой любви к Рубцову у неё не было. Она получила от Рубцова то, что ей было нужно: положительный отзыв на сборник стихов «Крушина», после публикации которого она могла смело подавать документы в Союз писателей СССР. То есть решить все свои карьерные запросы. Рубцов, как принципиальный человек, видимо, это понял. Вот ещё одна разгадка тайны. Тем более «поэтесса» молчит о сути ночной «схватки» с поэтом.

В своей «жалобе» от 13.04.1971 г. «поэтесса» написала: «Прошу учесть все мельчайшие детали преступления, учесть обстановку, в которой оно произошло, то, что мы не спали уже вторую ночь, то, что я была совершенно трезва и ничем не вооружена».

А это значит, что первый крупный разговор о взаимоотношениях состоялся уже в ночь на 18 января 1971 года! А о чём – «поэтесса» опять молчит! Уже тогда она, «трезвая», взвешивала ситуацию.

А вот что пишет флотский друг поэта и известный писатель В.Сафонов после посещения Вологды (2):

«Преподаватель школы милиции Лидия Абрамовна Токарева подробно, под впечатлением личного знакомства, рассказала мне об убийце Николая.

О мотивах, якобы толкнувших на убийство.

Не нахожу нужным воспроизводить здесь этот рассказ. Мотивы – светомаскировка, сказки для наивных и легковерных.

Для меня несомненно одно: убивали талант, душу русскую убивали.

Нашлась в том обильном стаде ворон и самая чёрная».

Версия юриста Н. по обстоятельствам убийства:

«Убить мужчину, а тем более задушить в «схватке» без специальной ситуации невозможно. Вот варианты:

А. Если это была открытая борьба, то убийца должна была сама оглушить жертву, а потом задушить. А этого не было, судя по крикам жертвы, которые слышали соседи снизу.

Б. Если была борьба, «схватка», то у подсудимой были бы следы от воздействия Рубцова. А их нет и экспертизой не зафиксировано. Все следы «схватки» имеются только на теле жертвы (по сообщению нескольких свидетелей).

В. Если убийца была сверху, даже сидела на жертве, который был в это время на спине, то задушить и слабого мужчину невозможно. Для обороны у него есть спереди руки и также удары ногами.

Г. А это значит, что убийца сидела на жертве, который лежал на животе! При этом, конечно, жертва не может обороняться ни руками, ни ногами. Трезвая убийца имела вес 80 кг, а жертва и ещё в ослабленном состоянии – 60 кг. В определённый момент убийца могла отпустить горло поэта, чтобы он издал какой-то крик и создал иллюзию борьбы. А то, что жертва (Рубцов) после удушения перевернулся на живот, полная ложь убийцы для скрытия обстоятельств преступления.

Убийца имела веские причины для преступления, и оно было заранее спланировано. Возможно, обманном путём поэт оказался на животе: он или спал, или просто лёг на живот. И в это время убийца навалилась на него и, видимо, зажала ему ногами руки, сидя на жертве. Да и с не зажатыми руками убийца могла спокойно рвать когтями переднюю часть горла и душить жертву. Вырваться из такого положения может только специально подготовленный здоровый человек.

Д. Жертва (Рубцов) остался на полу в положении «спиной вверх». И никаких причин для рывка по перевороту в это проигрышное положение из предыдущего положения «животом вверх» во вре-

мя «схватки» нет. Зачем жертве из положения обороны перебрасываться в незащитное положение от убийцы?

Е. Судя по характеру убийцы, она сочинила свой вариант «схватки» (поэтому выученный текст быстро выложила на суде, по свидетельству Н.Старичковой) и надеялась уйти от возмездия за счёт представления жертвы то в качестве алкоголика, то в порядке самообороны, то оправдания убийства в состоянии аффектации. Всё это было опровергнуто в ходе суда. Остаётся умышленное убийство с отягчающими обстоятельствами (зверские раны на горле, рваное ухо и укус правой руки поэта).

Убийце полагалось по статье минимум 15 лет (убийство с отягчающими вину обстоятельствами).

Однако суд дал только 8 лет (вина без отягчающих обстоятельств)».

Отсидела Грановская (Дербина) в тюрьме 5 лет 7 месяцев. Отработывала там в качестве «специалистки» по культмассовой работе (8). Вот такая «работа» была у заключённой для получения туберкулёза лёгких (как об этом сообщает Дербина в своём открытом письме В.П. Астафьеву). Уже осенью 1976 г. она вышла на свободу, работала в библиотеке в г. Вельске, писала стихи. И только после начала так называемой перестройки её стали публиковать с 1992 г. В 1980 г. пробивная Дербина-Грановская получила квартиру в С.Петербурге. Не хило! – как говорят понимающие «покорители столиц». А за какие заслуги?

Глава 6. Провокация для русских семей (к чему ведут дербинские «обоснования»)

Мотивы, которые выдвигает Дербина в попытках оправдания убийства и легализации своей деятельности, необходимо проверять, так они могут нанести огромный вред нормальным русским семьям. И вот почему.

1. По алкогольному самому болезненному вопросу. Мещанское мнение о том, что надо «убивать» пьющих мужчин, ведёт в буквальном смысле к развалу русских семей. Вместо государственной агитации на телевидении и радио против алкоголизма и его последствий для русских детей, сплетники и «друзья» Дербиной провоци-

ругают разводы и скандалы в семьях. А судьи кто? Сама Дербина была изблечена на суде, как выпивающая личность.

2. В отношении гениального русского поэта обсуждение ведётся не на уровне нового слова в духовности и лиричности поэзии, а на «базарном» бытовом уровне. Дело в том, что на этом уровне живёт большое количество семей, а в условиях предыдущего тотального атеизма у многих женщин убили душу, способность к состраданию к своим же братьям и сёстрам. Вот в чём дело!

3. Высказывание Дербиной-Грановской «изменять свободно, дерзко, прихотливо» (смотри главу 3) никак невозможно отнести к светлым русским, да и православным идеалам нормальной семьи. И все её стихи пронизаны эгоизмом и, более того, эгоцентризмом, образы для самовыражения взяты звериные («как волчица», «как медведица»). А это всё означает: любыми методами (даже по трупам) идти к своей цели. И здесь православного мышления со стороны Дербиной нет.

4. Всё поведение Дербиной рассчитано на карьере, напористость и позиция непогрешимости – способы решения корыстных целей (организовала публикации после убийства Рубцова, «судимая» за убийство «пробила» квартиру во второй столице России, непрерывно изыскивает доводы для самооправдания).

Глава 7. Не пускают в дверь – лезет в окно.

В.Коротаев пишет (2):

«Однажды я был на её родине в городе Вельске, где она после отсидки жила и работала по прежней специальности. Пришлось выступать перед библиотекарями, её коллегами... Меня... стали пытаться, как мы относимся к творчеству Грановской, будем ли её издавать. Я ответил со всей определённой категоричностью, что относимся мы к ней не как к поэтессе, а как к убийце поэта Николая Михайловича Рубцова и, конечно же, издавать её не собираемся. (В Вельске «прощупывали» мнение В.Коротаева).

– Но она же своё получила, – последовало возражение.

– Вы считаете, что пять с небольшим лет – это плата за жизнь такого поэта?

– Столько было определено...

- Мы считаем, что наш суд бывает иногда слишком гуманен.
- И вы должны быть гуманными: вы же писатели.
- Ах, вы решили зайти с этой стороны! Тогда давайте заодно простим Дантеса, застрелившего Пушкина. Да и Мартынова – тоже.
- Ну, зачем вы так, – не понравилось заведующей библиотекой.
- Нечего сравнивать. Там совсем другое дело.
- А почему другое? То же убийство. Но там оставляли жертве выбрать жребий, встать к барьеру, подготовиться внутренне к роковому исходу... А тут? Поэт лежит, поваленный на пол... он и не думает, что его давят насмерть. А его давят!.. Тут не было никакого выбора...»

Журналистка-филолог П.Соловей опубликовала в 1996 г. статью «...Поединок роковой», в которой сообщает (10):

«В Москву из Воронежа она (Дербина) приезжала несколько раз. И, конечно, ходила на вечера поэзии, которые гремели в то время, в том числе и на тот, в Политехническом музее, который показал Марлен Хуциев в фильме «Мне двадцать лет». Она – та самая смелая девушка «с периферии», которая, выскочив на сцену, под смех и аплодисменты зала пытается высказать знаменитым поэтам, что она о них думает...».

«...Но если бы он (Рубцов) и заметил высокую, статную, пышноволосую красавицу, то она вряд ли обратила бы внимание на него – маленького, худенького, невзрачного... Собственно, так и произошло во время их знакомства в Москве» (в мае 1963 г.).

«– Если бы та январская ночь не обернулась трагедией, смогли бы Вы жить, посвятив себя ему? – спросила я Людмилу Александровну при нашей встрече. Она ответила не задумываясь: – Чтобы я отреклась от себя? Никогда! Я могла бы служить, если бы сама не была поэтом...». Казалось бы, чувство вины, ужас происшедшего должны были изменить её. Нет, не изменили...»

Значит Л.Дербина знала, что совместной семейной жизни у неё с Рубцовым не получится. Она считала себя «крупной» поэтессой, а Рубцову, оказавшемуся в одиночестве в 35 лет, нужна была жена как хозяйка дома. И, тем не менее, «красавица» Л.Дербина пошла с «невзрачным» Н.Рубцовым подавать документы в ЗАГС!

П. Соловей пишет далее в статье:

«Не будем повторяться и делать вид возмущённой добродетели: потасовки между супругами – дело нередкое...».

Прокомментируем мнение П. Соловей. «Потасовки» (о которых говорит постоянно Дербина) были не между супругами, а между любовниками! Непрерывные попытки представить Н.Рубцова и Л.Дербину мужем и женой – просто дезинформация. И П.Соловей вольно или невольно вводит в заблуждение читателей, а на деле помогает Дербиной представить «конфликт» (убийство!) как семейную драму. До семьи-то, до ЗАГСа Л. Дербина не дошла!

И далее П. Соловей пишет:

«Признаюсь: мне трудно высказать своё отношение к её стихам и воспоминаниям. Я выбирала самые осторожные выражения, но всё же не скрывала, что многие её стихи мне кажутся подражательными, а проза слишком выпендренной, часто фальшивой...»

В главе 3 приведены сведения из германского издания, которое опубликовало также «Библиографию» Дербиной:

Отдельные издания:

«Сиверко». Сб. стихотворений – Воронеж, Центрально-Чернозёмное изд-во, 1969.

«Крушина». Сб. стихотворений, г. Вельск Архангельской обл., «Вельти», 1994.

Участие в сборниках:

«Встреча», г. Колпино Ленинградской обл., 1993.

Публикации в журналах и газетах:

Лит. Альманах «Дядя Ваня» (Москва) №5, 1993 – воспоминания «Всё вещало нам грозную драму».

Ж. «Слово» (Москва) № 5-11, 1993 – воспоминания о Рубцове.

Газ. «Криминальный вестник С.-Петербурга», № 7-18, 1992 – фрагменты воспоминаний.

Далее идёт информация «Об авторе». Среди этого:

А. Михайлов. «Две первые ласточки колпинской весны». Газ. «Ижорец», 3.02.93.

А. Михайлов. «Не прервётся голос русской музыки» (о стихах Л.Дербиной). Газ. «Пограничник» (С.-Петербург), февраль 1993.

И. Частоступов. «Стихи Людмилы Дербиной».

Газ. «Вельские вести» (г.Вельск Архангельской обл.), 4.07.94

В. Бесперстов. «Буду навечно с тобой». О кн. стихов Л.Дербиной «Крушина». Газ. «Криминальный вестник С.-Петербурга», 16.12.94.

В.Каркавцев. «Она убила Рубцова глухой и дикой крещенской ночью». Газ. «Комсомольская правда», 1.12.94.

Вот такие авторы, журналы, газеты и составители сборников, не понимая, что творят, помогли убийце Рубцова (народного поэта!) в 90-е годы 20-го века легализоваться в литературе.

Статьёй «Обкомовский прихвостень» («День литературы», март 2000 г.), Дербина хотела организовать дискуссию вокруг гибели Рубцова и заодно сравнить В.П. Астафьева с вологодскими и другими русскими писателями, а самой половить рыбку в мутной воде дискуссий. Но это ей не удалось.

Вместо христианского покаяния и ухода на «заслуженный» отдых куда-нибудь на дачу, Дербина-Грановская продолжает периодически будоражить общественное мнение. И при этом всё новые и новые сведения выплывают о причинах её «заезда» в июне 1969 года в Вологду на «ловлю счастья и чинов», о той страшной ночи и о чертах её характера.

Глава 8. Стихи-песни и мировоззрение Николая Рубцова

А.С. Шилов стал первым исполнителем и композитором, создавшим мелодии на стихи Н. Рубцова: «Звезда полей», «Тихая моя Родина», «Журавли», «Привет, Россия!», «Осенняя песня», «Морошка», «В минуты музыки», «Синенький платочек» и др. (всего 15 песен). Вот фрагменты некоторых текстов.

ЭЛЕГИЯ

Стукну по карману – не звенит.
Стукну по другому – не слышать.
Если только буду знаменит,
То поеду в Ялту отдыхать...

ДЕРЕВЕНСКИЕ НОЧИ

Пусть ромашки встречные
от копыт сторонятся.
Вздрыгнувшие ивы
брызгают росой, –
Для меня, как музыкой,
снова мир наполнится
Радостью свидания
с девушкой простой.

ОСЕННЯЯ ПЕСНЯ

Ну так что же? Пускай
Рассыпаются листья!
Пусть на город нагрянет
Затаившийся снег!
На тревожной земле,
В этом городе мгlistом
Я по-прежнему добрый,
Неплохой человек.

* * *

«Чудный месяц плывёт над рекою», –
Где-то голос поёт молодой.
И над родиной, полной покоя,
Опускается сон золотой!
.....
Словно слышится пение хора,
Словно скачут на тройках гонцы,
И в глуши задремавшего бора
Всё звенят и звенят бубенцы...

ЗВЕЗДА ПОЛЕЙ

.....
Звезда полей горит, не угасая,
Для всех тревожных жителей Земли,
Своим лучом приветливым касаясь,
Всех городов, поднявшихся вдали.

Но только здесь, во мгле заледенелой,
Она восходит ярче и полней,
И счастлив я, пока на свете белом
Горит, горит звезда моих полей.

В МИНУТЫ МУЗЫКИ

В минуты музыки печальной
Я представляю жёлтый плёс,
И голос женщины прощальный,
И шум порывистых берёз,

.....
Как будто вечен час прощальный,
Как будто время ни при чём...
В минуты музыки печальной
Не говорите ни о чём.

ДАЛЁКОЕ

(«В краю, где по дебрям, по рекам...»)

В краю, где по дебрям, по рекам
Метелица свищет кругом,
Стоял запорошенный снегом
Бревенчатый низенький дом.

Я помню, как звёзды светили,
Скрипел за окошком плетень
И стаями волки бродили
Ночами вблизи деревень...

Ниже приведена авторская статья «Мировоззрение Рубцова в период вялого атеизма 60-х годов 20-го века», которая была представлена на литературных чтениях в Вологде в августе 2008 года.

«Я думаю, что для нормальных людей не секрет, что сейчас в духовной сфере идёт невидимая, но жёсткая борьба между силами Добра и Зла, Бога и Дьявола. Внедряется скрытно и зачастую явно идеология эгоизма, чернухи, порнухи, стремления к наживе, ведётся игра на неудовлетворённом самолюбии. Известно, что на психику и мировоззрение человека почти решающее влияние оказывает песенно-музыкальное воздействие. В условиях тотального наступления телевидения и эстрадных программ их содержание не может быть безразлично для всех нас. В этом смысле духовность или бездуховность текстов песен и интермедий важны не сами по себе, а как результаты их применения.

После окончания Великой Отечественной войны к началу 50-х годов 20-го века было восстановлено разрушенное войной народное хозяйство в Белоруссии, на Украине и в России.

После смерти Сталина в марте 1953 г. на пост первого секретаря компартии (т.е. идеологического руководителя СССР) в сентябре 1953 года был избран Н.С.Хрущев. Была объявлена идея построения коммунизма в СССР к 1980 г. В материальной сфере можно отметить значительные достижения: строительство жилья в городах, непрерывный рост производства сельхозпродуктов, подъём машиностроения, развитие науки. В духовной сфере велась идеологическая кампания поддержки политики, разработанной гуманитариями и проводимой ЦК партии. Но какой ценой добыты материальные блага? Небезызвестный городской академик Т. Заславская выдвинула программу неперспективных деревень и образования централизованных посёлков, что было затем принято в постановлениях ЦК КПСС и СМ СССР. После армии большинство ребят (из России, Белоруссии и Украины) вербовались на стройки коммунизма, не возвращались в деревни и сёла. Молодые женщины вынуждены были также податься в города. Работал инстинкт образования семьи и рождения детей. Вот результат оторванных от реалий программ в сельской области. Н.С.Хрущёв проводил политику воинствующего атеизма. Десятки тысяч храмов были разрушены или использовались для хозяйственных целей. Об этом пишет Г.В. Свиридов в книге «Музыка как судьба».

Как показывают исследования, Рубцов прошёл несколько видимых этапов развития мировоззрения. Основной их них, приходится на период начала 60-х годов 20-го века, период экономического слома традиционного быта русской деревни.

Период с 1950 года по октябрь 1955 года – начало становления мировоззрения поэта. Первое философское произведение «Два пути», где поэт задумывается о протекающих явлениях сельской жизни и сообщает, что он пойдёт своей тропой. Чистое лирическое стихотворение «Деревенские ночи», где «для меня как музыкой снова мир наполнится радостью свидания...» Стихи кировского периода – задумчивый взгляд поэта на природные явления: Почему же в этой жизни «дождик всё моросит»?

Морской период (с октября 1955 г. по октябрь 1959 г.) – период создания патриотических стихотворений «Сердце героя», «Моё море». И опять раздумья и философский подход к окружающему миру и событиям: «Северная берёза», «Ты с кораблём просталась». Морской период заложил и укрепил в Рубцове чувство справедливости.

В Ленинграде в период с ноября 1959 года по июль 1962 года поэт общался с литераторами, многие из которых являлись, по сути, диссидентами в стране пребывания, в России. С одной стороны справедливая критика проводимой политики, но с точки зрения неудовлетворённой личности. Эти литераторы сами не могли предложить ничего позитивного. Критика ради критики. С другой стороны, многие владели техникой ритмизированного стихосложения. Мировоззрение Рубцова было не совсем устойчивым, что отразилось в самиздатовском сборнике «Волны и скалы». В одном стихотворении Рубцов пишет: «Сколько водки выпито, сколько стёкол выбито...», в «Видениях в долине» обращается к народной памяти, к погостам и молитве, в стихотворении «В гостях» Рубцов задаётся вопросом о бессмысленности литературной сходки у поэта и ничемности такого бытия.

Но поэт в предисловии к сборнику заявил: «В жизни и поэзии – не переносу спокойно любую фальшь, если её почувствую. Каждого искреннего поэта понимаю и принимаю в любом виде, даже в самом сумбурном».

В июле 1962 г. после 11-летнего перерыва Николай Рубцов приезжает в с. Никольское на 2 недели, вновь окунается в деревенскую

жизнь, затем срочно возвращается в Москву для сдачи экзаменов в литинститут.

В богемной студенческой среде, Рубцов приобретает базовые литературные знания, довольно быстро намечается поворот на народное восприятие окружающего мира. Пример: «Осенняя песня», написанная в конце 1962 года.

А осенние листья
Вдоль по улице гулкой
Всё неслись и неслись,
Выбиваясь из сил,
На меня надвигалась
Темнота закоулков,
И архангельский дождик
На меня моросил.

Поворот следующий: это лето 1963 г., когда Рубцов пишет стихотворение «Тихая моя родина». Это обращение к природе родного села как к живому собеседнику неслучайно. Это восприятие родилось ещё в детские годы, когда сирота Николай Рубцов в картинах-образах у реки, в лесу, на полях, как у матери, находил сочувствие в нелёгких бытовых ситуациях.

Окончательный устойчивый мировоззренческий поворот - это ноябрь 1963 г., когда поэт по заснеженной невидимой дороге идёт к селу Никольскому. В стихотворении «Русский огонёк» (первоначально названное «Хозяйка»), Рубцов открыл для себя сущность действия мировых сил в мире. Добро и зло. Начало стихотворения сразу создаёт ощущение тревоги, применяемые слова в строках несут настораживающий (отрицательный) потенциал восприятия («томительный мороз», «снега оцепенели», «небо тёмное», «глушь», «в мёртвом поле»). И вдруг следует надежда на спасение от Рубцова:

Вдруг тихий свет (пригрезившийся, что ли?)
Мелькнул в пустыне, как сторожевой...

И далее по строфам наблюдаются непрерывные повороты восприятия. Сострадательные: «Как много жёлтых снимков на Руси», «Огнём, враждой земля полным-полна», «Будет ли война?», «Ведь

всем не угодишь», «Она смотрела, как глухонемая». Или с надеждой: «Дай Бог, дай Бог...», «Господь с тобой! Мы денег не берём!». И затем следует заповедь Рубцова (автором даны понятия с большой буквы):

За всё Добро расплатимся Добром!
За всю Любовь расплатимся Любовью!

Во многих изданиях в этих представленных строках «добро» и «любовь» пишутся с маленькой буквы. И тогда даже у некоторых профессиональных критиков возникала и возникает мысль, что здесь у Рубцова наблюдается тавтология. Такое мнение приходилось слышать. А ведь поэт говорит: – Не надо за Добро расплачиваться Злом! Это высший смысл. Рубцов выразил библейскую заповедь: «Возлюби ближнего, как самого себя!» Поэт в конце стихотворения благодарит русский огонёк, который фактически как маяк светит путнику в поле бездорожном.

И вот Рубцов выходит в литературу со стихами в журнале «Октябрь», № 8, 1964 г., «Я буду скакать по холмам задремавшей отчизны...», «Видения на холме», «Хозяйка». Почти открытая духовно-православная направленность этих стихотворений не могла пройти мимо внимания партийных идеологов. К этому времени, к осени 1964 года Рубцов был исключён с дневного отделения литературного института. Чем бы кончилось для Рубцова заявленная духовная позиция примерно ясно. Но ему и всем нам крупно повезло. В октябре 1964 года Хрущёв был снят с поста первого секретаря ЦК КПСС.

Началась эпоха вялого атеизма. В этот период проводятся экскурсии по Золотому кольцу, т.е. по святым местам: Звенигород, Ярославль, Переславль-Залесский, Суздаль, Ростов Великий, Вологда, Кириллов и т.д.

Поворот Рубцова на бессознательное православное мировоззрение начался и ранее. Иногда отмечают, что Рубцов не ходил в церковь. Но у Поэта православное мировоззрение и народное восприятие действительности было в душе.

Сложность написания и публикации стихов состояла в том, что Рубцову приходилось вуалировать своё мировоззрение. Хочу отметить, что поэт пишет стихи, как правило, бессознательно, не под-

брасывая терминологию в текст. Поэт не может скрыть свои взгляды. Иногда Рубцов шёл в открытую, например «Видения в долине». «Кресты. Кресты! Я больше не могу...», «Лес крестов в окрестностях России». Поэт через персонаж – лирического героя – выражал своё видение бытия:

И узрела душа Ферапонта
Что-то божье в земной красоте.
.....
И казалась мне эта деревня,
Чем-то самым святым на земле.

И только церковь под горой
Молчала набожно и свято.

За все хоромы я не отдаю
Свой низкий дом с крапивой под оконцем.

Я рад тому, что мы кочуем,
Я рад садам монастыря.

Умонастроения в обществе менялись. Но была непрерывная борьба интернационалистов и патриотов страны, которая называлась СССР, а фактически это была Советская Россия.

Рубцов радуется жизни в стихах «Прекрасно небо голубое, прекрасен поезд голубой...» И есть примеры, когда поэт выражает чувство тревоги. Например, «Наступление ночи», «Над моей счастливою любовью вдруг мелькнуло чёрное крыло...» Всё это опять на эмоциональном уровне... Менталитет русского человека сидит внутри. И Рубцов сознательно и бессознательно выражал русский взгляд на окружающий мир в России.

А непрерывный развал деревни, бытовую необустроенность Рубцов отразил в стихах:

Ах, город село таранит!
Ах, что-то пойдёт на слом!
Меня всё терзают грани
Меж городом и селом...

Поднявшись на холмах, старинные деревни,
И до сих пор стоят немного накренясь...»,

Обветшалые гнутся стропила,
И по лестнице шаткой во мрак,

Мировоззрение не приходит со стороны. Оно возникает на основе детско-юношеского воспитания. А в годы войны – на патриотических советских песнях, а преимущественно это были русские песни Исаковского. Позднее Фатьянова.

Современники отмечают, что Рубцов ходил с Библией, с томиком Тютчева. Это, так сказать, внешние приметы. Но поэт впитывал те знания, те идеи, которые содержатся в этих книгах. Самообразование у Рубцова было очень высоким. Общение со студентами-поэтами, такими литераторами, как Передреев, Куняев, Анциферов, Максимов, В.Сафронов, с вологодскими литераторами В.Беловым, Вик.Коротавым, А.Романовым, Б.Чулковым и др. давало возможность поэту непрерывно искать Истину в жизни и поэзии. У литераторов этого круга была основа народная по языку и пониманию событий.

Углубление историко-духовного национального мировоззрения и переход к народному философскому направлению проявилось у Рубцова в вологодский период жизни и творчества в стихотворениях «Ферапонтово», «О Московском Кремле», «Песня» («Морошка»), «Далёкое (в краю, где по дебрям...)», «Листья осенние», «Вечерние стихи», «Выпал снег», «Обо мне говорят», «За тост хороший», «Прекрасно пробуждение земли».

Мне удалось найти и опубликовать в 2005 году неизвестное ранее стихотворение Рубцова «Гоголь». Вот фрагмент из него:

Горит вся жизнь. Горит весь труд. Не шутка!
В минуту Гоголь обо всём забыл.
России стало холодно и жутко,
Когда он печь однажды затопил.

Горят, горят слова, прощаясь с ним.
Они кричат немymi голосами!
Он, озарённый пламенем своим,
Глядит в огонь безумными глазами.

Ему осталось уповать на бога.
Зачем слуга? Вот разве труп стеречь.
Он знает: жить ему совсем немного,
И он спешит скорее душу сжечь.

Обращение Рубцова к душе (что отмечалась и ранее) здесь видно невооружённым взглядом. Рубцов обозначил коренной поворот в русской поэзии на православное направление. Поэт пишет, не думая о специальном применении аллитераций, образов, метафор, сравнений, новых эпитетов и др. Это всё появляется автоматически, когда поэт входит (или сознание его заводит) в высший мир, эмоционально отдаваясь вдруг нахлынувшей теме. Это потом литературные термины подсчитывают критики. Сколько (арифметически), например, применил поэт слова «душа», «журавли», «звезда». Это схоластика. Нас интересуют нестандартные словосочетания, которые выражают видение поэтом явления, адекватно отражаемого, эмоционально воспринимаемого и наполненного духовно-смысловыми пространством русско-славянского языка.

Уединившись за оконцем
Я с головой ушёл в труды.
Ко мне закатывалось солнце,
И влагой веяли пруды.

Путешествуя по Вологодчине, по Алтаю (по Восточной Скифии), Рубцов впитывал события, явления, историю отечества. И создавал национальные стихи «Привет, Россия, – родина моя», «Зелёные цветы», «О Московском кремле», «Ферапонтово», «Гуляевская горка» и др. Нельзя сказать, что поэзию Рубцова не замечали в те времена. В декабре 1968 года в центральной газете «Правда» было опубликовано стихотворение «Шумит Катунь».

Как мимо башен, идилов, гробниц,
Катунь неслась широкою лавиной,
И кто-то древней клинописью птиц
Записывал напев её былинный.

В январе 1971 г. за 3 дня до убийства Рубцова его имя упоминается в газете «Правда». На Вологодчине Рубцов широко печатается. Но его песенное направление, которое фактически открыл А.С.Шилов, оказалось заигнорировано специалистами вологодского Дома творчества, как отметил С.П. Багров.

Поэзия, выражаемая на традиционной основе в виде духовно-народной песни, свидетельствует о высшем творческом уровне автора. Что подразумевает термин «традиция»? Это, конечно, национально-государственное мировоззрение автора, образное мышление на основе богатства народного русско-славянского языка, непринуждённое отражение темы, то есть свободное течение стихотворной речи на бумажном носителе или в голове (позднее на бумаге), владение логическим мышлением, соблюдение ритмики и применение нестандартных рифм в подсознательном режиме создания стихотворения, применение новых словообразований (как например, отглагольных существительных «звень», «цветь» у Есенина) в контексте развития русско-славянского языка. Духовность – основа неконфликтного существования и развития общества.

Если поэт относится к Природе как к творению Высших Божественных сил, то есть сознательно или подсознательно воспринимает христианские заповеди, то при выше обозначенных условиях образованности личности будут рождаться стихи подлинно национального характера. Русский читатель (который не пишет стихи) генетически чувствует фальшь или исповедальность стихотворения автора.

Любое общество по экономико-политической структуре подразделяется на сословия или группы по духовным или меркантильным интересам. У каждой группы своё мировоззрение, своя культура. Особенно это заметно в наше время. Когда многие стихотворцы самовыражаются на основе сложившегося у них по жизни образного языка или жаргона. Поэтому неслучаен примитивизм большинства современных песен, которые можно называть только русскоязычными словообразованиями пристроившихся где-то текстовиков.

По моему мнению, высшим уровнем национальной русской поэзии является песенная поэзия, такая, которую создали в период сложившегося народного исповедального мировоззрения С.А.Есенин и Н.М.Рубцов. Причём даже у этих национальных поэтов есть «стихи текущего момента»: раннего периода становления поэтического творчества (у Рубцова, примерно до 1962 года) или бытового ухода

от жуткой действительности организованного геноцида русского народа (у Есенина в сборнике «Москва кабацкая»). Часто «стихи текущего момента» используют артисты и критики, которые в мировоззрении не поднялись до славянских духовных традиций и понимания истоков исторических событий.

Напомним начало Евангелия от Иоанна в «Новом завете»: «В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог». Прошу обратить внимание на Троиединство и Последовательность данных нам Смыслов. Поэт, который преобразует наборы русских слов в строки, строфы, в стихотворение, должен предельно осторожно обращаться со Словом. Прежде чем выпустить Слово в полёт поэт должен провести духовно-смысловую и ритмическую самоцензуру.

О народности поэзии Рубцова одним из первых сказал высокоэрудированный и незаслуженно игнорируемый в публикациях литературовед Ю.Селезнёв. Но он не обозначил православное мироощущение Рубцова. Скорее всего, атеистическая пропаганда в то время не позволяла критику сказать новое Слово. Но Селезнёв сказал важное: «Стихи Рубцова сами просятся на музыку, скорее даже музыка просится из стихов: их не нужно перекладывать на музыку, её нужно улавливать в них, слышать её, как слышали музыку песен, былин, сказаний в самой ритмике их словосочетаний древние певцы-гуслиеры, сказители».

Чем же подкупает читателя поэзия Рубцова? Это полная искренность и достоверность, что читатель чувствует интуитивно. А пока поэты вымучивают рифмы и образы, проповедуют графомански тривиальные идеи, комплексуют из-за нереализованного «Я», **Николай Рубцов пишет о частном, а получается о Главном и на Вечность.** Ему удалось войти в глубинный поток русских образов и Слова, нашей истории и оттуда как из родника черпать чистые стихи. Такие, которые поднимают нас по душевному созвучию на генетический уровень понимания мира.

Явную и скрытую тревогу чувствует читатель и слушатель в стихах Рубцова. Переброс основной массы русского населения из деревень в города в период «великих» строек нанёс сильный удар по традиционной русской культуре. Русские люди оказались под воздействием «городской», скоморошной, меркантильной, явно нетрадиционной сферы. Генетическая доброта русских в городах столкнулась с эгоистическим мировоззрением, насаждавшимся с конца 19-го века и периодами в XX веке.

Автор опубликовал в 2007 году статьи «Рубцов и методика оценки народности поэзии» и «Классификация поэзии в России» (в порядке дискуссии на любом уровне) в книге «Поэзия. Истина. Рубцов».

Система оценки поэзии должна быть корневая духовно-смысловая. Поэзия положительного потенциала, поэзия Добра и Любви, поэзия-исповедь, поэзия-предвидение вызывают сопереживание читателя, «возбуждающие» душу. Рубцов интуитивно, на генетическом уровне записывал стихами народную философию, предвосхитил в атеистические годы 20-го века духовно-светское направление русской поэзии. Которое основано на понимании божественного происхождения окружающего мира. Кроме рукотворных достижений прогресса.

Сравнение стихотворений народного поэта Н.Рубцова и раскрепощённой «поэтессы» Л.Дербиной показывает, что Николай Рубцов являлся носителем православных идей Добра и общинности, а Людмила Дербина – языческих идей, эгоизма и эгоцентризма. Явный вампиризм «вылезает» из стихов заезжей «поэтессы». Анализ духовного содержания текстов, противостоящих по взглядам поэтов, позволяет выявить тенденции в использовании авторами массивов слов (словарный багаж) с положительным или отрицательным потенциалом.

Особняком стоят песенные тексты. Низкий уровень поэзии завуалирован часто мелодичными музыкальными решениями, а на концертах – дизайнерским оформлением сцены, световыми и шумовыми эффектами. Но тексты часто носят эгоистический характер. Широко применяется эффект узнавания жизненной ситуации: аэродром, улица, асфальт, звонок, телефон, машина, вокзал, ночь, бар, бокал вина, артист, подруга. Об этом уже не раз писали критики государственной духовной ориентации.

Исходя из вышеизложенных обоснований, можно сформулировать, что является основным при создании стихотворного произведения на русском языке:

1. Использование словарного богатства русского языка, особенно слов духовного, эмоционально-образного содержания при отражении любой темы.

2. Отражение в поэзии светлых духовных тем, отражение негативных и положительных тенденций в обществе и подлинных ори-

гинальных (незаимствованных) настроений. Что вызывает соперничество читателя, ответную реакцию.

3. Применение выдержанных поэтических форм и ритма, нестандартных, но созвучных русскому языку рифм, свежих мыслей, образов, символов, эпитетов и оригинальных слов в контексте национальных основ языка.

Сейчас заявлен поворот к духовным ценностям. В связи с этим должны быть признаны антиправославными и незаконными февральский и октябрьский перевороты 1917 года, которые нанесли сильный удар по русскому народному языку. Возникают задачи восстановления буквенного состава русско-славянской азбуки в течение 2-3 лет, поворота в системах воспитания и образования к исконному славянскому языку, православной культуре и к символам тысячелетней Российской Державы. Каждый народ, а тем более создавший древнее государство и имеющий самобытный язык, имеет право на восстановление исторической Справедливости.

P.S. Некоторые предпосылки и промежуточные выводы использованы из предыдущих авторских статей, так они логически вписываются в контекст предлагаемой статьи-доклада. В статье и по тексту книги применена приставка «без» вместо «бес», как это было в изданиях до 1917 года.

Глава 9. «Она проклятьем казнена...»

Многие поэты написали посвящения безвременно погибшему Николаю Рубцову, понимая, какого Поэта потерял русский народ. В книге «Воспоминания о Николае Рубцове» (2) приведены стихи-посвящения Ст.Куняева, Н.Старшинова, А.Передреева, Г.Горбовского, А.Колесова, А.Коурова, В. Кокорина, В.Телегиной, В.Коротаева и Б.Укачина. Ниже предлагаем вниманию читателя два посвящения, ранее не публиковавшиеся.

Станислав Шилов

«А другой жнецом рождён...»

Николай Рубцов

Его раскованная речь
Оборвалась как плач метели.
Друзья, что не смогли сберечь,
Узнав ту весть, оторопели.

А может, не было друзей,
А были ждущие лукаво
Его посмертной жгучей славы,
Чтобы самим погреться в ней.

В их поминальный чуждый хор
Вставать и плакать не желаю.
Я остро чувствую и знаю –
«Других» повадки с давних пор.

Умолкли песни и цветы,
Сгубили ранние морозы.
Его глазами смотрят звёзды
Недосягаемо чисты.

Юрий Кириенко-Малюгин

Памяти Николая Рубцова

Не каждый – Родине пророк,
Пророков на Руси немало.
Погиб Поэт, а всем урок:
Знать, что змея готовит жало.

А кто-то спросит: кем убит?
Молчат друзья, молчат подонки.
И только ветреный пиит
Ласкает скрытые душонки.

Но вспомнят, вспомнят – был Поэт,
Летящий в новые просторы,
Чтобы нарвать Мечте букет
За слово, что за ним повторит.

Смотрите: плачет русский луг,
Родных встречая каждым летом,
И песни слышатся вокруг
В потоках солнечного света.

декабрь 1989 г. – август 2001 г.

А.Романов, вологодский поэт и друг Н.Рубцова написал о Дербиной такие стихи (2):

Она

От любопытных ей не скрыться,
А где появится, то там
Прозванье страшное – убийца –
Метётся по её следам.
И с этой славой окаянной
Возможно ль грешнице такой
Трудом, молитвой, покаяньем
Обрести хоть призрачный покой?
Какое ж самооправданье
Измыслить надо для людей.
Чтоб умалить в себе страданье
И муки совести своей.
И знать самой, что тщётно это,
Что непрощаема вина...
За убийство поэта
Она проклятьем казнена.

Глава 10. Продолжение следует. Убийца идёт ва-банк.

Сети для падких на «жареное» журналистов. Каждому обывателю свою версию гибели Рубцова. После юбилейного января 2001 года полемика в прессе обостряется.

События вокруг обстоятельств гибели Николая Михайловича Рубцова непрерывно нарастали с январского юбилейного 2001 года и непосредственно после выхода первого издания книги «Тайна гибели Николая Рубцова» (сентябрь 2001 года). Системные публикации убийцы и её литературных адвокатов в конце концов проявили цель: обвинить в гибели Рубцова самого поэта и тем самым организовать реабилитацию убийцы. Зачем это нужно «поэтессе» Дербиной-Грановской (по новому мужу Александровой) – понятно любому читателю. А зачем в этом мероприятии участвовать её литературным и юридическим адвокатам? Им что же, мнение убийцы важнее признанного факта убийства и решения суда в апреле 1971 года? Или есть духовная близость к «поэтессе» Дербиной или конкретные блага по результатам публикаций? Итак, по порядку.

19 января 2001 года, как раз к очередному юбилею русского поэта (65 лет со дня рождения и 30 лет со дня гибели), в газете «Комсомольская правда!» была опубликована статья журналиста Ярослава Щедрова с тенденциозным названием «Николай Рубцов предвидел свою смерть» и с массой сведений, полученных явно с подачи убийцы или придуманных автором статьи. О том, что у поэта «не было черновигов» (ложь № 32, – прим. автора книги), что «лишь в 1970 году получил собственную однокомнатную квартиру» и что «до этого жил в крестьянской ветхой избушке на окраине» (ложь №33,– прим. автора книги), что «квартиру получил во многом стараниями второй жены (ложь №34, – прим. автора) Людмилы Дербиной» и что её долго не прописывали к Рубцову, так как они состояли в гражданском браке и что «стихи у Дербиной появились раньше и выходят чаще» и т.д. Особенно впечатляют уголовно-журналистские шедевры:

«...затем схватил два кухонных ножа и сказал, что сейчас зарежет (ложь № 35, поэт здесь представлен прямо как какой-то бандит, – прим. автора). В это время – какая-то мистика! – со стены вдруг упал домашний иконостас (ложь № 36: удивительная фантастика убийцы, играющей силами Рока, и «обналиченная» пером журналиста,

– прим. автора книги). Рубцов переключил своё внимание на него, Людмила, чтобы вырвать нож, впилась зубами в руку поэта... Соседи слышали, как Рубцов кричал (ложь № 37, Дербина переворачивает причину криков убиваемого поэта, – прим. автора). Внезапно он заплакал и предпринял попытку зарезаться... (потрясающий поворот ситуации! – прим. автора). Но слабые руки не смогли нанести удар достаточной силы (ну а где же следы какого-либо слабого удара? – их нет в материалах следствия, – прим. автора). Потом Людмила схватится за этот нож и, оставив на нём свои отпечатки, даст следователю повод сомневаться в факте попытки самоубийства... (лихо закручено – фантазия при отсутствии свидетелей неумная! – прим. автора). Отпечатки Дербиной говорят о том, что, возможно, вначале ножом она хотела убить Рубцова. И далее от Я.Щедрова:

«Она стянула на шее Рубцова концы его знаменитого шарфа (за который ему даже дали прозвище Шарфик). И передала Рубцову сонную артерию...» (ложь № 38, – прим. автора книги).

Здесь уже представлена версия убийства шарфиком. Причём интересно, что убийца в своём опусе, вышедшем через 8 месяцев после статьи Я.Щедрова, помалкивает об этой версии. Далее Я.Щедров пишет, что шарф Рубцова так и не отыскали. А куда же он делся? Дербина его с собой не взяла, это ясно. Иначе эта версия стала бы фактом на суде. А там были другие факты!

А чего стоит посыл журналиста в начале статьи:

«30 лет назад погиб прекрасный русский поэт. Его убила жена – Людмила Дербина».

19 января 2001 г. в газете «Правда» была опубликована статья Владимира Федотова «И перепутаю все карты твоей блистательной судьбы». Автор работал в Вологде спецкором центральной газеты «Правда» и должен бы знать точно все факты гибели Рубцова. Тем не менее, В.Федотов создаёт такие перлы:

«Встретились на этой земле и полюбили друг друга Николай Рубцов и Людмила Дербина». И далее: «...она была осуждена как убийца Н.М. Рубцова – якобы задушила его подушкой» (ложь № 39, – прим. автора). Откуда такая «версия»?

Известно, что ко многим писателям «подъезжала» Дербина. К Ф.Абрамову, к В.Сорокину, к Г.Горбовскому, к А.Ларионову, к В.Короотаеву, к А.Михайлову. Цели её ясны. Но есть более важная

цель для объективного писателя и журналиста: не дать убийце уйти от моральной ответственности.

19 июня 2001 г. в «Комсомольской правде» вышла статья О.Перанова «Поэта Рубцова никто не убивал», направленная на реабилитацию убийцы. И, наконец, «Комсомольская правда» даёт 30 августа 2001 года анонс о выходе книги Л.Дербиной «Воспоминания о Рубцове». Анонс снабжён фразой с хлётским названием «Я не буду тебя бить! Я буду тебя медленно убивать!». Эту фразу журналист с подачи убийцы приписывает Н.Рубцову. Перанов приводит душеспительные сцены взаимоотношений между Рубцовым и Дербиной из книги убийцы и вдруг сообщает:

«Её оправдали (ложь № 40, это желание убийцы, а Дербину никакой суд не оправдал и не может оправдать, так как это вызовет мощный взрыв в русском обществе, – прим. автора), а эксперты установили, что смерть Николая Рубцова все-таки наступила от сердечного приступа» (ложь №41, по материалам следствия убийство было умышленным, – прим. автора книги).

К сожалению, друзья поэта недооценили напористый характер «поэтессы», даже после 1996 года. Земляк Рубцова, известный литератор Ф.Ф.Кузнецов в марте 2001 года изложил свою позицию по отношению к Дербиной: «брезгливо не замечать». А Дербина практически системно стала публиковать свои «воспоминания», «вербовать» журналистов и выходить на выступления, не получая отпора своим измышлениям.

В опусе «Всё вещало нам грозную драму...», Дербина сообщает: «Все права защищены. Любая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то средствами без письменного разрешения владельца авторских прав».

Хитро убийца решила предупредить любое опровержение своих доводов. И даже скрытно угрожает тому, кто рискнёт воспроизводить её доводы. Но дело в том, что без ссылки на конкретный абзац невозможно опровергать домыслы любого автора, в том числе «поэтессы» Дербиной. Кстати, сама Дербина приводит целый ряд ссылок на цитаты из книг рубцоведа Н.Коняева, В.Коротаева, В.Белкова и др., которые имеют гриф под названием «копирайт», который указывает на необходимость ссылки при публикации на авторство. Итак, Дербина хочет присвоить себе исклю-

чительное право («богоизбранность») на свои публикации, именно в таком вопросе как садистское убийство национального русского поэта Н.М.Рубцова.

А события вокруг обстоятельств убийства Рубцова нарастали. В вологодской газете «Русский север» от 8-14 сентября 2001 года журналист В.Есипов опубликовал статью с провокационным названием «Рубцов не был убит?». Газета вышла в тот день, когда в Вологде проводится праздник «Рубцовская осень», во время которого поэты и барды представляют песни на стихи Рубцова.

«Вологодская неделя» от 20-27 сентября 2001 г. в рубрике «Кто есть кто» ответила Есипову статьёй А.Сиверцева «Пляски на гробах, или возвращаясь к ненапечатанному», где опровергнуты доводы медицинских «экспертов» из Петербурга. В.И.Белов на доводы адвокатов убийцы привёл следующие факты:

«Пока же я первый скажу прокурору, что своими глазами (без очков) увидел наполовину оторванное ухо покойного. Не сам же Рубцов отрывал себе ухо, вся щека его и висок были в крови. Это помимо так называемой асфиксии, то есть удушения, что знает вся Вологда. Как не вспомнить, что говорили в СМИ после смерти Сергея Александровича Есенина». А ведь замечали следы его убийства, в том числе путём сноса гостиницы «Англетер» в Ленинграде, чтобы не допустить следственный эксперимент.

И далее А.Сиверцев пишет:

«Автор этих строк имел возможность получить доступ к негативам снимков из уголовного дела по расследованию убийства Рубцова. Именно к негативам, а не к самим снимкам... Это действительно была сенсация, с чем не могу поздравить Есипова, который всего лишь воспользовался информацией из чужой книги. **В солидной газете сенсационность – не единственный критерий оценки материала. Приходится ещё и о последствиях своих выступлений думать».**

Затем в «Вологодской неделе» от 27 сентября – 4 октября 2001 года Александр Цыганов опубликовал статью «Личное дело», в которой подробно изложил обстоятельства пребывания осуждённой Дербиной-Грановской в колонии в Вологде.

А.Цыганов пишет, что Дербина организовала себе так называемые три ступени исправления, которые давали право на досрочное освобождение. Что «в самом начале срока зональные врачи об-

наружили у неё затемнение лёгких... Она стала ни много ни мало работать в библиотеке колонии. Таким образом, Дербина и оказалась на особом положении. Кстати, в отличие от основной массы осуждённых женщин, которые действительно трудились в швейном производстве на основных работах... Далее А.Цыганов сообщает: «Л.Дербина решила условно-досрочно освободиться из мест лишения свободы. Для этого ею заранее была получена справка с родины, от вельской подстанции, извещающая о том, что её возьмут на поруки на оставшуюся часть срока (г. Вельск – местожительство родни Дербиной; а каков уровень этой афёры! – прим. автора). Этот документ необходим, без него условно-досрочное освобождение невысказано. И подшит он как раз в «личном деле» рядом с продолговатым приглашением на будущую свадьбу, где на мелованной лицевой стороне бланка красными штриховыми линиями были изображены будущие молодожёны...»

И удалось бы досрочное освобождение, если бы не наглость убийцы. А.Цыганов сообщает о письме Дербиной из тюрьмы в адрес Генриетты Меньшиковой:

«В этом письме она (Дербина) требовала (вот уж здесь точно у незащищенной женщины), чтобы та отдала всё, что принадлежало Рубцову. Здесь она ясно давала понять, что Рубцов безраздельно принадлежит ей. (Речь идёт о литературном наследии Рубцова, на котором Дербина рассчитывала погреть руки, – прим. автора).

Тон письма – до сих пор не забыть – не только оскорбительный, но был злобный, угрожающий... И что же тогда оставалась делать жертве, получившей письмо, полное угроз? Да только одно: отправить это послание обратно, но уже конечно не адресату, а руководству колонии, дабы хоть как-то оградить себя от возможных преследований».

В результате за нарушение правил переписки Л.Дербину лишили всех «заработанных» ступеней исправления и она была лишена права на условно-досрочное освобождение. А сама Дербина (журнал «Слово», 1994, № 1-6) говорила себе: «Было одно упрямое, фанатичное: остаться самой собой, остаться самой собой!» Значит, осуждённая и не собиралась изменять свои взгляды, своё мировоззрение, своё отношение к преступлению!

О необузданном характере «поэтессы» говорит факт, который приводит Цыганов после беседы с начальником отряда колонии:

«Осуждённые стояли в очереди в прачечную, среди них была и Дербина-Грановская. Спустя какое-то время, последняя отошла в сторону по своим делам, а пустое место тут же заполнила другая осуждённая. Вернувшаяся Дербина-Грановская, увидев на своём месте постороннего человека, отчего-то внезапно ожесточилась и бросилась на женщину, повалив её на землю. И там схватила её за горло. Находившиеся рядом двое осуждённых с великим трудом отняли у Дербинной упавшую. А одна из этих женщин по фамилии Крылова тоже отбывала срок за убийство мужа. Вот эта-то Крылова и сказала тогда: «Теперь я знаю, как она убила Рубцова. Этот случай хотя до руководства колонии и не донесли, но начальнику отряда всё-таки проговорились...»

Основное содержание статьи Цыганова, опровергающей мнение В.Есипова и псевдонаучные изыскания медицинских «экспертов» из Петербурга, было опубликовано затем в журнале «Слово» (12).

В сентябре 2001 г. вышла книга автора «Тайна гибели Николая Рубцова», в которой была разоблачена «поэзия» Дербинной, основанная на звериных образах, а также приведена информация о процессе над убийцей по состоянию на январь 2001 года (13).

Автор будет ниже опровергать «факты» от убийцы, в том числе со ссылкой на известные источники.

Первое же опровержение касается названия «книги» Дербинной «Всё вещало нам грозную драму...». Демагогия убийцы состоит в том, что она сразу вводит в подсознание читателя посыл действия каких-то таинственных сил в её взаимоотношения с Рубцовым. Она хочет навязать мнение, что вмешался рок и гибель поэта была неизбежна, а также, что у поэта было больное сердце. К сожалению, некоторые недалёковидные друзья и почитатели Рубцова «клюнули» на удочку Дербинной и невольно «подыгрывают» ей. Однако вологодская поэтесса и близкий друг Рубцова Нина Груздева сообщает:

«Николай Рубцов никогда не жаловался на своё сердце. Между тем, люди, наделённые тонкой нервной организацией, часто путают вегето-сосудистую дистонию с сердечной болью. Симптомы-то те же самые. И, как следствие этого, появляются мысли о смерти, о бренности мира. А от дистонии, когда идёт имитация сердечной боли, ещё никто не умирал. Между прочим, эта самая дистония при сегодняшней жизни, наверное, у каждого второго...».

В периодическом издании «Опасная ставка» №7 (11), июль 1996 г., стр. 11,12 и 13 в статье под названием «Могла ль понять в тот миг кровавый...» приведены снимки растерзанной шеи Поэта, схема квартиры Н.М. Рубцова после убийства, а также следующая информация:

«О «поединке», на котором теперь настаивает Дербина, о «самозащите», о ситуации «кто кого», о «неосторожном убийстве» не может быть и речи: материалы уголовного дела полностью опровергают это. Под влиянием версии убийцы, усиленно муssiрующей прессой, Верховный суд Российской Федерации затребовал дело на предмет возможного опротестования приговора, вынесенного Грановской в 1971 году. И пришёл к выводу: оснований для пересмотра нет, произошло действительно умышленное убийство (ст. 103 УК РФ)».

Интересно, сохранилось ли издание «Опасная ставка» № 7 (11), июль 1996 г. в Российской публичной библиотеке г. С.-Петербурга, где живёт убийца или оно изъято? Сохранилось ли это издание в других официальных публичных библиотеках России? Копии этой статьи с фотографиями жертвы и схемы квартиры имеются в обоих Рубцовских центрах в Москве, Рубцовском Центре С.-Петербурга, у целого ряда исследователей.

Ещё 16 ноября 1996 года в газете «Известия» была опубликована статья В.Филиппова «Смерть поэта – литературный капитал для его убийцы». Автор пишет: «Поэтому большое количество публикаций об убийстве Рубцова в год его юбилея не удивляет. Странно другое: в этих публикациях убийца поэта представлена жертвой трагической любви и поэтессой, воспевающей в своих стихах свою жертвенность... Видимо, для убийцы поэта мучителен её крест. И она пытается ослабить эту муку, облачая убийство в одежды трагической любви... Судя по публикациям о Дербиной и её стихам, в русской литературе появилась поэтесса с весьма болезненным представлением о духовных ценностях, для которой любовь и убийство есть причина и следствие... Иногда мне кажется, что грань между добром и злом уже стёрта...».

Ф.Ф. Кузнецов в интервью газете «Красный Север» - «Зеркало» № 51 от 14 марта 2001 года на вопрос об отношении к убийце сказал: «...Она пытается не мытьём так катаньем получить популярность сегодня таким страшным путём (она и Рубцова при жизни пыталась

использовать, чтобы стать известной поэтессой). У меня было несколько гласных и негласных столкновений по этому поводу. Первое с Евтушенко, когда сразу после суда он написал письмо в правительство с просьбой о помиловании. С этого началась эпопея её возвращения... И третий случай: меня пригласили быть титульным редактором сборника о Рубцове, в котором выходили её воспоминания. Я потребовал их снять, а когда этого не сделали, потребовал снять моё имя».

Здесь речь идёт об издании собрания сочинений Н.М.Рубцова в одном томе (14). Редакторы-составители Л.А. и Н.Л. Мелковы почему-то получили в руки «жареные факты» от «поэтессы» и включили в издание её опус под названием «Я не хотела убивать его». Кроме того, были введёны в книгу сострадательный фрагмент письма Ф.А. Абрамова к Л. Дербиной, а также два письма Н.Рубцова к Л.Дербиной, которые могла передать составителям только убийца. Зачем Мелковы фактически позволили Дербиной оправдываться, причём явно хитромудрыми ходами?

Вологодский писатель Р. Балакшин в статье «Такому человеку не позавидуешь» приводит высказывание писателя В.Плотникова: «В частности, пытаются из убийцы Н. Рубцова Дербиной сделать невинную жертву «тоталитаризма». Пытаются заставить людей поклоняться убийце, а не Поэту; Иуде, а не Христу» (15).

Р.Балакшин пишет: «Нам известно из священной истории, что после убийства родного брата Авеля Каин получил от Бога знак, по которому люди могли узнать-опознать его... Люди сторонились его, избегали общения с ним, потому что ужасен грех убийства... Не погрешу против истины, что имя Н.Рубцова в ту пору (60-е годы 20-го века) было известно весьма узкому кругу людей, ценителей русской поэзии (тогда гремели Рождественский, Вознесенский, Евтушенко и иже с ними); слава его как поэта национального выросла гораздо позднее...

И поскольку все мы смертны, ей тягостна мысль, что, проходя мимо её надгробного памятника, люди будут говорить: «А, так эта та, которая Рубцова убила»... По-человечески её можно понять: слава Дантеса и Мартынова – незавидная слава... Поэтому не случайно, что именно в последнее время она развила такую бурную деятельность по самореабилитации, ездит с выступлениями, на которых чернит память поэта. Ибо для того, чтобы выгородить себя, другого

надо затоптать. Но путь этот безнадежен и пагубен... Конечно, враги, ненавистники русской культуры, которым нет ни числа, ни переводу, с радостью воспринимают разные сплетни и слухи; и чем они грязнее и гнуснее, тем они для них сладостнее...

Решение суда никто не отменял и не отменит, потому что доказательства убийства налицо: **есть акт осмотра тела, свидетельствующий о насильственной смерти.**

Надо покаяться, молиться о душе погибшего поэта, а не бежать в залы и редакции газет. Совершив преступление телесное, **сейчас она совершает преступление духовное, порочит память поэта, тем более что сам он за себя заступиться не может».**

А «схватка» вокруг гибели русского Поэта не ослабевала. Автор этой книги в ответ на выпад уже самой Дербиной написал сразу (в январе 2002 года) статью «**Душа моя чиста**», которая была опубликована в газете «Московский литератор», № 6, март 2002 г. Вот фрагменты из этой статьи:

«Дербина-Грановская избрала метод публикации «компромата» на тех, кто её разоблачает, отыскивает свидетелей её поведения в колонии и от их имени придумывает опровержение фактов. Цель у Дербиной одна: побольше «жареного» материала, игры на бытовых ситуациях и особенно заметно стравливание русских мужчин и женщин на алкогольной проблеме. И в таланте замазывания и извращения сути фактов ей не откажешь. Но это уже известные методы убийц. Никогда ещё в истории России не было такого явления, чтобы убийца публично выступала в открытой печати и находила друзей. В чём же дело?

А дело в том, что Дербина-Грановская является ярчайшей представительницей эгоизма и даже эгоцентризма в поведении человека. И это те самые мотивы поведения, которые навязывают русским людям пропагандой «чернухи», садизма и «порнухи».

Как сообщает Дербина, во время пребывания в тюрьме она «с отличием закончила ПТУ №22 по специальности «швея-мотористка массового пошива женского платья и белья». В июле 1973 г. закончила курсы поваров и получила 3-й разряд, а в ноябре – курсы киномехаников...». «Кроме звеньевой я была почти бессменным руководителем культурно-массовой секции (КМС) отряда и некоторое время всей колонии. Наверное, многие помнят мои литературные вечера, конференции, диспуты и просто беседы о писателях, поэтах,

художниках. Но никогда ни разу я не читала ни стихи Рубцова, ни своих...».

Прокомментируем эти сведения. Дербина-Грановская и в тюрьме не растерялась. Училась с частичным освобождением от работы швей и по разным, в основном, «непыльным» специальностям. Да и работа библиотечно-литературная и культмассовиком то отряда, а то и всей колонии позволяла ей уходить от трудоёмких работ. Интересно её сообщение, что она проводила литературные вечера по писателям и по кому ей угодно, но только не по народному русскому поэту Рубцову. Почему же в течение пяти с половиной лет не по Рубцову, который уже в те времена был известным поэтом? А потому, что тогда у слушателей был бы вопрос о биографии поэта и о его судьбе. Не могла же Дербина сообщить участникам вечеров, что это именно она убила поэта Н.Рубцова.

Вся её «поэзия» – это непрерывная борьба с придуманными фантазией Дербиной врагами, с теми, кто не признаёт её звериных образов и «поэтического таланта». А Николай Рубцов был в те 60-е годы 20-го века первым светским поэтом, который пришёл к православию. Сколько в его стихах упоминаний о церквях, особенно о разрушенных храмах! И несчётное число раз Н.Рубцов обращается в душе как к носительнице Совести, Добра и Справедливости!

Поэт сказал раз и навсегда:

Перед всем
Старинным белым светом
Я клянусь:
Душа моя чиста!

Может ли так сказать Дербина-Грановская по результатам своей «работы»? Лучше бы не будоражить общественное мнение. Ведь почитатели Н.Рубцова потребуют публикации результатов судебно-медицинской экспертизы из уголовного дела после садистского убийства, чтобы не допустить реабилитации убийцы».

Отповедь фантазиям очень озабоченного литератора Андрея Романова по поводу сексуальной причины гибели Н.Рубцова дал Николай Коняев в статье «Медвежья песни латышских стрелков» в газете «Литературный Петербург, №9 (39), 2001 г. Интересно, что сама убийца молчит о версии А.Романова.

Но оказывается, что нет предела версиям вольных или невольных адвокатов убийцы. И вот ещё один любознательный появился с «жареным» материалом, явно с подачи Дербиной (Грановской), встретившейся где-то на его жизненном пути.

В вологодском издании «Наш регион» (январь 2002 г.) в статье Дмитрия Малкина с хлестким названием «Падшая муза» (подзаголовок «Малоизвестные факты из жизни Николая Рубцова») придумана масса таких «фактов», из которой вылезает гора вымыслов. В разделе «Поэтическая вольница» автор, привязав Рубцова к неразделённой любви, выдаёт перл: «С тех пор в Рубцове, говоря образно, лопнула (каково! – прим. автора) какая-то пружина. Он запойно пил, бывая во хмелю задиристым». Спрашивается, а когда же Николай Рубцов сочинял выдающиеся русские стихи-песни, которые уже стали народными и которые поют, не обращая внимания на эстраду?..

А технология производства фальсифицированных статей проясняется. Л.Дербина-Грановская встречается с очередным журналистом, рассказывает о своей несчастной судьбе, всё это записывается на магнитофонную плёнку, и, естественно, собеседники договариваются о публикации. Материал кажется журналисту сенсационным. На базе скелета материала, сказок Дербиной автор добавляет свои фантазии для обывателей.

В опусе Дербиной сообщается о случае в июле 1970 года, когда «поэтесса» бросила разбитые стёкла под крыльцо деревенского дома, Рубцов наступил на них и сильно разрезал подошву. И вот о случайной встрече Геты Меньшиковой и Лены с Л.Дербиной на квартире Н.Рубцова в конце июля – начале августа 1970 года рассказывает Лена Рубцова в записи от 25 марта 1998 года(14):

«Поднялись на пятый этаж... Открывает дверь. Папа наш. Рас-терялся и в то же время обрадовался (а ведь Лену он не видел уже два года! – прим. автора)... Прошли. У него, оказывается травма ноги, прыгает на одной, вторая забинтована (это как раз после вышеупомянутого случая с разбитыми стёклами под крыльцом). Сзади него, из комнаты, вижу, женщина выходит. Странно, почему-то в сорочке. Смутилась. Он говорит: Это Люда... А та женщина быстро одела платье (по-моему, она его гладила), сказала что-то и ушла. Мне она показалась слишком высокой, крупной против него. Он-то какой-то маленький, неуклюжий со сломанной ногой...

На кухне было не убрано. Беспорядок какой-то...

Я сказала матери, что нам пора уходить. Она вроде как не хотела. Но я подбежала к выходной двери и пыталась её открыть... Он, когда я бросилась по лестнице вниз, а мать за мной, кричал: «Не уходите! Я погибну, погибну!»...

Когда мы выскочили из квартиры, из соседней квартиры вышла женщина-соседка, она видела эту сцену расставания...

Мать моя (Гета Меньшикова, прим. – автора) почему-то не помнит, как он кричал «не уходите, я погибну», а у меня эта фраза в голове до сих пор».

Это свидетельство Лены коренным образом отличается от сообщения «поэтессы» о том, что Рубцов выгнал дочь и Гету.

«Поэтесса» в «мемуарах» описывает, ссылаясь на ревность поэта, драки с Рубцовым в августе-сентябре 1970 года. Однако она постоянно возвращается к поэту. 19 сентября 1970 года было опубликовано стихотворение «Жёлтый цвет», которое Л.Дербина приняла на свой счёт. И в конце сентября произошёл пожар в квартире Рубцова от зажжённых кем-то трёх свечей, пока хозяин отошёл на некоторое время. Похоже на месть. Ведь если бы квартира выгорела, то Рубцова обвинили бы в устройстве пожара по «пьяной лавочке». А выводы были бы для поэта плачевными. Дербина выдаёт в стихах свойства своего характера, когда сообщает:

Прощала и всё ж не простила!
(Ужель моя суть не светла?)
За то, что тебя не любила,
но жить без тебя не могла,
за то, что мы оба страдальцы
(теперь уж прости – не прости),
слепые безумные пальцы
на певческом горле свести
рванулась...

Саморазоблачительны признания Дербиной, что она Рубцова «не простила», «не любила». И вдруг она рванулась к Рубцову «слепые безумные пальцы на певческом горле свести». Ясно, что Дербина услышала такое прозрение от поэта, что для неё было неприемлемо оставлять Рубцова в живых.

Смазывая эту информацию, Дербина сообщает, что Рубцов перед отъездом в Москву в конце сентября 1970 года вылил в стакан остатки из бутылки и произнёс:

– За Вологду, землю родную, я снова стакан подниму!

Дербина пишет в «мемуарах», что Рубцов решил так и оставить эту строку. А ведь известно, что эта строка из известного тоста, который Рубцов впервые произнёс экспромтом в сентябре 1967 года в Вологде во время писательского застолья (2,16). Опять ложь «поэтессы» или незнание ситуации по этим строкам.

В сентябре 1970 года вышла статья Валерия Дементьева «Хоженье за три волока» в одном из ведущих русских журналов «Москва». В этой статье Вал.Дементьев отметил:

«Николай Рубцов восклицает: «Россия, Русь! Храни себя, храни!»... Это завет сыновьям, внукам, правнукам лирического героя стихотворения, который вырос в сиротской доле, у которого из всех родных и близких осталась только Родина-мать, да земля отчичей и детичей его...»

Почему же Л.Дербина в своём опусе молчит о таком важном событии, как признание Рубцова известным критиком? И разве об этой статье у неё не было беседы с поэтом?

Между тем, в конце сентября 1970 года у Рубцова была встреча с Гетой Меньшиковой на пароходе во время поездки по Сухоне. Но они не договорилась о совместной жизни. Рубцов один, без семьи. И рядом снова весёлая и находчивая «поэтесса».

Рубцов, уезжая в Москву, отдал Дербиной ключ от квартиры (по её сообщению). 3 октября 1970 года он вернулся. И сообщил Дербиной, что беседовал с её любовниками. Очевидно, что Рубцов решил прояснить характер и поведение «подруги» в Москве. И неслучайно он обозвал Л.Дербину б-ю. А потом следует розыгрыш читателя сценной умирания «поэтессы» от угара в своей комнате под Вологдой. Спектакль одного актёра.

В конце октября 1970 года Дербина «начала передачу библиотеки». Решила сменить место работы в Вологде. А Рубцов был, видимо, потрясён московскими сведениями о поэтессе. И никак не мог успокоиться. Опять следует разрыв с Дербиной. Но Рубцов понял, для чего Дербина постоянно крутилась около него. Она запросила рецензию на её сборник «Крушина».

1-2 ноября 1970 года «поэтесса» в очередной раз «забежала» к Рубцову. Увидела в основном положительный отзыв. Но уже тогда Рубцов привёл-заклеймил такие стихи «поэтессы»:

О как тебя я ненавижу!
И как безудержно люблю,
Что очень скоро (я предвижу)
Забавный номер отколю!
Когда-нибудь в пылу азарта
Взовьюсь я ведьмой из трубы
И перепутаю все карты
Твоей блистательной судьбы!

Но эти строки не относятся к Рубцову! Об этом сама Дербина сказала на суде. Стихотворение имеет название «Ревность» и написано в 1961 году, как сообщает Дербина в «мемуарах». «Поэтесса» угрожала кому-то: «перепутаю все карты твоей блистательной судьбы». Это относится только к популярной личности. У Рубцова не было блистательной судьбы! Элитой он не был признан. «Поэтесса» не любила его. У неё были свои кумиры среди поэтов. И ошибка Рубцова состояла в том, что он принял это творение на свой счёт. Но этот текст уже говорит о мстительном характере поэтессы, даже по отношению к своим.

5 ноября 1970 года, зная о рецензии, Дербина уезжает в Вельск. 12 ноября Рубцов напечатал рецензию на машинке и отослал в Архангельск, в издательство. Но «поэтесса» сама разрушила свою карьеру. После убийства Рубцова рукопись Л.Дербиной была возвращена из издательства в вологодскую писательскую организацию с письмом от 26 января 1971 г.

Как видно из «мемуаров» «поэтесса» имеет текст упомянутого письма. Скорее всего, получила его в Архангельске в Северо-Западном издательстве. Пробивная настырная поэтесса всё охватывала и охватывает по околорубцовской теме.

Из Вельска Дербина вернулась в Вологду 23 ноября и сразу «увидела» знамение в небе. Очередное указание Чёрного Рока. На следующий день «поэтесса» зашла в Союз писателей и встретила там Рубцова «случайно». И по её рассказам после уговоров поэта переехала к нему на квартиру. С вещами из деревни Троицы.

30 ноября 1970 года на квартиру к Рубцову зашел А.Романов. И как пишет Дербина, он обозначил бытовую и творческую ситуацию: «Два медведя в одной берлоге не живут». До середины декабря «поэтесса» жила у Рубцова. И непрерывно воевала. Изображала из себя страдальцу. Сообщает, что не могла взять документы у Рубцова для устройства на работу. Невинная девочка. Как будто и в этом Рубцов виноват.

Такой тип напористо-обвинительного характера сравнительно редок среди женщин. Чтоб уйти от постоянных конфликтов, Дербиной ничего не стоило взять билет и уехать навсегда в Вельск, где у родителей воспитывалась дочь. И положительная рецензия на сборник находилась уже в издательстве. Вырисовывается, что вся ситуация – это заговор или придурь «поэтессы»: непрерывная месть Рубцову.

И ответим на ложные посылы Дербиной насчёт внутренней цензуры в стране. Да цензура была. Но ведь Дербина писала сатанистские стихи. И такие стихи нельзя вообще пускать на публикацию, что и делали нормальные редакторы. Её претензии к советской власти смехотворны. Получила высшее образование – окончила престижный библиотечный институт и не где-нибудь, а в Ленинграде. Стихи печатала и пробивала в вологодских газетах даже со своей фотографией. Заведование библиотекой и жильё ей, иногородней предоставляли. А она сообщает, что человека превратили в подёнщика, без прав на своё мнение. Это не совсем так. В зависимости от конкретных руководителей ЦК по идеологии в поэтической области преследовали и премудрых шестидесятников (Иосиф Бродский) и настоящих патриотов России (Николай Рубцов). А поэт Евтушенко писал «Братскую ГЭС» и был в обойме пропагандистов. А насчёт «унылого существования» человека при советской власти (по мнению Дербиной) или при «демократии», то всё познаётся в сравнении.

Глава 11. Фантазии убийцы и голые факты.

Николай Рубцов многое предвидел в жизненных ситуациях, в том числе, когда написал «Не надо слушать злых старух...»

В «Воспоминаниях о Рубцове» Дербина манипулирует словами, шулерскими приёмами пытается взвалить вину на поэта. Некоторые фантазии просто уникальны. Продолжим по порядку.

Она обвиняет Рубцова в хроническом алкоголизме. Хитромудрая «поэтесса» придумала гроссмейстерский ход: периодические выпивки по обстоятельствам представить в виде болезни. При таком подходе всю мужскую часть населения России можно оболгать, «забыв», а кто же строил и строит объекты, производит продовольствие, водит транспорт, защищает Родину и т.д. В перерывах между выпивками, что ли? Между тем, Рубцов даже в прославленном общежитии бывал и «под градусом» и абсолютно трезвым (о чём почему-то многие очень «трезвые друзья» не вспоминают). Рубцов там днями печатал стихи, и никто не видел его пьяным.

В январе 1997 года (задолго до выхода опуса Дербиной) председатель Рубцовского Центра Санкт-Петербурга Сергей Вакомин (Сорокин) опубликовал статью «О Русь! Кого я здесь обидел?...»(17). Автор конкретными фактами разгромил ряд доводов убийцы.

Интересно, что в своём опусе Дербина клеймит обоснования писателя Н.Коняева, но помалкивает о статье С.Вакомина (Сорокина). А ведь Дербина живёт в одном городе, что и автор.

По вопросу уровня опьянения участников последней ночи С.Вакомин (Сорокин) пишет (17):

«Вот вроде бы невинно звучит фраза Дербиной: «Часа через два Рубцов и трое из журналистов приехали к нам уже хмельные и ещё с бутылками вина» (здесь говорится о последних часах жизни поэта), – а дотошный обыватель уже начеку. Он и сегодня готов драть плотку и утверждать, что Рубцов сам виноват, что вино и сгубило его.

Но вот о чём говорят скупые строки милицейского протокола: «На балконе снежный покров не нарушен. В углу стоит металлическая лопата и 18 бутылок из-под кефира и 3 бутылки из-под вина (какого? – в протоколе не сообщается, а жаль!)» И далее: «На кухне тоже обнаружены бутылки из-под сухого вина, «Шампанского» (значит, и на балконе стояли бутылки из-под сухого вина!)

Сколько с собой принесли бутылок сухого вина журналисты – Дербина умалчивает, не указано и в милицейском протоколе...»

Прокомментируем этот набор сведений.

Рубцов водку не любил. От нескольких бутылок вина и при участии нескольких друзей – не станешь сильно пьяным. Как пишет «поэтесса», Рубцов проводил последним журналиста Третьякова на лестничной клетке. Значит, поэт был под каким-то градусом, но не был сильно пьян! До убийства (вероятно, в 4 часа утра) Рубцов уже был трезвый. А полпятого утра Дербина пошла сдаваться. Не сходятся концы с концами у убийцы.

Начиная со страницы 178, Дербина пишет о своём обращении к Богу. Психологически очень тонкий ход со стороны убийцы.

Дербина описывает своё посещение могилы Рубцова 25 мая 1991 года. Два часа она искала могилу поэта, пока вдруг не услышала голос Рубцова: «Люда! Я здесь! Иди сюда!» Просто потрясает умение «поэтессы» фантазировать и вызывать сочувствие у доверчивого читателя «страданиями» (теперь это у неё трудности хождения среди оград, – прим. автора).

А затем следует вершина дербинской демагогии:

«Мы говорили с ним не менее получаса. Он просил у меня прощения за те страдания, которые он мне причинил. Я отвечала ему и, наверное, тоже просила у него прощения...»

Рубцов просил прощения у Дербиной?! Потрясающе! Что это? Сдвиг по фазе, как говорят нормальные люди в таких случаях. Похоже, что «поэтесса» сама себя зомбировала на виновность Рубцова и теперь всем встречным и поперечным (журналистам и незнакомым) убеждённо внушает эту версию. Примечательно сообщение «поэтессы», что она наверное просила у него прощения... Даже здесь убийца не смирила свою гордыню.

Можно было бы поверить её приходу к Богу, если бы она публично покаялась в своём преступлении и, что главное, ушла бы в сторону, замолчала. А она продолжает напористо доказывать свою невиновность. На одной из страниц опуса Дербиной некто Сусликов Я.Я. из Талицы, ещё один добровольный адвокат убийцы, сообщает: «...она находилась рядом с ним и терпела немыслимые в супружестве издевательства. Л.Дербина не убийца, как бы вам ни хотелось, она, жена поэта, есть жертва ситуационных обстоятельств...»

Это ложь очередная (№42, – прим. автора). Не была Дербина женой. Была она любовницей по определению. Зная, что «в ЗАГСе больше не бывать», почему Дербина не ушла сразу от Рубцова? Решила довести задуманное до конца?.. Если вдруг поняла, что поэт разобрался с её мировоззрением, с её нигилизмом, непрерывным и непреодолимым? Когда «поэтесса» приводит фразу Рубцова «Я буду тебя медленно убивать», то она шулерски умалчивает, что он хотел морально «убивать», то есть разоблачать звериную поэзию, а также эгоизм и игривость этой дамы. Поэтому было спланировано: смести поэта с литературного пути. Здесь ещё одна разгадка тайны той ночи.

Газета «Литературный Петербург» правильно отметила, что «Сборник «Крушина» – сигнал, знаковый позывной антирусских сил». Знаковый потому, что подаёт сигнал применения сатанинских образов в русской поэзии. **Такая поэзия может быть названа только русскоязычной и по сути провокационной, поскольку издаётся на русском языке и ассоциируется, особенно у зарубежных неосведомлённых читателей с мировоззрением русских людей.**

Вот «талантливые» антихристианские стихи от Дербиной:

Оживают полночные травы
Под серебряным оком луны.
Льётся дух забвения и отравы
Из раскрытых цветков белены.
Волчье лыко свежее сирени,
Маттиолы ужасен дурман!
Обещают белёсые тени
Чьих-то чар колдовство и обман.

Посмотрите, как Дербина воюет с добрыми стихами Н.Рубцова. Поэт в стихотворении «Тот город зелёный» с грустью писал: «Сорву я цветок маттиолы / И вдруг заволнуюсь всерьёз». А что от Дербиной? «Льётся дух забвения и отравы», «Волчье лыко свежее сирени...», «Маттиолы ужасен дурман» – это образы Тьмы и Зла. «Поэтесса» Дербина несёт в стихах злость и вражду. Что читатель может получить для Души, генетически тяготеющей к Справедливости? Дербина ёрнически «критикует» свои «стихи», приводя известные высказывания: «В этих строфах присутствуют все символы

сатанизма: это и полнолуние, и око Иеговы, и дурманящая белена, и белёвые тени...». Здесь Дербина применила известный психологический ход: привести отрицательные мнения о себе, а последнее слово оставить за собой, «опровергая» доводы оппонентов. Аналогично она действует, когда сообщает мнение литераторов, считающих, что она была подослана к Рубцову.

Дербина сообщает о фильме «Застава Ильича», в котором представлен литературный вечер в Политехническом музее в августе 1962 года. На вечере выступали, как она пишет, Евгений Евтушенко, Андрей Вознесенский, Георгий Поженян и другие. Она сообщает, что только что приехала из Воронежа и в тот же вечер «оказалась» в зале Политехнического музея. А кто пригласил? В те времена «оказаться» в этом зале (и именно в этот день) было невозможно без специального приглашения. А Дербина представляет, что это было случайно. Она тоже выскочила на сцену, как и другие, и от волнения и восторга несла какую-то чушь. А рядом с Дербиной сидела известная актриса Анастасия Вертинская. Случайно? Ничего случайного здесь нет и быть не может. «Поэтесса» сообщает, что читал Вознесенский и какое-то матерное слово выскочило у него. Вертинская охнула и закрыла лицо ладонями. Интересно, что «поэтесса», видимо не охнула, а то бы она сообщила об этом. Дербина никак не комментирует матерность Вознесенского в этом эпизоде. Вроде всё нормально. А ведь если что-то не по ней, у неё тут же масса доводов. Уже в те времена известные поэты готовили общество к матерщине. И ничего. Всё сходило им с рук при «тоталитаризме».

А вот что о том же эпизоде писал С.Сорокин (Вакомин) ещё в январе 1997 года (17):

«Не знаю, как долго я ещё сомневался бы, прежде чем приступить к данному материалу, если бы не фильм В.Ермакова «Замысел». Эпизод, что в нём промелькнул, сразу расставил всё на свои места. А ведь он безобидный, даже милый, на мгновенье внесший оживление в зрительном зале. Но именно в нём и открылось то, что скрывалось в тайне. Режиссер Ермаков, делая фильм о Дербиной, вставил фрагмент из памятного всем фильма Марлена Хуциева «Застава Ильича»... По признанию самого Хуциева, ему многое пришлось вырезать и даже подправить сценарий, чтобы фильм увидели зрители. Одним из таких вырезанных фрагментов и воспользовался Ермаков. Он представляет сцену литературного вечера в Политехническом

музее в Москве. В кадрах то и дело мелькают лица молодых тогда Е.Евтушенко, А.Вознесенского, Б.Ахмадулиной, Б.Окуджавы...

Зал, как обычно, переполнен. Все в движении, и вот на сцене, где находятся вышеперечисленные поэты, вдруг появляется возвышенно-романтическая девушка в чёрном с высокой причёской и всё с той же восторженностью, чуть сбивчиво объявляет о выступлении Андрея Вознесенского. При этом происходит с ней небольшая заминка, в зале смеются, а Дербина, это была она, продолжает что-то говорить в зал. Так произошла первая публичная «засветка» «своего человека».

Литератор В.Аринин прав, утверждая, что «когда к поэту приходит любовь, он не может не писать об этом... Но никакого «дербинского цикла» у Рубцова нет, хотя поэт в разное время писал о любви к разным женщинам».

Надо учесть ещё следующие факторы. Дербина считала себя поэтессой, высокообразованной интеллигенткой, к тому же внешне довольно интересной женщиной, одевавшейся со вкусом и неплохо знакомой с известными поэтами-шестидесятниками. И в этом смысле «внешне незаметный» Рубцов – мужчина невысокого роста, худощавый, лысоватый, небогато одетый, «деревенский» – никак не соответствовал идеалу мужа для «представительной», рвущейся в элиту Дербиной. И главное: была психологическая и идеологическая несовместимость. Дербина это понимала. Отсюда её признание, что женой такого мужчины она никогда не станет. А вот не уступить в спорах и победить Рубцова морально ей очень хотелось. Кроме того, Дербина была нацелена кем-то (кто знал её неуступчивый характер) на победу в конфликте с Рубцовым. Психологически драма, переходящая в трагедию, была разыграна.

Ещё один момент, подмеченный С.Вакоминым (Сорокиным), необходимо привести: «А не раз замечали друзья, как Рубцов внимательно приглядывался к своему новому собеседнику и, когда тот продолжал молчать или не выказывать внимания к окружающим, он сердился и прямо ему говорил: «А может, ты кем подослан сюда?»

В своём опусе Дербина обвиняет писателя Н.Коняева в использовании материалов. Ещё раз поставим точку над «і». Л.А.Грановская (девичья фамилия Дербина) – убийца по определению суда. Решение вологодского суда подтверждено Верховным судом России в 1996 году. Убийца и привлечённые ею литературные и другие адвокаты

пишут и публикуют продербинские материалы-фантазии незаконно. Грановская должна действовать через судебные органы. И угрозы привлечь к ответственности тех, кто приводит фрагменты её высказываний, не имеют никакой юридической силы.

Дербину саму надо привлечь к ответственности за непрерывную клевету в адрес убитого ею поэта и дезинформацию о характере Рубцова. Она наносит моральный ущерб братьям Рубцова от второго брака и в особенности дочери Н.М.Рубцова и его внукам. И несёт она дезинформацию относительно характера русского человека вообще. Для разоблачения этого приходится ссылаться на высказывания Дербиной. Иначе она будет душить людей, играя на обычных разногласиях. И на удочку «поэтессы» попадают наивные лица, журналисты и даже специалисты.

Вот какая-то Шура Фаблинова решила издать свои басни и попала в сети «поэтессы». Эта Шура каким-то образом вывела «поэтессу» на медицинских экспертов – профессора кафедры судебной медицины Ю.А.Молина и А.Н.Горшкова, которые «обосновали» версию смерти поэта от сердечной недостаточности. Был создан «юридический» документ. Удивительно, почему эти специалисты взялись опровергать материалы следствия. И какой же подход нашла к ним убийца?

Газета «Русский Север» от 5-11 марта 2003 г. опубликовала статью «Голгофа на двоих», в которой В.Серебров обоснованно опровергает доводы медицинских экспертов Молина и Горшкова, ссылаясь на материалы следствия, а также приводит мнение вологодской поэтессы Н.В.Груздевой о характере Н.Рубцова. Наконец-то «Русский север» после своих антирубцовских статей В.Есипова (сентябрь 2001 г.) и самой Дербиной (январь 2002 г.) напечатал близкую к истине информацию. Но В.Серебров всё-таки не ссылается на опубликованные ранее другими авторами книги и статьи, разоблачившие Л.Дербину (2,5,7,8,13,15,16,17).

Приближаясь к завершению «опуса», Дербина буквально заливается в словоблудии и самолюбовании. О «Крушине» Дербина приводит самые восторженные отзывы. Особенно «блестяще» высказался профессор Александр Михайлов (Санкт-Петербург) с учётом вампиризма Дербиной:

«Нам известен, вероятно, целый легион женщин-вамп. Но какая по сути литературщина этот их демонически-обольстительный вамп-

пиризм! Это всего лишь игра на сцене, в кино, всего лишь рекламный образ, романс или роковая песенка. Настоящую женщину-вамп я знаю только одну, ту, чьи стихи читаю сейчас...»

Лестную характеристику «поэтессы» выдал А. Михайлов. Удивительно, что такие люди процветают в литературных кругах. О последствиях пропаганды вампиризма они, видно, не думают. Во все времена старались изолировать вампиристок от нормального общества. Известно определение, что «вампир – сказочный оборотень-мертвец, якобы выходящий из могилы и сосущий кровь живых». Достаточно этого для поклонников «поэтессы» или нет? Мистификации высокого класса создают адвокаты Дербиной. Спрашивается: зачем же таким занятым и небедным людям заниматься делом убийцы?

Глава 12. Всякое тайное становится явным.

О чём ещё умалчивает Дербина? Тайна квартиры Рубцова после убийства. Почему не все свидетели представлены на суде? Похоже, что высвечивается Рок, который был в тени.

Автор после специального запроса получил в мае 2002 года письмо от новых жильцов квартиры Рубцова. Они въезжали в эту квартиру в апреле 1971 г. на заселение уже после суда. Вот что написала Валентина Васильевна Шорохова, хозяйка квартиры.

«Уважаемый Юрий Иванович!

Отвечаю на Ваши вопросы.

Потолок в кухне был закопчён. В кухне, где стоял его стол, т.е. ближе к дверям кухни.

В туалете была осквернена ванная и стены были очень выпачканы г., т.е. говном.

В комнате, где стояла кровать, была стена загажена, очень страшная квартира была.

Газовая плита была залита кофе и вся грязная. У меня муж нанимал женщину, чтобы та вымыла всё, только тогда я могла зайти в эту комнату.

Вот коротко написала на ваши вопросы.

До свиданья».

После убийства Николая Рубцова в ночь на 19 января 1971 года остались такие приметы:

1. На кухне в квартире Рубцова весь потолок был чёрным, а квартира буквально ритуально изгажена. Вот что увидели въехавшие в квартиру новые жильцы. О многом говорят также разбитые личные вещи Рубцова (икона Николая-Чудотворца, гармонь, пластинка Вертинского).

2. Пропажа писем из конвертов. Кто их вытащил и кто унёс? Убийца, когда пошла в милицию с повинной, не могла взять их с собой. И не могла занести их к родственникам. В квартире имелись следы сапог, которые видела Н.Старичкова через несколько дней после убийства во время осмотра архива поэта.

3. Вид и расположение стола (фотографии из материалов следствия) свидетельствуют о том, что скатерть на опрокинутом столе лежит так, как будто только что постелена. Явно видно, что стол был аккуратно перевёрнут на бок, что можно было сделать только двум людям одновременно. При этом скатерть даже не сдвинулась с первоначального горизонтального положения. Если бы была борьба, то скатерть расположилась бы в беспорядке. В спешке не всё было продумано убийцами. Имитация борьбы была создана, но не достоверно.

Следует дополнить картину ещё тем, что в ванной валялось нестиранное бельё. Ну всё говорит о том, что Дербина в качестве «невесты» Рубцова ничего не делала для наведения обычного бытового порядка. Особенно в преддверии приёма гостей. Ясно, что она замуж не собиралась. «Поэтесса» шла по принципу: «Чем хуже, тем лучше». То есть она создавала визуальную обстановку несовместимости Рубцова с условиями жизни.

Помалкивает убийца о горке пепла на кухне и чёрном потолке там. Значит, сжигали какие-то бумаги Рубцова. А ведь на это надо время! Дербина ничего не пишет о том, сжигал ли какие-то бумаги Рубцов перед убийством. А квартира была изгажена буквально. И виден сатанистский приём: всё испохабить в месте гибели своего врага. Какая же злоба была у убийцы!

Знаковый номер квартиры был тогда у Рубцова – № 66.

А почему не все свидетели были на суде?

Как пишут В.Коротаев в книге «Козырная дама» и Н.Старичкова в книге «Наедине с Рубцовым», все вологодские писатели, как неже-

дательные свидетели, были выведены из судебного процесса (убийцей при помощи адвоката Л.Фёдоровой, фамилия изменена, – прим. автора). Именно Дербина была заинтересована в закрытом суде, иначе множество людей с улицы оказались бы посвящены в обстоятельства садистского убийства. Только Вик.Коротаеву разрешили присутствовать на суде в качестве журналиста, но не дали выступить в качестве свидетеля. Какие же мощные и невидимые силы вступили в борьбу на стороне Дербиной?! Сильные психологические ходы делала Дербина и её адвокаты по отношению к свидетелям. Те, которые были участниками последнего застолья с Рубцовым и Дербиной, очень боялись, как бы их не привлекли к соучастию в убийстве. Поэтому их свидетельства свелись к самооправданию.

В.Коротаев, к сожалению, изменил фамилии действующих лиц в повести «Козырная дама». Как он потом говорил: только из соображений жалости к дочери убийцы, чтобы это не повлияло на её судьбу. Так бы оно и было, если бы убийца не ринулась чернить Рубцова и любыми путями пытаться реабилитироваться. Так что все последующие ответные публикации по этой теме на её совести. В книге «Наедине с Рубцовым» Н.Старичкова на стр. 197 пишет: «Одного за другим вызывает судья гостей Рубцова. Это журналисты. Ни один из них не считает себя участником постоянных застолий с Рубцовым и подробностей его жизни не знает. Подчеркнул: «Рубцов всегда пил вино, а я – водку». (Это был фотокорреспондент Аркадий Кузнецов).

В своих «мемуарах» Л.Дербина пишет, что Н.Рубцов и трое журналистов приехали на квартиру уже хмельные и с бутылками вина. Из этих безымянных «друзей» Дербина называет вначале Николая Задумкина и сообщает, что Рубцов одного за другим прогнал всех. Дербина не называет участника застольной беседы – Аркадия Кузнецова. Он назван Н.Старичковой. Но был ещё и Лапин Б.А. Он упоминается ниже в судебном протоколе.

Сведения о четвёртом свидетеле проявились в «мемуарах» Л.Дербиной на стр. 140, где она сообщает, что последним покинул квартиру Альберт Третьяков. Они допили с Рубцовым последнюю бутылку, пьяно спорили. Будто Рубцов кричал, что он первый поэт, а Третьяков не соглашался. Получается, что А.Третьякова Рубцов не прогонял, а провожал.

Дербина, сообщает, что «где-то в 11 вечера Рубцов проводил Третьякова до лестницы. «До свиданья! До свиданья!» – кричал он

Третьякову, свесившись через перила в пролёт. «Перед самым, может быть, крушением я кричу кому-то до свиданья...» Рубцов возвратился в комнату, мы остались одни. Истекали последние часы». Это как понимать? Перед запланированным действием?

Хочется обратить внимание на представленную строку из стихотворения Рубцова «Поезд». Для чего её ввела Дербина в текст? Она опять даёт ссылку на Рок. Значит, что для Дербиной было уже решено: Рубцов должен уйти из жизни. И кто-то подаёт ей такую команду сверху. Что это? Самозомбирование на действие? Или зомбирование читателя на оправдание действий Дербиной по команде Рока, изобретённого фантазиями «поэтессы»? И далее Дербина пишет, что «где-то в четвёртом часу я попыталась уложить его спать. Даже вытерла влажным полотенцем ему ноги... Я подумала: «Вот сегодня он уедет в Москву, и я покончу с собой! Пусть он раскается, пусть поплачет потом!» И мысль эта была тоже от гордыни». Чтобы показать самолюбивый характер поэтессы, приходится дословно привести эти её высказывания.

Между тем не сходятся концы с концами у «поэтессы». Ранее в статье «Я не хотела убивать его» Дербина сообщила (14):

«Между тем тогда две ночи подряд я не спала, а с 18 на 19 января у нас «паслись» пьяные вологодские журналисты. Все это время я находилась в состоянии сильного эмоционального напряжения». Ложь №43. Вологодские журналисты ушли до ночи, до 19 января. Дербина завуалировала время ухода журналистов своей фразой «с 18 на 19 января...». Но как пишет Дербина в «мемуарах», последним в 11 часов вечера (то есть ещё 18 января, – прим. автора) уходил А.Третьяков. Далее Рубцов и Дербина остались одни. Но одни ли? Кроме того, «страдалица» Дербина две ночи не спала. Кто ей мешал спать? А Рубцов разве спал в это время? Почему бы «жениху» и «невесте» не отправиться в постель? Выясняется, что Рубцову не давали спать (до четырёх-пяти утра три дня подряд!), доводили до полуобморочного состояния. Вот ещё одна разгадка тайны тех ночей.

В другом месте публикации о последних часах она пишет, что Рубцов защищал Россию и русский народ, говорил об Истории России. А у неё болела голова. Понимание неспровоцированной трагедии русского народа и России, видимо, было для неё пустым словом. Значит, она имела другие убеждения.

Но в результате информации уже набирается не трое (как сообщает обычно очень дотошная Дербина), а четверо участников застолья. **А был ещё и пятый. О котором молчит Дербина.** И которого назвала Н.Старичкова. Об этом ниже.

Н.Старичкова сообщает о том, что было на суде (5):

«Кто-то из присутствующих вспомнил, что должен быть ещё один свидетель – Рыболовов Юрий. Судья просит пригласить из коридора названного свидетеля. Но его там не оказалось. Думаю, что же знает Рыболовов? И почему его нет? Вспоминаю, что он уже после похорон Рубцова заходил ко мне и рассказывал, что видел назреваемую ссору, если бы он знал, чем всё может кончиться, то остался бы. Но «мне нужно было на поезд к 2-м часам». Что же он знает ещё?»

Вопрос Старичковой остался открытым. **Но, значит, последним был не А.Третьяков, а Ю.Рыболовов,** который должен был уйти примерно в час ночи, чтобы успеть на вокзал.

Между тем, Н.Старичкова сообщает (5):

«В моём доме по-прежнему с приходом Коли появлялся и Юрий Рыболовов. Летнее время у него было отпускное (Рыболовов был учителем, – прим. автора) и он приезжал в Вологду из Ивановской области, где было постоянное место жительства. Поскольку у Коли появилось своё жильё, то не меньшее время Юрий проводил и даже жил у него.»

Н.Старичкова сообщает, что Ю.Рыболовов и Н.Рубцов часто встречались в то время в Вологде. У Ю.Рыболовова оказались 5 автографов стихов Рубцова и две записки поэта. Директор николевского мемориального дома-музея Г.А.Мартюкова сообщила в письме от 15 мая 2003 г., что эти подлинники были получены Наирой Вартановной П. во время поездки к Ю.Рыболовову. Рубцов в записке Ю.Рыболовову пишет: «Юра, обязательно открывай и спрашивай, кто ко мне приходил. Будешь уезжать – напиши обо всём в записке. И оставь ключ на столе. У меня есть. Ни в коем случае не греми, не шуми! Вынеси мусор из ящика на кухне в 9.15 во двор в машину. Гор. воды пока не будет. Отключили. Спи на раскладушке». По сообщению Г.Мартюковой вторая записка Ю.Рыболовову примерно такого же содержания.

Текст записки свидетельствует о том, что этот учитель из Ивановской области периодически жил в квартире поэта и мог прини-

мать посетителей. Ответных записок Рыболовova к поэту при уходе с квартиры не представлено и не опубликовано.

А вот что пишет Н.Старичкова о первой встрече с Дербиной в конце июля или начале августа 1969 года:

«Коля открыл дверь и не как обычно весело, а озабоченно и негромко сказал: «Проходи», и сам ушёл на кухню.

Не успела я сделать и одного шага в комнату из прихожей, как в дверях мне навстречу появилась высокая, дородная женщина. Она заняла собой весь дверной проём...

Мне было слышно, как они на кухне о чём-то негромко разговаривали. Потом (уже громко) я услышала фразу:

– Я «Плиску» (в те времена марка недорогого болгарского коньяка, – прим. автора) в магазине видела.

А Коля тоже громко, резко:

– Что же ты её не купила?..»

Судя по этому разговору, Дербиной не стоит прикидываться председателем общества трезвости и пенять Рубцову за выпивки. На стр. 170 своей книги Н.Старичкова пишет (5):

«По-прежнему к Рубцову приходил Юрий Рыболовov. Он не мог не видеть, как живёт поэт. После посещения Рубцова он не приходил ко мне, никогда не рассказывал, что там видел. Скрывал? Не знаю... Придёт ко мне, спросит: «Рубцов не был?»

И улыбнётся, словно подразнит: «Я сейчас к нему пойду».

И так каждый раз. И обязательно чем-либо угостит: помидором, яблоками из своего сада, конфетами, клюквой.

Прошу передать Коле привет. Согласно кивает головой. Но передавал ли? Если передавал, то как реагировал на это Коля? Не знаю: обратной связи не было. После посещения Рубцова, как всегда, Юрий ко мне не приходил».

Н.Старичкова сообщает о встрече с Рубцовым и Дербиной в Союзе писателей на отчетном собрании примерно в ноябре-декабре 1970 года. Отмечает замкнутость и неестественное поведение обоих «влюблённых». Пишет о своих переживаниях. По ходу развития событий Н.Старичкова приводит такой эпизод:

«В таком смятённом состоянии застал меня Рыболовov Юрий, по-прежнему весёлый, улыбающийся.

«Вот – думаю – счастливый человек».

Юрий угощает меня клюквой, крупной и спелой, и говорит:

– Рубцов тоже клюкву любил.

Не обращаю внимания на слова (любил, но ведь Рубцов жив. Может, оговорился?)...

Беру в рот клюкву. Ощущаю освежающую кислоту и даже успокаивающее действие. Но помню внушение, что мне нужен череп.... (Это в качестве табакерки, – прим. автора).

– Ты можешь достать мне череп? – спрашиваю Юрия. Он не удивляется моему вопросу, рассеянно смотрит по сторонам, словно убеждается, всё ли на месте. И утвердительно кивает головой... Так же неожиданно, как приходит, встаёт и поясняет: «К Рубцову зайду»...

Сообщает Н.Старичкова о последней встрече с Ю.Рыболововым до событий 19 января 1971 года (5):

«Второго января порывисто вошёл ко мне в квартиру Юрий Рыболовов и по-обычному спросил: «Коля не был?» На этот раз он не разделся и не присел, как раньше на стул.

– Я сейчас пойду!

– Куда?

– К Рубцову! Пойдём вместе!

– Нет, – отвечаю, – он от меня уже далеко.

Юрий улыбнулся. Мне даже показалось, что он обрадовался такому ответу...

Приподнялась со стула, чтобы встать, но Жанетта (она сидела у меня на коленях) обхватила меня руками за шею: «Не уходи!» А Юрий в одно мгновение оказался у двери.

Вот ведь какой! Приглашает, сам бегом, словно и приглашал только для того, чтобы узнать, как я отреагирую на это...»

О многом говорят эти свидетельства Н.Старичковой.

Итак, известно, что Ю.Рыболовов был во время зимних школьных каникул в Вологде, так как 2 января он пошёл к Рубцову. Но сначала Ю.Рыболовов выяснил, пойдёт ли к поэту Н.Старичкова. И, конечно, несколько дней он был в городе. А к 10 января, к началу занятий в школе, Рыболовов должен был вернуться в свою деревню в Ивановскую область. Кстати, в ту деревню, из которой он так и не уехал (сведения на июль 2003 г.).

В «мемуарах» Дербина сообщает, что в ночь на 17-е января вдруг рано утром гулко хлопнула парадная дверь и тяжёлые медлен-

ные мерные шаги раздались на лестнице и неумолимо шли наверх. И здесь Дербина проговаривается, что это идёт Командор к кому-то из них (Дербиной или Рубцову) пожать руку, то есть приговаривает к смерти. Дербина комментирует, что это идёт не человек, и шаги к ним, и эти шаги не могли быть шагами нормального человека. Далее идёт описание суеверного страха. Прозвучал резкий звонок. Открывать не стали. А затем шаги стали тяжело и мерно спускаться по лестнице. По мере того, как они удалялись, отлегло у неё от сердца, будто уходила, удалялась беда. Кто знал, что она уже на пороге? До беды оставалось ровно двое суток, как сообщает «позтесса». Создаётся впечатление, что время было определено.

Как пишет Дербина в «мемуарах», когда они были в семье А.С.Шиловых вечером 17 января, Рубцов перед прощанием что-то выпалил, матерился (ложь № 44 от убийцы, см. ниже – прим. автора), а Алексей уговаривал его, помогал одеться.

Член Союза писателей России Валерий Гостинщиков предоставил автору копию письма А.С.Шилова в адрес его отца, Гостинщикова Георгия Васильевича. 14 июня 1981 года, до письма они встречались на теплоходе «Яковлев». У А.Шилова картина этого вечера выглядит иначе, чем у Дербиной:

«Итак, о нашей последней встрече с Николаем Рубцовым, которая произошла зимним воскресным днём 17 января 1971 года. Где-то около 6 часов вечера раздался звонок, я открываю двери, смотрю Николай с Людмилой Дербиной. Проходите, раздевайтесь, будьте как дома, без церемоний. Дома был я и моя жена, которую Николай почему-то всегда называл почтительно Нина Андреевна.

Николай, помню как сейчас, был в валенках, в толстой рубашке кирпичного цвета (галстуки не любил), выглядел очень милым, добрым, свежим, охотно говорил, острил, галантно ухаживал за дамами (что с ним бывало далеко не всегда). Говорили мы вчетвером за журнальным столиком. Николай сказал: разрешите, я разолью вино сам, сначала женщинам, потом нам. Был это портвейн, который Николай принёс с собой. Как в таких случаях водится, подняли по рюмочке за встречу. Когда немного «потеплело» на душе после тостов, Николай вдруг произнёс как-то просто, с подкупающей откровенностью, за которой угадывалась скрытая грусть – давайте сегодня слушать меня, поговорим обо мне. Пусть это вам не покажется странным и нескромным с моей стороны». У Николая это получи-

лось очень мило, забавно и не обидно, как и бывает у настоящих поэтов, которые всегда и во всех проявлениях вполне естественны и искренни, как дети.

Я спросил: Коля, что это значит? Как это понимать? – Да, очень просто, – ответил Коля, – почитаем мои стихи, послушаем песни на мои слова. Мы с удовольствием стали читать вслух его стихи, какие на память, какие прямо с книжки. Я взял гитару и спел несколько своих песен на стихи Николая. Николай слушал внимательно, молча, не перебивая, был взволнован до слёз. «Спасибо, очень хорошо», сказал Коля, когда я исполнил всё, что было у меня написано.

Я сказал Николаю: «о тебе в газете «Правда» пишут, хочешь, прочту?» И я вслух прочитал отрывок из статьи, где тепло говорилось о поэзии Рубцова и Фокиной.

Николаю тон статьи понравился. Там было, в частности, сказано: Рубцов ничего не растерял из своих прежних достоинств, а наоборот, приобрёл новые.

Говорили в тот вечер о разном, больше, конечно, о поэзии, о музыке, вообще об искусстве. Время бежало незаметно. Примерно около 9-10 часов стали прощаться. Я ещё раз поставил на проигрыватель пластинки из Дома Радио с моими песнями на слова Рубцова «Журавли», «Замерзают мои георгины», «Тихая моя родина», «Потонула во тьме отдалённая пристань...», «Звезда полей во мгле заледенелой».

На прощание я подарил Коле пластинку (на рентгеновской плёнке), где я пел его песню «Рукой раздвинув тёмные кусты...».

Пластинку я подал Людмиле – дескать, это надёжнее, а то Коля забудет или потеряет. Потом эту пластинку, всю заезженную нашли в квартире Рубцова – видимо, Коле она очень нравилась. Я ещё раньше давал ему такую же точно пластинку – от души, на память. В тот вечер Людмила, попрощавшись, вышла первой, Коля за ней.

Он очень долго в дверях не мог расстаться, как будто в предчувствии какой-то неотвратимой беды, хотя при этом храбрился и старался всем своим весёлым видом сказать: У меня всё в порядке, не беспокойтесь. Говорил ласково, нежно: Нина, Алексей, я вас очень люблю, люблю вашу семью, мне очень хорошо у вас. Заходите ко мне в гости в любое время, только не в 12 ночи (видимо, это время Коля считал почему-то неподходящим для встреч).

Людмила ждала его внизу, на первом этаже, и я Коле сказал: Коля, надо идти, ведь тебя дама ждёт, неудобно, будь ты рыцарем. Не томи её, не заставляй ждать. Николай послушал, ещё раз пожав друг другу руки, мы расстались, пожелав спокойной ночи.

Больше я его не видел.

А 19 января 1971 года, с понедельника на вторник во время какой-то жестокой ссоры (подробности не знаю) Дербина его задушила. Так ушёл из жизни этот большой, талантливый, истинно русский поэт, которого я знал с августа 1967 по 17 января 1971 года и дружбой с которым я очень горжусь, как и все, кто знал Николая Рубцова близко... 23 июня 1981 г.»

По этому письму видно, что Шилов и Рубцов не ругались при прощании. Дербина в опусе пишет, что они вернулись домой в 9 вечера. А у Шилова: в 9-10 часов вечера начали прощаться, но и после этого А.С.Шилов поставил свою пластинку с несколькими песнями Рубцова и, кроме того, передал Дербиной новую гибкую пластинку «Рукой раздвинув тёмные кусты...». На всё это уходило время. Кроме того, Дербина не стала вместе с Рубцовым прощаться с Шиловыми (как это обычно бывает после дружеской вечеринки), а спустилась одна вниз. А Рубцов ещё какое-то время стоял и разговаривал с А.С.Шиловым. Очевидно, что домой Рубцов с Дербиной вернулись после 10 часов вечера.

По сообщению Дербиной, едва они вернулись, как раздался звонок. И далее: «На пороге стоял человек в чёрной шубе, в чёрной шапке, в чёрных валенках с галошами, темноглазый и смуглый. «Какой-то чёрный человек», – мелькнуло у меня в мыслях. Он назвал себя Юриком, но кто он, что, я так и не поняла толком. Мы просидели втроём почти до пяти утра. Юрий оказался на редкость интересным собеседником, эрудитом. Речь его была порой загадочна, и я слушала его, как говорят, с открытым ртом. Так впервые от него услышала, что поэт Николай Клюев был задушен неизвестным лицом где-то в вагоне поезда (оказывается, это совсем не так). Рубцов в этот вечер был молчалив и переводил взгляд то на Юрика, то на меня. Выяснилось, что в ночь на 17-е, где-то в пятом часу утра, тем самым «командорским шагом» приходил к нам Юрик.

Для чего Дербина пишет об этом? Она сообщает о неизбежности «беды». И она практически открытым текстом говорит, что Рок – это шедший ночью Рыболовов. Хвалит его за эрудицию. И выдаёт

его?! Зачем? Намёк Рыболововой на то, что он должен расплатиться по какому-то счёту? И делает Дербина это через «книгу». Открыто встретиться они не могут.

Вот здесь есть смысл подостановиться и оглядеться. Во-первых, едва Дербина с Рубцовым зашли в квартиру, тут же раздался звонок. Это говорит не о случайности звонка. Значит, Ю.Рыболовов ждал где-то на улице прихода хозяев. Во-вторых, не верится, что Дербина, по её сообщению, впервые познакомилась с Рыболововым только в ночь с 17 на 18 января 1971 года. Дело в том, что Ю.Рыболовов знал Рубцова уже с 1968 года. И, судя по запискам Рубцова в адрес Рыболововой, последний оставался и один в новой квартире поэта. Л.Дербина прибыла в Вологду в июне 1969 года. И в таком небольшом городе (как Вологда в то время) на поэтической стезе они встречались, наверняка, до 17 января. Ведь Дербину хотели познакомить именно с Рыболововым на предмет взаимности (о чём сообщила Н.Старичкова в своей книге). Интересно, что Дербина называет нового «случайного» знакомого ласково Юриком («так он представился»). Похоже, что «поэтесса» проговаривается.

Дербина пишет, что Рыболовов пришёл в гости без бутылки и на ночь глядя. Она сообщает о своих ощущениях от беседы с «Юриком»: «У меня было странное состояние: этот человек возбуждал к себе несомненный интерес и в то же время настораживал. В пятом часу утра он ушёл...» То есть всю ночь они просидели. И когда Дербина спросила: – Кто это? – Рубцов ответил: «Да какой-то тёмный человек, я и сам его толком не знаю». Странное сообщение Дербинной о ночном госте.

И наконец, в-третьих. Какой смысл Рубцову при наличии рядом «невесты» сидеть с Ю.Рыболововым до утра? И это в ночь на 18 января после прихода с вечеринки от Шиловых. Ничего Дербина не рассказывает о содержании беседы с участием Ю.Рыболововой. Сообщает она только о том, что получила слегка под зад коленом от Рубцова из-за комплимента в адрес Юрика.

По факту первичного знакомства Дербинной с Рыболововым (как заявляет «поэтесса») нельзя ей ни в коем случае верить. Не могли эти две личности не встретиться за полтора года в околосредовых «тусовках» в Вологде.

Итак, Рыболовов уже после зимних каникул – в Вологде. Зачем? В ночь с 16-го на 17-е января он шёл, как Командор, на пятый этаж

к Рубцову, о чём сообщает Дербина. Таким образом, Рыболовов на выходные дни (суббота 16 января и воскресенье 17 января) приехал в Вологду. В силу договорённости или случайно? И вернуться ему надо было к понедельнику 18 января. Но в ночь на 18 января Рыболовов пришёл к Рубцову и Дербиной и просидел до пяти утра, по сообщению «позтессы». И в этот день не уехал. И в ночь на вторник, 19 января он был у Рубцова. Почему он бросил занятия в школе?

Ещё об одной тайне пишет Н.Старичкова (5): «В куче обрывков я обратила внимание на листок из записной книжки Коли (тоже по нему прошлись чьи-то сапоги). Стихи написаны карандашом. Уже полустёртые. Черновик. Оказалось, что это не один листок, а три. В середину вложен ещё один (одинаковый по формату), но из другой записной книжки. На нём тоже написаны стихи, тоже карандашом, но другим почерком».

Вот фрагмент из незавершенного стихотворения Рубцова (5):

Как выбрать путь, где нет обмана?
Как выбрать путь, который твёрд?
Какому крикнуть капитану:
– Эй, капитан, возьми на борт!

Николай Рубцов рассказывает о сложной жизненной ситуации. Поэт чувствует обман, идёт по зыбкому пути. Но он ищет выход, поддержку, «капитана», который спасёт неустроенного матроса.

Приводим также стихи загадочного автора и для сравнения справа строки Рубцова из стихотворений «Посвящение другу», «По мокрому скверам...», «Старый конь». Сравните строки:

За железною оградой
Уже вырыта могила,
И поёт над ней надсадно
Ветер песнь свою уныло.

Замерзают мои георгины,
И последние ночи близки,
И на комья желтеющей глины
За ограду летят лепестки.

И бросает снег солёный
На лицо друзей и плечи,
Твой земной неугомонный
Кончен мир, потухли свечи.

И угас электропламень,
В темноте замолкла лира.
Символом на серый камень.
На погост ушла от мира.

Но идёт по стуже, холоду,
Всё также на огонь,
Вновь по волоку из Вологды
Твой старый добрый конь.

Ищу под крышей свою пещеру,
В ней тихо очень.
Горит пустынный электропламень
На прежнем месте...
Как драгоценный какой-то камень.

Хоть волки есть на волоке
И волок тот полог,
Едва он сани к Вологде
По волоку волок.
Звени, звени легонечко,
Мой колокол, трезвонь!
Шагай, шагай тихонечко,
Мой старый добрый конь!

Н.Старичкова пишет в комментарии:

«Согласитесь со мной, что автор этих строк много знал о последних днях жизни поэта Николая Рубцова. Иначе откуда такая уверенность и даже жестокость сообщить живому поэту о его смерти, как свершившемся факте? Эти строчки наводят на мысль, что смерть Рубцова не случайность».

Автор тоже прокомментирует этот момент.

У Рубцова старый конь идёт в Вологду. Увидел Вологду и заржал от радости. А в шулерском стихотворении конь идёт из Вологды куда-то. Но автор этого стихотворения был очень неплохой психолог. Он подводил поэта к мысли о никчемности жизни. То есть велось зомбирование на добровольный уход.

Настораживает ещё один факт. Пластинку «Раздвинув тёмные кусты...» нашли заезженной. Значит, её крутили непрерывно полтора дня, две ночи! Проигрыватель принадлежал Дербиной.

И эту грусть, и святость прежних лет
Я так любил во мгле родного края,
Что я хотел упасть и умереть
И обнимать ромашки, умирая.
Пускай меня за тысячу земель
Уносит жизнь! Пускай меня пронесит

По всей земле надежда и метель,
Какую кто-то больше не выносит!
Когда ж почую близость похорон,
Приду сюда, где белые ромашки,
Где каждый смертный свято погребён
В такой же белой горестной рубашке...

После совершенного преступления, когда замысел зомбирования на самоубийство не оправдался, надо было заметать следы. Не шулерское ли стихотворение искали убийцы после преступления, но так и не нашли, так как оно было вложено в другое стихотворение Рубцова? А времени не было. Надо было идти сдаваться. Принять на себя вину, так как групповщина по убийству добавляет срок. И пришлось Дербиной брать всю вину на себя. Но так было в самом начале уголовного дела. Когда отрицать факт убийства было невозможно.

Н.Старичкова обратила внимание на то, что по листку из записной книжки Коли прошлись чьи-то сапоги. В связи с этим вспомним нарочито громкие шаги «Командора» в ночь на 17 января. **И почему Дербина-Грановская ушла «сдаваться» в милицию после убийства в валенках Рубцова** (как пишут об этом В.Коротаев и другие)? Почему не в своей, наверняка, хорошей обуви? Причина, скорее всего такая. Никто не должен был услышать её шаги. Похоже, что за или перед ней спускался некто другой с пятого этажа, из квартиры Рубцова. И эти скрываемые шаги от сапог не должны быть услышаны соседями.

Ещё один момент нестыковки показаний состоит в следующем. Дербина говорила на суде, что Рубцов закрыл дверь, а ключ спрятал и не выпускал её из квартиры. Но после убийства, как она вышла из квартиры? Дербина не говорит, как нашла ключ.

Н.Старичкова пишет в воспоминаниях (5):

«С разрешения Геты я подобрала с полу портрет Гоголя с раздавленным стеклом, разбросанные по полу иконки, разбитый комнатный термометр, одежную щётку, охотничий нож, деревянную пепельницу в виде ладьи, расчёску... Меня поразило увиденное на столе. Казалось, что поэт только что встал из-за него. На нём стопкой лежали сероватые листы машинописной бумаги. Лежал и листок с началом стихотворения, который я видела при первом посещении опустевшей квартиры.

Читаю вновь: «Горячий сок по жилам её хлещет...» И отвожу глаза. Жуткая запись».

Очевидно, что Николай Рубцов сочинял или, точнее, записывал текст стихотворения, а он явно направлен в адрес Л.Дербиной. Не могла предусмотрительная Дербина оставить на столе такой текст. И тут возникает обоснованная догадка. По фактам от Н.Старичковой. И с учётом показаний Дербиной, что она будто бы сначала вымела в квартире стёкла, убрала зажжённые спички. И лишь потом пошла в милицию сдаваться. Значит, кто-то оставался в квартире. И подложил записку на стол. И почему эта записка не попала в материалы дела?

В «мемуарах» Л.Дербина приводит стихотворение о том, что она видела 9 января во время вечернего похода в ЗАГС:

Но, минуя Соборную горку,
мы пошли по реке напрямик,
и смотрел по-враждебному зорко
из метели на нас чей-то лик.

.....

И в какие-то доли мгновенья
За колоннами снова возник,
Как зловещее чьё-то виденье,
Тот враждующе-пристальный лик.

Что это? Мистификация или реальность? Но Дербина часто свои видения потом оформляет стихотворными реальностями.

Целенаправленно в пользу Дербиной вёлся процесс. Очень грамотно поработала адвокат Л.П.Федорова. Одних свидетелей удалили (писателей и особенно Рыболовова). Других для показаний в пользу убийцы – привлекли (бабы из Троицы). Даже привезли бывшего мужа и родителей убийцы.

Напомним стихи Дербиной, которые явно адресованы Рубцову:

Ты видел: тебя не любила
Не видеть ты это не мог.

А кого же тогда любила Дербина? И вероятно, пронизательный Рубцов заподозрил её в связи с конкретным мужчиной? Есть у Дер-

биной стихотворение с обращением «Любимый» и о телефонном разговоре с этим персонажем. Проговаривается «поэтесса». У Рубцова телефона дома не было.

На открытие второго Рубцовского центра в Москве 1 сентября 2002 г. любительница Рубцова Наира Вартановна П. привезла из Ивановской области от Рыболова в дополнение к экспонатам М.А.Полётовой и её дочери Ольги посмертную маску и прижизненный портрет Рубцова, как было сказано, художника Малыгина. Но откуда у Рыболова эти предметы? В ноябре 2002 года автор узнал в Вологде от Н.Старичковой, что, судя по фото, в Москве представлен не прижизненный портрет, а какой-то другой портрет от Рыболова. О подлинности портретов ниже.

Н.Старичкова пишет (5): «Передо мной мелькают живые кадры прошлых лет, как в документальном кино. Я поражаюсь встречей с Юрием Рыболовым в Николе в год смерти поэта. А он-то здесь зачем? Оказывается, он приехал и сфотографировал Лену и дом Рубцова, который теперь ушёл на слом.

И опять мысль: «А почему он не делал снимков Рубцова, когда очень часто виделся с ним в Вологде и тогда – в лесу?»

Почему он вначале говорил, что хотели его познакомить с Дерибиной, что он был у Рубцова в тот злополучный вечер перед бедой, а потом всё отрицал?

Почему он только после смерти Рубцова сообщил мне, что Коля каждый раз шепотом спрашивал обо мне, когда его подруга уходила на кухню?

– Как она там? Она (кивал в сторону кухни) её ненавидит. Ты утешь её, женись на ней...

– Господи! Понимаю, что Коля уже знал о своём конце. Только так дают на Руси наказ, когда обречены на смерть. Как будто чёрная рука отводила его от того, что могло спасти.

Что это за чёрная рука, на которую намекает Н.А.Старичкова?

На стр.204 Н.Старичкова сообщает: «Вот и мой брат Эдик рассказал мне о встрече с Рубцовым ... Он видел его хмурой осенью 1970 года, стоявшего около своего дома. Рубцов стоял, съёжившись под дождём, поникший, словно беспризорный. Сообщил, что ключа у него нет: домой не попасть. У брата были с собой инструменты, и он открыл дверь...»

Спрашивается, почему у хозяина не оказалось ключа? Значит, у кого-то этот ключ был. А кто этот другой? А может, и не один?

Н.Старичкова сообщает о пропаже из квартиры Рубцова многих предметов и материалов (5):

«Куда исчезла новая записная книжка, где кроме телефонных номеров, написанных вдоль и поперёк, без фамилий абонентов, ничего не было?» В Государственном архиве Вологодской области (ГАВО) есть только ленинградская записная книжка.

Куда «испарились» машинописные листочки незаконченной повести из флотской жизни поэта?

Нет моего рисунка шариковой ручкой головы поэта. Его я показывала В.С.Белкову.

Чем это объяснить?! Любовью, тягой к личности поэта людей, которые любимыми путями хотели увековечить причастность к знаменитости?! Это тоже пока остаётся тайной».

Ранее Н.Старичкова упоминала о пустых конвертах и об исчезновении писем. Автор этой книги сообщал об исчезновении личного дела Рубцова в литинституте, которое видела еще в 1990 году В.Зинченко. Последний раз на это дело ссылается Н.Коняев.

Есть люди, которые понимают, что когда-то рубцовские вещи будут дорого цениться. Обстоятельства приобретения портрета Рубцова Наирой Вартановной П. требовали выяснения. (Этот текст был написан до августа 2003 г., о причинах ниже).

Но вернёмся к главному: Почему следствие не доведено до конца опросом всех свидетелей в ночь убийства Рубцова? И никто не обеспечил участие писателей в суде в апреле 1971 года?

И всё-таки тайна гибели Поэта близка к разгадке. Ещё живы и Дербина-Грановская и свидетель Ю.Рыболовов (умер в 2005г.)

Дербина зло выступала на суде против Н.Старичковой, пыталась её ошельмовать, спекулируя на чувствах. **Дербина боялась, что Старичкова может её разоблачить.**

Дербина сообщает текстом из судебного протокола: «Вина Грановской в умышленном убийстве Рубцова подтверждена показаниями свидетелей Задумкина Н.Н., Лапина Б.А., Третьякова А.Ф. и других...» Другие свидетели ей не названы.

Далее начинается эквилибристика убийцы, которая сообщает: «Если бы действительно имело место умышленное убийство, то Рубцов умер бы «естественной» смертью алкоголика и судить было

бы некого. По существу, единственный козырь суда – моё личное признание вины. Можно представить потрясённую случившимся молодую женщину, которая сразу же бросается в милицию и берёт всю вину на себя».

Это уже демагогия высшего класса! Особенно по части «бросается в милицию». Читатель, надеюсь, не забыл, что убийца сначала сделала уборку в квартире, а потом «бросилась» в валенках в милицию. В момент после преступления Дербина не могла отрицать свою вину, так как доказательства не просто смерти, а садистского убийства с издевательствами над жертвой налицо. А теперь после десятилетий выжидания, пока умрут многие важные свидетели, убийца начинает эпопею ухода от признания вины. В чём причина её поведения? Их несколько.

Сначала Дербина испугалась высшей меры за злодеяние. И начала «косить» под ненормальную. Но когда поняла, что высшую меру ей не дадут (при наличии малолетней дочери), а из психбольницы ей никогда не вырваться на волю, она тут же представила себя нормальной перед врачами. А в «мемуарах» «поэтесса» сообщает, что её хотели будто бы запрятать в «психушку», но она не поддавалась. Изворотливость потрясающая!

Затем Дербина хотела уйти под неумышленное убийство и получить всего год условно. Не получилось. Слишком были явные следы садистских издевательства над Рубцовым. Затем Дербина начала разыгрывать ситуацию «Кто кого». Пошли в ход фантазии в описании «схватки». А между тем характер убийцы проясняется и проясняется. Это эгоцентризм высшего порядка! И игра на противоречиях между мужчиной и женщиной.

Дербина всё отслеживает по теме Рубцова. Приводит выдержки из статей свидетелей результатов её «работы», а также вперемешку с этими фактами добавляет фантазии журналистов и литераторов. Которые получены со слухов, запущенных специально «друзьями» и/или родственниками Дербиной.

Интересно посмотреть, как она зомбирует себя: «Только бы остаться самой собой. Только бы остаться самой собой». Это какой же самой собой? Эгоисткой и непогрешимой? И где покаяние в злодейском преступлении?

А для того, чтобы правда о запланированном убийстве не вскрылась сравнительно быстро, кто-то предусмотрительно принял юри-

дические меры: было решено не открывать дело до 2047 г. До того времени, когда Дербиной не стало бы на свете и актуальность темы пропала бы. Но непрерывные заходы убийцы на реабилитацию вынуждали судей заглядывать в дело.

Глава 13. Новые обстоятельства.

Убийца временами и местами проговаривается. Зачем?

Очень подробно пишет Дербина в опусе о точных датах и обстоятельствах знакомства с Рубцовым. Это значит, что она постоянно вела дневник (о чём она, кстати, вообще не говорит). Для того, чтобы не догадались, что за Рубцовым была постоянная слежка. А Виктор Коротаев незадолго до смерти сказал в Москве, что вокруг Рубцова был «заговор» (свидетельствует М.Полетова).

Как один из вариантов попытки реабилитации Дербина начинает раскручивать эпопею с подключением петербургских «специалистов в области судебной медицины». Почему-то эти специалисты задались целью опорочить Рубцова. Это значит, что поэзия Рубцова их не волнует. Их волнует степень опьянения поэта. Но с момента ухода журналистов в 23 часа и до 4-х часов утра прошло 5 часов. Время достаточное для отрезвления (если больше никто не приходил с вином). К тому же компания пила вино, а не водку. И вино не имеет длительного действия. Есть свидетельства, что Рубцов после выпивки мог «отключиться» на 15 минут и стать потом абсолютно трезвым.

А Дербина считает, что «судебно-медицинский эксперт, исследовавший труп Рубцова Н.М., был обязан конкретно оценить степень опьянения. По неясным причинам, этого сделано не было». Почему у жертвы надо исследовать степень опьянения? **Надо было у убийцы узнать степень опьянения. Она же преступница.** Было ли это сделано? Похоже, что нет. Как пишет Дербина, она была трезвой и, значит, могла контролировать свои поступки. Тем более, она могла уйти и в самом начале застолья.

Тем более что в Вологде живут родственники Дербиной, о чём она пишет в «мемуарах» и к которым она иногда «убегала». Теперь проясняется, кто занимался распространением слухов о Рубцове в

Вологде перед судом. И кто сейчас постоянно содействует чёрным публикациям о поэте. А некоторые наивные читатели, не понимая, что ими манипулируют, попадают на удочку дальновидным адвокатам убийцы.

Дербина сообщает интересные для понимания её поведения сведения: «... в феврале (1971 г.) меня перевезли из тюрьмы в психбольницу в посёлок Кувшиново близ Вологды и поместили в палату для буйно помешанных. Впервые я увидела обыкновенных с виду женщин, но совершенно безумных... У столика две могучие санитарки громко шептались, последняя фраза была сказана вслух: «Нет, ты не уходи! А вдруг она соскочит с кровати да задушит меня?!» Я поняла, что речь идёт обо мне». А ведь права была санитарка в своих опасениях (напомним попытку 80-килограммовой Дербиной задушить заключённую).

Рассмотрим эту проблему. Вот что писал Рубцов в письме к Дербиной, на которое она сама и ссылается в опусе на стр. 110:

«У тебя непростой и далеко не ангельский характер, а **вспыльчивость и необузданность частенько ошеломляли даже меня, которому пришлось повидать всякого: а возбудить к действию таких порывистых и деятельных женских натур очень нетрудно.** К тому же тебе постоянно кажется, что ты в чём-то обойдена, тебе не додано по заслугам...» И далее Дербина признаётся, что это «письмо потрясло её и что будто оно написано в сегодняшний день».

Всё поведение Дербиной по жизни – это борьба. И в этом смысле Рубцов точно определил характер поэтессы. Вся её «книга воспоминаний» – пасквиль на Рубцова и попытка представить себя жертвой поэта. Такой демагогии ещё не было в мире. А метод известен: ложь должна быть очень большой, чтобы в неё поверили.

Медицинский профессор Ю.Молин из С.-Петербурга написал в своём заключении о действии рук Дербиной, что это было «касательное» движение. Ничего себе касательное?! Умеют специалисты маневрировать в области русского языка. Они разве не читали о материалах судебного дела и известных публикаций и не знают предыдущего захода убийцы на реабилитацию? Или она ввела их в заблуждение. С.Вакомин (Сорокин), в упомянутой статье, опубликованной в Петербурге (!) ещё в 1997 года, писал:

«С появлением Дербиной в Вологде заметно меняется ритм жизни Рубцова. Неожиданная лавинная «нежность» и легкая уступчи-

вость со стороны совсем чужой женщины повергают поэта в самую что ни на есть безрассудную наивность...»

«Дербина сказала на суде: «Он один был близок мне, у меня здесь больше никого не было. Когда мы пошли с ним в загс, меня давило ощущение, что я ставлю свою жизнь на карту...»

Вся её речь – твёрдая уверенность в своей правоте, за которой стоят всё те же люди, чьё влияние и власть, бесспорно, носят характер сильных мира сего. Она же и выгораживает их, когда проговаривается, что у неё «здесь больше никого не было»... В действительности, может, и было так: те, кто ею руководили, на данный момент по каким-то причинам в Вологде отсутствовали. И посоветоваться, «выйти на связь» она не могла, перестроиться же самостоятельно не решилась, да и предложение Рубцова настолько было неожиданным и настойчивым, «что в гневе не ведала, что творит».

С.Вакомин логично рассуждает. Ведь Л.Дербина пришла к Рубцову 5 января за вещами, как она уверяет. Она знала, что Рубцов должен был встречать Новый год с Гетой и Леной и у них должны были наладиться семейные отношения. Об этом также помалкивает «невеста».

С.Вакомин пишет: «Срок, который был определён Дербиной судом, исчислялся восемью годами. И вдруг, в связи с годом женщины, объявленным решением ЮНЕСКО, после пяти лет и семи месяцев отсидки дело Дербиной неожиданно пересматривается, и она освобождается из-под стражи. Юридически, как утверждают специалисты, статья №103 Уголовного Кодекса РСФСР не подлежит никакому рассмотрению на предмет амнистии».

Сообщим некоторые факты из издания «Опасная ставка». На стр. 11 приведены фото из уголовного дела, из которого видно:

Слева на переднем плане жуткая картина – истерзанная шея (правая часть горла) поэта, как будто какой зверь рвал когтями шею (около десятка рваных ран). Кроме того, в деле имеется фото под названием «Кровь Николая Рубцова». Приведена схема квартиры с условными знаками для обозначения предметов. Выделено пятно на полу с надписью «пятна крови».

На схеме следователя приведен вид лежащего спиной вверх Рубцова в рубашке с засученными рукавами и в брюках, рядом слева тканая дорожка, справа опрокинутый набор стол, за ним опрокинутая табуретка, далее кровать с разбросанным бельём. Слева внизу

фото лежащего Рубцова, дальше стол. Скатерть стола лежит так, как будто стол взяли и аккуратно поставили на бок. Так можно сделать только аккуратно и вдвоём. Не расправляла же убийца скатерть после преступления.

Как говорит Дербина, была «схватка». Рубцов бросал в неё бутылки. А стёкла она, видите ли, замела (ложь № 45). Тогда какое же у неё было хладнокровие после убийства?! Не бросал Рубцов бутылки. Следы разбитых бутылок свидетельствовали бы в пользу убийцы. Зачем их замечать? Ложь на лжи у «поэтессы».

На схеме, составленной следователем В.Меркурьевым (его подпись чётко видна), приведены все условные знаки и их обозначения. Предметы – немые свидетели убийства.

О предшествующих событиях Л.Дербина сообщает: «...были в гостях. Рубцов всё слушал пластинку и опять плакал» (ложь № 46, но А.С.Шилов не сообщает, что поэт плакал, – прим. автора). Дербина проговаривается, что в ночь с 17-го на 18-е Рубцов, «невеста» и Рыболовов говорили о смерти. Рубцов сказал: «Я скоро умру. Скажи мне, Юра, есть загробная жизнь?» И потом «невесте»: «Я скоро умру, а ты ещё поживёшь. Но ты знай, что я любил тебя. Уж кого я любил, так это тебя!» (ложь № 47, – прим. автора). Интересно читать эти фантазии от Дербиной. Кто это может подтвердить? **Только Ю.Рыболовов, которого почему-то Дербина не вызвала в апреле 1971 года на суд как важного свидетеля.** Странно, что Рыболовов ушёл в пять часов утра, не остался ночевать у Рубцова на раскладушке. А куда он по ночам ходит? Из «воспоминаний» Дербиной-Грановской: «Утром 18-го Рубцов выпил флакон «Жасмина». Я сказала: «Ну вот, теперь будет от тебя вонять, как от покойника!» И мы опять разговорились с ним о смерти». Вот ещё одна неумная и прицельная фантазия убийцы о флаконе «Жасмина».

А зачем постоянные разговоры на тему смерти? Ответ на это напрашивается. Зомбирование поэта. Участники бесед: Дербина и Рыболовов. И проницательный Рубцов в какой-то момент понял, почему ведутся разговоры и прокрутка пластинки «Над вечным покоем». Уходить из жизни поэт не хотел. У писателей есть в творчестве размышления о смерти, как о неизбежном явлении. Но это ещё не означает добровольный уход из жизни.

Автор статьи в «Опасной ставке» пишет: «По заключению медицинской экспертизы, «Грановская ... является психопатической лич-

ностью истероидного круга». То есть достаточно было и искры, чтобы «ненависть, копившаяся длительный период времени, вылилась наружу» (из протокола допроса Дербиной). Можно сказать: это при- таившаяся истеричка. Очень интересен факт, что Дербина-убийца из тюрьмы нашла себе жениха на воле в Вельске? Судя по такой непростой «операции», Дербина – организатор высокого уровня.

А.Цыганов в статье «Была ли роковая ошибка?!» (12) сообщает: «Да и об отношении руководства колонии к этой женщине давно легенды ходят, настолько оно было благожелательным». Умение приспособливаться на ходу к любым поворотам ситуации отличают Дербину от нормальных женщин. Из категории мелких врунишек некоторые особи «вырастают» в неприкасаемых.

В архиве поэта обнаружено стихотворение «Огороды русские», которое почему-то было приписано Рубцову. Приводим его:

Огороды русские
Под холмом седым,
А дороги узкие,
Тихие, как дым.
Солнышко осоковое
Брызжет серебром,
Чучело гороховое
Машет рукавом...
До свиданья пугало,
Огородный бог! –
Душу убаякала
Пыль твоих дорог...

Стиль явно не Рубцова. И образы не его. Фальсификация высокого класса. Давайте разберёмся. Если даже стихотворение отпечатано на пишущей машинке поэта, то это ещё не значит, что оно принадлежит Н. Рубцову. В прижизненных сборниках поэта этого «шедевра» не было.

У Рубцова никогда не бывает чего-то случайного. Образы точные. Уже сочетание «под холмом седым»стораживает. Далее дороги тихие, как дым» – взято для рифмы. Света здесь нет. Далее, как можно называть солнышко «осоковым». Осока – это зелёное растение с режущими кромками, которое никогда в народе не имело по-

ложительного образа. По Ожегову: «Осока – многолетняя болотная трава с твёрдыми узкими длинными листьями». И такое «солнышко осоковое» «брызжет серебром»? Достоверности нет.

Дальше самое интересное: «Чучело гороховое машет рукавом». Если принять, что это стихотворение в целом является скрытой для большинства читателей пародией, то для объекта иронии было ясно, о ком речь. Видно, что автор сделал злой шарж на Рубцова. И было за что. За «Люблю змею», за «Жёлтый цвет».

А далее по тексту:

«До свиданья пугало,
Огородный бог!»

Это – ёрничание над Рубцовым как поэтом русских полей, русской природы, православного мировоззрения. А поскольку это стихотворение оказалось в архиве Рубцова, то, значит, оно было подложено для прочитки. В стихотворении явный намёк на ближайшее расставание с живым поэтом, которого автор обозвала «пугало, огородный бог». Да это непрерывная стихотворная война! Можно ещё вспомнить дербинские вирши «Коршун над долиной», которое Рубцов понял, как адресованное ему. То есть Дербина нашла себе в Вологде личного идейного врага в лице Рубцова. Соревнование поэтов в виде взаимных выпадов всегда имело место через Слово в публикациях. И Дербина «отвечала» Рубцову «стихами».

А Рубцов не мог в силу своего миропонимания написать чучелу «До свиданья», то есть до будущей встречи.

Рубцов, если и говорил о неприглядных явлениях в деревне, то это звучало с болью за крестьян. А если Рубцов и писал о долгожданной встрече с родной деревней, то это было:

Я так люблю осенний лес,
Над ним сияние небес,
Что я хотел бы превратиться
Или в багряный тихий лист,
Иль в дождевой весёлый свист,
Но, превратившись, возродиться
И возвратиться в отчий дом,
Чтобы однажды в доме том

Перед дорогою большою
Сказать: – Я был в лесу листом!
Сказать: – Я был в лесу дождём!
Поверьте мне: я чист душою...

Надеюсь, что читатель ощутил генетически разницу между этим чистым произведением Николая Рубцова и подмётным «стихотворением». И далее по шулерскому тексту:

Душу убаюкала
Пыль твоих дорог.

Так чью же душу имеет в виду автор этих строчек? Рубцов так написать о себе не мог. О других людях тем более. У него в стихах вы не найдёте издёвки в адрес соседей или друзей. В разговоре он мог кого-то задеть своим высказыванием произвольным. Но деликатность в нём была к друзьям. А к недругам? У Рубцова нет пародий даже на тех, с кем он дрался из-за русской поэзии и русской Истории ещё в литинституте.

Значит, стихотворение это было адресовано самому Рубцову. И опять более чем прозрачный намёк на бесполезность бытия.

Глава 14. С вами не соскучишься, господа адвокаты!

Любознательный читатель! Это вам не что-нибудь, а новый жанр в литературе: «Мемуарный роман о любви» между Дербиной и Рубцовым. Или «Бульварная повесть о ненависти» к поэту?!

Когда казалось, что к концу 2002 г. страсти по теме поутихли, профессор А.Михайлов публикует в Санкт-Петербургском издании «Рог Борея» (№17 от 2003 г.) тенденциозную -рецензию «Мемуарный роман о любви» (о книге Л.Дербиной «Всё вещало нам грозную драму... Воспоминания о Николае Рубцове»).

Председатель Санкт-Петербургского Рубцовского центра С.Сорокин статьёй «За всё добро...» дал ответ профессору А.Михайлову. С.Сорокин пишет (18):

«Неужели, приступая к своему неблагодарному труду, Александр Иванович не только не удосужился вчитаться в галиматью её «мемуарного романа», но даже пренебрёг литературными статьями по этому вопросу, в своё время публиковавшимися в различных газетах и журналах. В Москве даже отдельным изданием вышла книга «Тайна гибели Николая Рубцова», где автор Юрий Кириенко-Малюгин наглядно показал и привёл примеры, подтверждающие, что так называемые «воспоминания» Л.Дербиной изобилуют бесовственной ложью с единственной целью – опорочить имя великого поэта. Не внял Михайлов и таким свидетелям, как Василий Белов, Сергей Багров, Виктор Коротаев, Нинель Старичкова, Александр Романов и многим другим, которые не понаслышке, а вживую были свидетелями отношений Рубцова с любвеобильной Дербиной накануне свершившейся трагедии».

С.Сорокин приводит фактический материал по разоблачению лжи убийцы. Он опровергает мнение профессора, который представил опус убийцы как «любовный роман со всеми присущими ему по жанру чертами: завязкой, предрасположенными к коллизиям характерами героев, фоном, конфликтом и финалом (развязкой)...»

С.Сорокин говорит о том, что заставило его ответить критику:

«Возможно, у меня бы и не возникло подобной реплики, если бы Александр Иванович Михайлов лицемерно, мефистофельски не съехидничал, написав такую фразу: «Лучше бы было, конечно, написать его (т.е. «любовный роман» - С.С.) им вдвоём» И ещё: Александр Иванович ни единым словом не обмолвился о том, что же ценного привнесла Л.Дербина своими «шизофреническими измышлениями», как выразилась одна из посетительниц Рубцовского Центра, прочитав упомянутые «воспоминания», в дополнение к образу любимого народом поэта?»

В «кассационной жалобе» от 13 апреля 1971 года Дербина пишет (стр. 188, 8): «А с Николаем Рубцовым я познакомилась в мае 1963 г., причем, кроме того, что это поэт Рубцов, я о нём ничего не знала, потому что тогда он меня совершенно не заинтересовал. Я встрети-лась с ним уже в июне 1969 года, спустя 6 лет после нашего краткого знакомства». А в «мемуарах» Дербина сообщает о милом разговоре с Николаем Рубцовым, о появлении альбома с личными фотографиями юноши Рубцова в шароварах, вельветке и тубетейке на голове, с друзьями и без друзей, о том, как «мы подхватили с Рубцовым эту

песню от всей души, изо всей мочи». И далее потрясающий ход на доверчивого читателя: «Наконец пора было уходить. Шумная ватага вывалилась на лестницу. Рубцов опять исчез. Спускаясь вместе со всеми по лестнице, я взглянула на верхнюю площадку и резко повернула обратно. Ноги понесли меня помимо моей воли навстречу тому, единственному». Пусть читатель сравнит два её пассажа с разницей в 30 лет. В «кассационной жалобе» Дербина умолчала, что ещё до 1969 года, она специально встречалась с Рубцовым в апреле 1964 г. (о чём она пишет на стр.7). И ещё не раз в Ленинграде в начале 1968 года и затем в 1969 году по свидетельству Т.Гоголиной (см. документ №12). На суде Дербина видела, что нет этих свидетелей для опровержения её лжи.

В «Кассационной жалобе» поражает обращение Дербиной к суду: «Во имя справедливости (каково!) прошу вас не губить во мне мать и поэтессу. Всей своей будущей жизнью, творчеством, работой постараюсь искупить свою тяжкую вину». Она просто не допускает, как это такую талантливую личность из-за «нехорошего» Рубцова хотят посадить в тюрьму.

Адвокат Л.Дербиной в своей «кассационной жалобе» пишет:

«Накануне трагедии, т.е. 17 января, у Рубцова был гость, поэтому Дербина не могла уснуть до 5 часов утра. 18 января, уже с самого начала дня стал соображать о спиртном...». Но почему же Дербина не вызвала Ю.Рыболова на суд для подтверждения своих доводов? Молчит адвокат и молчит убийца! И почему бы «невесте» не предложить Ю.Рыболову отправиться домой? Что ему делать всю ночь в квартире «жениха» и «невесты»?

Ситуация далеко не простая. Дербина явно собирает папку материалов для нового захода на реабилитацию. Иначе отчего бы вдруг такой человек, как профессор А.Михайлов, стал бы рисковать своей репутацией. Правда, он уже в 1993 г. сказал «А» (участвовал в начале процесса легализации убийцы в литературе, см. главу 7 «Не пускают в дверь, лезет в окно») и теперь вынужден сказать «Б», выдав нагора новую «рецензию», аж на уровне «литературного открытия».

А.Михайлов отыскал где-то участливое высказывание Виктора Астафьева о «несчастной» убийце: «Господи! Прости всех нас за грехи наши тяжкие и не забудь про ту, всеми на земле гонимую женщину, наедине живущую в глухой болотистой Вологодчине...» (Астафьев думал, что Дербина живёт в Вельске).

Просто поражаешься здесь известному писателю. Во-первых, «страдает» убийца не «в глухой болотистой Вологодчине», а с 1980 года в очень приличной квартире во второй столице России – Санкт-Петербурге (по чьей же протекции?). Во-вторых, грехи есть у каждого, но далеко не у каждого на совести садистское убийство русского национального поэта. А уж как эта «страдалица» расписала В.П.Астафьева в статье «Обкомовский прихвостень», это трудно переоценить. Урок отсюда один: нельзя писать так, чтобы было приятно и нашим, и вашим.

Привожу ниже фрагменты статьи автора этой книги под названием «Бульварная повесть о ненависти» (О размышлениях очередного адвоката Дербиной, или критика А.Михайлова о «мемуарном романе о любви»).

«В статье А.Михайлова приведена фотография, где рядом находятся автор-критик и героиня его статьи «поэтесса» Л.Дербина. (А между ними тень Поэта?) Вслед за некоторыми журналистами, клюнувшими на «жареный» материал, появился ещё один литературный адвокат убийцы. Поскольку Л.Дербина в своих «мемуарах» пишет, что все права защищены и требуется разрешение автора на использование её текстов, можно предположить, что статья А.Михайлова была завизирована Л.Дербиной или согласована с ней (19).

Ну и, как всегда в статьях очередного адвоката убийцы, правда чередуется с полуправдой, а то и просто с откровенным субъективизмом по отношению к Рубцову и его вологодским писателям-друзьям. Вот пассаж от критика А.Михайлова:

«Но книга Людмилы Дербиной насыщена и богатой информацией, сведениями, которых читатель нигде больше не почерпнёт – от пронизательной характеристики, даваемой автором вологодской писательской организации, до рассказов Рубцова о своей жизни, своих симпатиях и антипатиях...»

А.Михайлов сообщает об отсутствии стихов, посвящённых Л.Дербиной. Но есть пародия «Люблю змею...». Не напоминает ли эта характеристика «поэтессы» о том, как Рубцов обозвал её б., когда она с Володей (гостем Рубцова, – прим. автора) глазами заигрывала, о чём сообщает А.Михайлов со ссылкой на Дербину. Есть и второе стихотворение под названием «Жёлтый цвет»... Конечно, эти стихи поэта – не пылкие признания в любви, о которых сообщает Л.Дербина. Но что подделаешь! Перу Рубцова не прикажешь! А адре-

сат всё понял и принял на свой счёт. Адресат, который обладал к тому же мстительным характером.

Что же, А. Михайлов не знает об этих публикациях? Или просто их отбросил из-за того, что они не подходят под концепцию оправдания убийцы. Надо бы критику писать не о жалости к Дербиной, а о том, почему бы ей не удалиться куда-нибудь от суда людского. Ведь чем больше она льёт грязи на Рубцова и пытается представить его бомжом, уже готовым к гибели, тем чётче ставится вопрос: А почему Дербина не ушла заранее от несмываемого греха? Почему доводила ситуацию до убийства?

Зомбирование Рубцова на самоубийство не удалось. Сейчас выяснено, что Рубцов не хотел уходить из жизни. Это доказал журналист Геннадий Сазонов в статье «Последнее письмо поэта» (20). И эту статью наверняка знает Л. Дербина. Должна она знать и о книгах автора (13,16). Она же всё отслеживает по Рубцову.

По поводу ссылки на «любовное письмо» Рубцова. Не было любви! Со стороны Рубцова была, вероятно, временная страсть к женщине как таковой в условиях отсутствия нормальной семейной жизни. Вот и всё! А со стороны Дербиной вообще не было любви, о чём она часто прямо говорит. И замуж (что естественно для каждой любящей женщины) она не собиралась. Она признаётся, что было желание дать сдачи Рубцову. А это война «невесты». И ещё вопрос: А где же её любовные или деловые письма к Рубцову? В архив Рубцова было почему-то подложено откровенное письмо о любовных похождениях подруги Дербиной (5).

По вопросу о советской цензуре. Да она была. Но, тем не менее, стихи поэтов, выдающих себя за диссидентов и страдальцев, почему-то постоянно печатали и в народе они не популярны, а вот стихи Рубцова и после цензуры считаются народными. Дело не в цензуре, а дело в карьеризме плеяды известных поэтов. В обществе и в КПСС было два течения (как сейчас многие признают): одно диссидентское «демократическое» прозападное, а другое патриотическое, традиционное русское. А Дербина и Рубцов были в этом смысле в разных идеологически лагерях, принципиально расходящихся. Недаром поэтические антиподы обвиняли Рубцова в русскости, навешивали ярлык «русопятства».

И по поводу характера Рубцова. Поэт был, по признанию многих современников, скромным, даже застенчивым, особенно по отноше-

нию к женщинам. Но не терпел неискренности, не признавал демагогии и несправедливости. Отсюда многие конфликты. А. Михайлов повторяет домыслы Дербиной о грубом поведении Рубцова. Но не бывает дыма без огня. Заигрывала часто дама с гостями в присутствии поэта. А какому мужику, а тем более «жениху», это понравится? Не обращался же Николай Рубцов грубо ни со Н. Старичковой, ни с Н. Груздевой, ни с гражданской женой Г. Меньшиковой, ни с О. Фокиной.

И когда, как сообщает А. Михайлов, Дербина говорит, зачем же Рубцов втянул её в свои отношения с Роком, то это уже демагогия. Почему ей должны верить? Она непрерывно ищет доводы для реабилитации и оформления в союз писателей. Но даже самый демократический союз писателей не примет её в свой состав, пока она юридически не оправдается. А это исключено. Слишком много уже материалов, её разоблачающих. Особенно в упомянутых статьях «О Русь! Кого я здесь обидел?...», «Могла ль понять в тот миг кровавой...» в газете «Опасная ставка», в последних статьях вологодского писателя А. Цыганова и др.

А Михайлов «раскручивает» новый жанр: «Роман завершается жесточайшим катаклизмом, высвобождением взаимно-разрушительных сил, на которые оказывается способной любовь-ненависть». Опять оправдание для убийцы. Силы потусторонние сработали, а убийца, видите ли, жертва этих сил. Это – и демагогия, и дезинформация.

И заключительный посыл А. Михайлова звучит так: «Закосневшая, глухая к каким-либо доводам травля (какие слова подобраны для убийцы!? – прим. автора) Людмилы Дербиной как злонамеренной преступницы, исключительной виновницы в гибели Рубцова, перенесшей и суд административный и ещё более её тяжкое собственное самоосуждение, уже не выдерживает ныне испытания временем, уходит в песок». Логика необыкновенная, если очень захотеть оправдать убийцу. И в чём увидел А. Михайлов самоосуждение убийцы? Дербина то обвиняет Рубцова, то «кается» с оглядкой. Вот такое непрерывное маневрирование.

Оказывается, по логике адвокатов Рубцов перенёс всего лишь смерть. А какие муки продолжаются у убийцы!? Которая непрерывно выступает по своим вечерам в разных городах.

Ведётся игра на жалости к убийце. А кто пожалеет садистки убитого гениального русского поэта? И его дочь, в семь лет оставшуюся сиротой в условиях деревенской нужды.

Глава 15. А тайна ночи проясняется?!

*Малоизвестные и новые свидетельства вокруг страшной ночи.
А всё-таки был соучастник?*

Если бы не нагловатая напористость убийцы, то тайна гибели Рубцова могла бы и навсегда остаться тайной. Но необходимость отпора Лжи и Наглости заставила обратить внимание на публикации и сопоставить известные и новые материалы по теме.

Гражданская жена поэта Г.Меньшикова (Шамахова) писала в статье «Русь моя, люблю твои берёзы» (21):

«В 1969 году я была на курсах клубных работников в Кирилло-ве. На обратном пути, это было в апреле, я заехала к нему, он жил уже на улице Яшина. Я пришла утром. Рубцов был один, день был субботний – 11 апреля. Я у него прибралась, помыла, он сходил в магазин, принёс еду, я приготовила обед, и к обеду к нам пришли гости. Видимо, у него была подруга и ещё мужчина. Он хотел дать понять, что она пришла с этим мужчиной – Рыболовов Юрий. Сидели они до позднего вечера, потом ушли. На другой день была Пасха...»

«Я писала выше, что некий Рыболовов, который, по его словам, очень, очень любил Рубцова, когда свершилась эта трагедия, был в Вологде. Каким образом он завладел посмертной маской Рубцова, хотя даже и на кладбище не был?

В августе 1971 года я, будучи в Тотьме, зашла в РОНО (районный отдел народного образования, – прим. автора). Зав. РОНО Ф.Н.Шестаков спросил меня, знаю ли я Рыболовова? Ответила, что знаю. Он рассказал:

«В апреле месяце (это 1971 год, – прим. автора) в мой кабинет пришли двое мужчин, предъявили удостоверение КГБ и спрашивают, обращался ли к нам насчет работы Рыболовов. Да, обращался, предъявил два диплома о высшем образовании, закончен институт физкультуры и сельскохозяйственный. Просил работу в Никольской школе или поблизости. В работе было отказано, так как школы были укомплектованы. Меня предупредили, чтоб никаких дел с Рыболововым не имел.

Да, в Николу этот человек ездил долго, наверное, до 80-х годов. Что ему надо было?»

«Будучи на суде, который шёл два дня, слушая «сказки» Дербиной о любви Рубцова к ней, я не верила ни единому слову... Ведь не зря Н.А.Старичкова написала ему такую пророческую открытку: «На чужом несчастье своего счастья не построить, береги голову, пока не поздно». А было уже поздно, он никак не мог отвязаться от Дербиной.

Ведь после Нового года, 1971-го, он сразу взял командировку, чтобы ехать к нам в Тотму, но явилась она. И как у неё ещё хватает наглости лезть на экран и сваливать всё на какой-то «рок». Что ж, если уж и фильмы посвящают убийце, так, может быть, дать ей и орден за убийство Рубцова?»

Г.Меньшикова имеет в виду фильм Ермакова «Замысел», посвящённый новой «звезде» литературного экрана Л.Дербиной.

Кое-что прояснилось из беседы автора этой книги (Ю.К.-М.) со Н.А.Старичковой (Н.С.) 9 июня 2002 года в Вологде:

Ю.К.-М. Меня вот что интересует. Насчёт последней ночи. Кто присутствовал?

Н.С. Задумкин был. Ещё кто-то. Их уже в живых нет. И вот Рыболовов был.

Ю.К.-М. Он присутствовал? И там ссора была?

Н.С. Была ссора. Они (журналисты) раньше ушли. А Рыболовов уходил последним (у Дербиной последним ушёл А.Третьяков).

Ю.К.-М. А ссора из-за чего была? Журналисты что говорят?

Н.С. Приревновал, наверно. (Дербина в это время была невестой Рубцова, – прим. автора). Она всем улыбалась. Заигрывала. А Рыболовов там остался.

Ю.К.М. А во сколько это было примерно?..

Н.С. Он сказал, что ему надо было на поезд. Около часа он ушёл. Сказал: «Я не мог задержаться, потому что мне надо было в два часа на поезд» (это поезд в Ивановскую область, где проживал Рыболовов, – прим. автора).

Ю.К.-М. А он уехал?

Н.С. А он не мог уехать, потому что через три дня он был уже на похоронах. Он где-то был.

Ю.К.-М. Значит, он не уезжал.

Н.С. В два часа он должен был уехать. И он не мог сразу вернуться. Подумайте сами. И адрес его не знали. Связь какая? Откуда он узнал? (что Рубцов погиб, – прим. автора). А на суд он не явился. А Рыболовов был последним у Рубцова.

Она (Дербина) волновалась. И я читала в одной газете: она Рыболовова как свидетеля не называет. Видимо, здесь есть какая-то связь. Всех журналистов называет, а его нет.

Ю.К.-М. Похороны были через три дня. Он был в Вологде?

Н.С. На похоронах он был. Он фактически не уезжал.

Прокомментируем эти сведения. Поскольку Ю.Рыболовов был в ту страшную ночь у Рубцова, то он должен был уехать, чтобы обеспечить себе алиби. Никто не сообщал Рыболовову о смерти поэта. Оповещали писателей. А «свидетель» всё знал (об этом чуть ниже). И потому через два дня он сам пришёл на похороны.

Из беседы автора (Ю.К.-М.) с писателем С.Н.Багровым (С.Б.) 18 марта 2003 года в Вологде.

Ю.К.-М. Когда Вы познакомились с Николаем Рубцовым?

С.Б. Ещё в техникуме. Перед занятиями я наклонился, заглянул сквозь дверь. А на меня вдруг кто-то тяжёлый сел. Я встал резко, и бугай грохнулся на пол. А Коля увидел это и рассмеялся. Говорит: Пойдём погуляем.

Ю.К.-М. Вы лично были знакомы с Юрием Рыболововым?

С.Б. Немного. Он после смерти Рубцова приходил. «С Родины приехал», сказал. Краюху хлеба привёз оттуда. Он разломал её. «Давай покушаем», говорит. Для меня как-то странно это, нелепо. Побыл буквально 2-3 минуты. И убежал куда-то. И Коля говорил: «Опять придёт этот, уйдёт. Какой-то странный. Непонятный мне человек». Коля так неопределённо о нём говорил. И я тоже не понял его. Потом понял: фанат он был Рубцова. А Николай Рубцов его серьёзно не воспринимал, на мой взгляд.

Ю.К.-М. А как Вы относитесь к Дербиной?

С.Б. Коля дал мне почитать её сборник стихов. Это «Сиверко». Там была её надпись на обложке. И куда-то этот сборник исчез. Даже не знаю, на кого грешить. Вроде все люди знакомые». Ещё один экспонат кто-то приватизировал (прим. Ю.К.-М.).

На исчезнувшем сборнике «Сиверко» был автограф Дербиной Рубцову. Какой? Станным был приход Рыболовова. Багров и друзья Рубцова написали добрые воспоминания. Но не слышно ничего о воспоминаниях Ю.Рыболовова. И это важный штрих.

Есть версия, что Рубцова хотели довести до невменяемого состояния. И как сказал один из читателей: «А ведь его могли бы выбросить из окна» (инсценировать самоубийство!) И добавил: «Если

это Рубцов понял, то тогда-то была настоящая схватка. И одной Дербиной здесь не обойтись». Как говорят французы в подобных житейских ситуациях: «Шерше ля фам» («Ищите женщину»). В случае с Рубцовым это звучит: «Ищите мужчину».

Итак, по сообщению Дербиной в её «мемуарах», последним и в 11 часов вечера ушёл журналист А.Третьяков. А по сообщению Н.Старичковой, в час ночи ушёл Ю.Рыболовов, чтобы сесть на ночной поезд в Ивановскую область. А ушёл ли в час ночи Рыболовов? И когда он приходил в эту ночь к Рубцову и Дербиной? И зачем приходил?

В апреле 2003 г. автор встречался в Петербурге с С.Сорокиным, который сообщил о письме от Ю.Рыболовова. Привожу фрагменты из этого письма, копия которого любезно прислана автору (факсимиле – Глава 18. Приложения, документ № 9).

«Уважаемый Сергей Анатольевич!

Вы просили написать о Коле Рубцове. Для меня он был очень дорог. Я почти все стихи его знаю наизусть. 18 января 71 (1971г. – прим. автора) года я был у него на квартире, сердцем как будто чувствовал, что его больше не увижу. Когда пришел он был в плохом настроении, был не один дома была его сожительница Людка.

Я понял, что она его что-то спрашивала обо мне, посидел я у него недолго, потом ушел, а утром узнал... (Значит, Рыболовов не уехал в ночь убийства или уехал, зная о гибели Рубцова, – прим. автора).

Вспоминаю его каждый день, как он был дорог для меня. Я до сих пор слышу его живой голос, он называл меня своим братом. Читал я его стихи в течение 2-х часов в Ивановском медицинском институте, слушали студенты, доценты, профессора...

Он чувствовал близость своей смерти говорил мне. Юра ты пойдешь за моим гробом? Спрашивал не один раз. Завещал похоронить рядом с Батюшковым, но когда я отдал завещание Романову секретарю Вологодской писательской организации он сказал: нельзя, у нас единое место захоронений общее кладбище.

Вот вкратце, что я мог написать...» («грамотность» сохранена).

Прокомментируем сведения из этого письма. Ю.Рыболовов сообщает, что ещё 18-го, в ночь на 19 января 1971 года он был у Рубцова. Но он не говорит когда! И была ещё Дербина. Значит, они были втроём. О журналистах ни слова. Ясно, что он пришёл после журналистов. Почему молчит Дербина об этом?

Л.Дербину Рыболовов называет сожительницей (а не женой и даже не невестой, – прим. автора) и панибратски «Людка». И оказывается, что Л.Дербина *что-то* спрашивала Рубцова о Рыболовове. О чём вообще был разговор – ни слова. Какие-то недоговоры. А насчёт наименования «брат», то это или фантазии, или демагогия. В книгах воспоминаний, изданных В.Коротаевым (1983 и 1994 г.г.) «брат» даже не упоминается. За всё время Рыболовов лишь один раз (по его сообщению) выступал перед гуманитарной городской аудиторией (в институте, в Иваново).

Письмо Рыболовова изобилует различными ошибками. Что говорит об интеллектуальном уровне «брата». Само письмо очень короткое. Видно Рыболовов боялся проговориться.

Интересно признание Ю.Рыболовова о наличии у него портрета Рубцова кисти художника Малыгина. Это был первый прижизненный портрет Рубцова. Как он мог оказаться у Рыболовова? Тот же вопрос возникает о посмертной маске и барельефе. (Эта информация была написана автором книги в июне 2003 г. Требовались уточнения).

Ответы на ряд вопросов удалось получить во время «Рубцовских чтений», которые состоялись 8 августа 2003 года в селе Никольском в мемориальном доме-музее им. Н.М.Рубцова.

В первом перерыве во время чтений было нешуточное выяснение происхождения портрета Рубцова, который в качестве подарка Никольскому музею не то от Полётовой М.А. (как собирателя экспонатов вокруг Рубцова), не то от себя лично представляла Наира Вартановна П., которая характеризовала Ю.Рыболовова как писателя и товарища поэта. Выяснилось, что на открытии второго Рубцовского центра в сентябре 2002 года был выставлен не прижизненный портрет Рубцова кисти художника Малыгина (как было объявлено), а какой-то другой портрет неизвестного происхождения. Это сомнение ещё в ноябре 2002 года сразу высказала Н.Старичкова, когда увидела фото портрета. При активном участии Н.Старичковой, зав. вологодской областной библиотекой Н.Н.Беловой (которые видели портрет кисти Малыгина ещё в январе 1971 года) и дочери поэта Е.Н.Рубцовой выяснено, что в Москве на открытии второго Рубцовского центра был не прижизненный портрет. После гибели поэта портрет Малыгина был выставлен в областной библиотеке в Вологде. Однако потом начались приключения. Рядом с лицом Рубцова

появилась явная вмятина (удар?!). Посмертная ненависть к поэту?! Портрет вернули Малыгину для устранения повреждения. Но обратно портрет не вернулся, его перекупил Рыболовов у Малыгина. А представленный в селе Никольском другой портрет поэта соответствует кисти Малыгина. Значит, Наира Вартановна П. вторично ездила к Рыболовову.

О конкретных свидетелях (но перед ночной «схваткой») многое проясняется из объяснительной записки старшего литсотрудника отдела культуры Н.Задумкина редактору газеты «Красный Север» Н.М.Цветкову. Н.Задумкин пишет (14):

«В понедельник, 18 января 1971 года, я ушел с работы в 4 вечера. Намерение было побывать у врача, т.к. почти две недели подряд у меня по вечерам была повышенная температура. Но в больницу я не попал, а оказался в винном баре вместе с работниками «Вологодского комсомольца» А.Кузнецовым, А.Третьяковым, Б.Лапиным и Е.Некрасовым. Мы выпили по стакану перцовки и ушли из бара. На площади встретили Н.Рубцова и его жену Л.Дербину (Дербина была в это время не женой, а формально невестой Рубцова, – прим. автора). Рубцов предложил выпить (он был в это время абсолютно трезв).

Мы зашли в магазин и купили бутылку водки и бутылку красного вина. Я, старый, пошел с этими ребятами в клуб медработников. Там нам открыл одну из комнат Г.Унковский, где мы и распили водку. Сам Унковский с нами не выпивал. Людмила Дербина при выпивке не присутствовала. После всего этого мы ещё побывали в ресторане «Север». Людмила Дербина в ресторане не была, а ожидала своего мужа на улице.

После ресторана мы пошли провожать Н.Рубцова. Помню, что он пил красное вино. От Рубцова мы с Б.Лапиным ушли часов в девять. Домой я пришёл пешком...»

Ещё раз пройдем по фактам вечера 18 января и страшной ночи на 19 января 1971 г. Н.Задумкин почему-то не упоминает, что Дербина вернулась в клуб медработников (из «Вологодского комсомольца», где решала дела со своей рукописью) и выпила с журналистами. В «мемуарах» она пишет: «Я глотнула глоток из стакана Рубцова, он допил остатки». Из объяснительной записки Н.Задумкина следует, что из компании, пришедшей с Рубцовым, остались после 9 часов вечера А.Третьяков и А.Кузнецов. О Е.Некрасове никто в воспо-

минаниях не говорит. Видимо он не пошел к Рубцову. Предпоследним уходил А.Кузнецов. Когда, пока неясно. Последним, как пишет Л.Дербина, уже в 11 часов вечера ещё 18 января ушёл А.Третьяков.

Но после А.Третьякова на ночь 19 января пришёл Рыболовов, что сообщают Н.Старичкова (5) и сам «брат» в письме С.Сорокину. Значит, Рыболовов пришёл позже и после журналистов! Рубцов его не приглашал и не ждал. Иначе об этом сказала бы Л.Дербина в своих «мемуарах». Вопрос: Почему же это третью ночь подряд Рыболовов ходит к Рубцову и Дербиной? В письме С.Сорокину он сообщает, что видел назревающую ссору. В чём заключалась ссора, Рыболовов не пишет. Но он говорит, что ушёл, так как ему надо было к двум часам ночи на поезд (из Вологды в Ивановскую область). А сам он остался. Нет алиби у Ю.Рыболовова (версия-обоснование автора). В письме С.Сорокину Рыболовов проговаривается, что «утром узнал...» О чём? О смерти Рубцова. Откуда? По радио никто не сообщал с утра 19 января о гибели Рубцова. Первые некрологи появились через день. От кого мог Рыболовов узнать? Он поехал поездом в Ивановскую область, по его сообщению Н.Старичковой.

Редакторы-составители Мелковы приводят почему-то в своём издании сочинений Рубцова статью убийцы «Я не хотела убивать его» (14). Дербина молчит о свидетелях и сообщает в частности:

«13 августа 1997 года я специально заезжала в Вологду и обращалась с письменной просьбой в Вологодский суд, чтобы подробно ознакомиться с судмедэкспертизой о причине смерти Рубцова. Мне в этом было отказано...»

А с каких это пор убийце и после решения Верховного суда России от 1996 года (с подтверждением умышленности убийства) должны показывать материалы следствия? Эгоизм и наглость «поэтессы» просто поразительны.

Дербина пытается в качестве ещё одной версии построить свою защиту логикой ожидаемой карьеры (вступление в Союз писателей). Рубцов знал эту главную цель «поэтессы». И о фразе Дербиной на суде: «Я поняла, что мы не будем вместе, и решила его уничтожить». Дербиной не удалось «победить» Рубцова в спорах и завербовать в свой поэтический лагерь. Ясно, что при ночной словесной «схватке» выявилось такое, что Дербина пошла на убийство. И особенно «впечатляет» сообщение убийцы, что «вдруг неизвестно от чего рухнул стол, на котором стояли иконы, прислонённые к стене... Иконы

рассыпались по полу вокруг нас». Нужно отметить, что Лжи такого класса ещё не было в литературе. И всё во имя самооправдания и самоутверждения в качестве писательницы. Начинаешь понимать, какую же жертву принёс Н.М.Рубцов во имя нас всех, русских людей, своей жизнью, остановив сатанистскую поэзию убийцы. «Я буду тебя медленно убивать», то есть непрерывно разоблачать так называемую поэзию случайной подруги, прозрев, сказал Рубцов.

Дербина пишет по поводу признания на суде (14): «Откуда мне было знать, молодой и наивной, что со мной всё было решено уже в первый день после трагедии...». Но это уж слишком! Очень «молодой» разведённой (!) женщине – тогда 32 года, имеет ребёнка. «Наивная» пишет стихи со звериными образами.

Как уже упомянуто, на одной из страниц «мемуаров» Дербина пишет, что она бросается в милицию и «берёт всю вину на себя». Это дорогого стоит. Значит, кто-то должен разделить её вину.

Как сообщает Дербина, после её действий (задушения) Рубцов отбросил убийцу и перевернулся на живот, а локти его были опорой для броска. Это с какой же силой задушенный (или даже полужадушенный) Рубцов упёрся локтями на пол, что на них остались ссадины? Опять не сходятся концы с концами у убийцы. Похоже, что Рубцов и не был пьян, поскольку такие следы могли остаться при борьбе за жизнь только у трезвого человека и в течение определённого времени. Рубцов был крепкий моряк. Одной Дербиной жертву не удержать.

Убийца мечется. Для неё Рубцов сейчас – это только объект, который помешал и мешает ей сделать карьеру. «Теперь я вне всяких союзов» – вот основное горе «поэтессы».

Журналистов убийца не обвиняет. У них есть алиби. А Дербина в «мемуарах» и статьях делает прозрачные намёки на Рок. Почему следствие и прокурора не насторожили явная ложь «поэтессы»? И почему не был проведён следственный эксперимент? И было ли определено точное время убийства?

Тот, кто видел опубликованную записку Н.Рубцова (так называемое завещание), не мог не обратить внимания на вид почерка поэта. Явно записка написана нетвёрдой рукой (только в очень больном состоянии можно это написать): «Похороните меня там, где Батюшков». Но возникает вопрос: А кто же и когда довёл Рубцова до этого состояния и зачем Рубцову писать о таком серьёзном документе в

таком состоянии? Настораживает в очередной раз факт, что такая записка оказалась именно у Ю.Рыболова и им передана затем писателю А.Романову как завещание. Это ещё одна дискредитация поэта по алкогольному направлению и смотрится как факт, специально к версии убийцы.

А духовная «схватка» между защитниками Рубцова и адвокатами Дербиной продолжается. Глубокий смысл этой схватки заключается в борьбе светлой божественной русской поэзии, с одной стороны, и тёмной сатанинской, с другой стороны. Это вечная борьба Добра и Зла, Совести и Торгашества, Бога и Дьявола. И если это не понимают друзья «поэтессы» Л.Дербиной – её вольные и невольные адвокаты, то это не меняет существа процессов, непрерывно происходящих в обществе.

Глава 16. Сенсационная публикация судебного дела, закулисные маневры и противостояние 2005-2009 г.г.

В декабре 2005 г. известный вологодский коллекционер М.В.Суров выпустил объёмную книгу «Рубцов. Документы. Свидетельства. Факты», где опубликованы полностью материалы уголовного дела Грановской (Дербиной), в том числе фотоматериалы (садистские рваные раны на горле поэта), протоколы допросов Дербиной и вызванных свидетелей по взаимоотношениям обвиняемой и Рубцова. Серьёзных отзывов о книге М.В.Суорова не последовало. Авторская рецензия была приведена на сайте www.rubcow.ru.

Казалось бы, после выхода книги М.В.Суорова должна была бы замолчать Л.Дербина. Но как бы не так. Ещё в 90-е годы 20-го века, сообразив, что в Истории она останется как убийца народного поэта, Дербина развила бурную деятельность в поисках сочувствия и оправдания своим действиям, играя на «алкогольной проблеме» и подбирая (подтасовывая) «факты». Написав тогда «воспоминания», Дербина направила их ряду известных русских писателей. Поддержки не нашла. Потом был разыгран «медицинский фактор», преподнесённый как сенсация, о котором сказано выше в данной книге.

Между тем, в статье «Вначале было Слово» (газета «Труд-7» №35 от 26.02-3.03. 2004 г.) поэт Е.Евтушенко пишет: «Наглядным пособием для будущих поколений, которым, возможно, будет нелегко

понять, почему любившая Рубцова жена, да ещё поэтесса, задушила его, тоже любившего её...». Но по известным фактам: Л.Дербина не жена, и не любившая Рубцова, и поэт не любил «поэтессу» (не было духовной близости). Казалось бы, сообщение Е.Евтушенко «поэтесса задушила его» заставит Дербину остановиться, не будоражить общественное мнение. Но оказывается «поэтесса» продолжила закулисные маневры.

События нарастали. И проявились они в неожиданном по времени показом фильма, обозначенного как документальный, «Теория невероятностей. «Синдром Кассандры» по первому каналу ТВ в ночь с 19 на 20 февраля 2007 года.

На сайте www.rubcow.ru было дано обращение к свидетелям этой передачи. Потому что речь идёт не просто об очередной лжи по отношению к Рубцову через игру чёрного рока, а об очередном заходе Л.А.Дербиной (Л.А.Грановской) на реабилитацию. Откликнулся литератор К.Махныткин, свидетель той передачи. Ниже привожу фрагменты из начала его письма-статьи под названием «Вибрации лжи» или «Теория невероятностей»:

«Случаются и вовсе из ряда вон выходящие случаи, когда по непонятным причинам «мастера телеэфира» пытаются не просто обелить преступника, но и представить его чуть ли не жертвой им же убиенного человека. Примером тому – документальный фильм «Теория невероятностей. «Синдром Кассандры», показанный по первому каналу ТВ в ночь с 19 на 20 февраля 2007 года.

К сожалению, став случайным зрителем этой «научнообразной» бредятины, я не смог сделать конспективные пометки содержания сюжетов этой «невероятности» и вынужден воспроизводить их фрагменты по памяти. Тем не менее умалчивать своё мнение об увиденном, считаю поступком бесчестным. Во всяком случае, очередное оскорбление и поношения в адрес трагически погибшего всенародно любимого русского поэта Н.Рубцова без достойной отповеди, по моему глубокому убеждению, остаться не должно. А в случае опубликования этих моих заметок, полагаю, найдутся настоящие литераторы и литературоведы, способные веско и аргументированно разоблачить создателей этого «фальсификата» и вывести их, как говорится, на чистую воду...». (Продолжение и окончание статьи К.Махныткина, см. приложение № 13.)

Свою реакцию на просмотр этой передачи дали рубцовееды из Приморского края. Позднее они прислали кассету с записью фильма. На основании этих материалов было составлено и 29.03. 2007 г. опубликовано на сайте www.rubcow.ru «Заявление учредителей НО «Рубцовский творческий союз»:

«Убийца русского национального поэта Н.М.Рубцова, «поэтесса» Л.А.Дербина, систематически будоражит общественное мнение. Сразу после получения информации о герое телеэкрана Л.Дербиной в фильме «Теория невероятностей.

«Синдром Кассандры», показанном по первому каналу ТВ в ночь с 19 на 20 февраля 2007 года, на сайте www.rubcow.ru было дано обращение к свидетелям этой передачи. Потому что речь идёт не просто об очередной лжи по отношению к Рубцову через игру чёрного рока, а об очередном заходе Л.А.Дербиной (на суде по первому по мужу – Л.А.Грановской) на реабилитацию. По состоянию на сегодняшний день неизвестно о публикациях с опровержением измышлений убийцы Рубцова. Заранее приносим извинения, если опровержения были даны до 27 марта с.г. Откликнулся на это нерядовое событие К.Махныткин статьёй, присланной на электронную почту Ю.Кириенко-Малюгина и публикуемой на сайте. Что касается действий «Высших сфер» (чёрных сил), то предлагаем прочитать книгу Ю.Кириенко-Малюгина «Тайна гибели Николая Рубцова» (2-е издание. М. МГО СП России, 2004 г.), где выдвинута версия-обоснование участия некоего «друга поэта» Ю.П.Рыболовova в ночь убийства и разоблачены все версии убийцы и её добровольных адвокатов. Ю.П.Рыболовов три ночи подряд ходил на квартиру поэта, был в ту страшную ночь у Рубцова, и о нём умолчали Дербина и её адвокат на суде. Ю.П.Рыболовов неоднократно ночевал в квартире Рубцова, о чём свидетельствуют записки Рубцова к Рыболовову, которые имеются в мемориальном доме-музее в с. Никольское.

В периодическом издании «Опасная ставка» №7 (11), июль 1996 г., стр. 11,12 и 13 в статье под названием «Могла ль понять в тот миг кровавый...» приведены снимки растерзанной шеи поэта, схема квартиры Н.М.Рубцова после убийства, а также следующая информация:

«О «поединке», на котором теперь настаивает Дербина, о «самозащите», о ситуации «кто кого», о «неосторожном убийстве» не может быть и речи: материалы уголовного дела полностью опро-

вергают это. Под влиянием версии убийцы, усиленно муссиримой прессой, Верховный суд Российской Федерации затребовал дело на предмет возможного опротестования приговора, вынесенного Грановской в 1971 году.

И пришёл к выводу: оснований для пересмотра нет, произошло действительно умышленное убийство (ст. 103 УК РФ)».

Читайте также книгу вологжанина М.В.Сурова «Рубцов, Документы. Свидетельства. Факты», где опубликованы полностью материалы уголовного дела, в том числе фотоматериалы (садиистские рваные раны на горле поэта). Предполагаем, что обо всех этих фактах умолчала убийца при создании вышеупомянутого фильма.

В связи с изложенным предлагаем:

1. Предоставить эфир на первом канале ТВ Ю.Кириенко-Малюгину и М.В.Сурову – авторам книг, раскрывающих правду о гибели Рубцова.

2. Допросить Л.А.Дербину-Грановскую (по имеющимся сведениям в настоящее время Л.А.Александрову) о причинах неприглашения свидетеля Ю.П.Рыболовова на суд в апреле 1971 года и о её тогдашних ночных контактах с этим свидетелем в квартире поэта.

3. Опубликовать данное заявление в любых средствах массовой информации, в том числе в тех, которым оно направлено.

Ю.Кириенко-Малюгин, Э.Любенко, З.Голощапова, В.Киреев, Н.Братишко.

Можно предположить, что обо всех вышеупомянутых фактах умолчала убийца при создании фильма. Заявление от 30.03.2007 г. не было опубликовано ни в одной газете.

В январе 2008 г. на 3-ой научно-практической конференции «Рубцовские чтения – Москва 2008» ко мне обратилась одна из присутствовавших, которая представилась работницей 1-го канала ТВ и закупила все мои издания по теме Н.М.Рубцова, включая книгу «Тайна гибели Николая Рубцова» (2-е издание).

28 января 2008 года в музее им. В.В.Маяковского (Москва) состоялся вечер-концерт «Звезда Николая Рубцова», в котором участвовали: Ю.Кириенко-Малюгин (ведущий), Вл.Киреев, лауреат фестивалей (гитара), Виктор Вишняков, заслуженный артист России (мандолина), Э.Любенко, член СП России. Ю.Кириенко-Малюгин ответил на вопросы зрителей о причинах и следствиях ги-

бели Н.М.Рубцова. После окончания вечера Ю.Кириенко-Малюгин в течение 40 минут отвечал на вопросы операторов телевидения о характере Рубцова и о мотивах гибели. Канал ТВ-1 вёл съёмку выступлений и интервью.

Наступила относительная тишина. Новый заход Л.Дербиной на публичную легализацию проявился в мае 2008 г. Суть видна из нижеследующей информации.

«Заявление учредителей НО «Рубцовский творческий союз»:

28 мая 2008 года в программу 1-го телевизионного канала «Пусть говорят» (ведущий Андрей Малахов), посвящённой памяти известной поэтессы Риммы Казаковой, была приглашена Людмила Александровна Дербина. В титрах при появлении на экране она была обозначена как «вдова Николая Рубцова». По решению суда в апреле 1971 года Л.А.Дербина (на суде Л.А.Грановская – по первому мужу) является убийцей русского национального поэта Н.М.Рубцова. Более того, все материалы следствия свидетельствуют о садистском убийстве Н.М.Рубцова. Подсудимая была приговорена к 8 годам заключения вместо 15 лет по всем признакам материалов следствия. Поэтому она везде должна обозначаться как убийца Николая Рубцова.

Настоящей вдовой признана Генриетта Александровна Меньшикова (Шамахова), дочь которой Елена Николаевна Рубцова является официальной наследницей Николая Михайловича Рубцова после убийства поэта.

В периодическом издании «Опасная ставка» №7 (11), июль 1996 г., стр. 11,12 и 13 в статье под названием «Могла ль понять в тот миг кровавый...» приведены снимки растерзанной шеи поэта, схема квартиры Н.М.Рубцова после убийства, а также следующая информация:

«О «поединке», на котором теперь настаивает Дербина, о «самозащите», о ситуации «кто кого», о «неосторожном убийстве» не может быть и речи: материалы уголовного дела полностью опровергают это. Под влиянием версии убийцы, усиленно муссирующей прессой, Верховный суд Российской Федерации затребовал дело на предмет возможного опротестования приговора, вынесенного Грановской в 1971 году. И пришёл к выводу: оснований для пересмотра нет, произошло действительно умышленное убийство (ст. 103 УК РФ)».

В книге вологжанина М.В.Сурова «Рубцов, Документы. Свидетельства. Факты» (2005 г.) опубликованы полностью материалы уголовного дела, в том числе фотоматериалы (садистские рваные раны на горле поэта).

Находясь в тюрьме (с февраля 1971 г. по август 1976 г.), Дербина-Грановская написала угрожающее письмо Г.А.Меньшиковой. В связи с этим руководство тюрьмы сняло с неё все виды поощрений для досрочного освобождения. Освобождена она была в связи с объявлением ООН 1976 года как международного года женщины и в связи с последующей выборочной амнистией в каждой стране. Всё это опубликовано, в том числе в книге Ю.Кириенко-Малюгина «Тайна гибели Николая Рубцова» (1-е издание – 2001 год, 2-е издание – 2004 год). После выхода из тюрьмы ко многим писателям «подъезжала» Л.А.Дербина со своими «воспоминаниями». Большинство из них захотели иметь дело с убийцей Рубцова. Напористости этой личности не приходится удивляться. Её «поэзия» является вампирической, о чём свидетельствует, в частности, подборка стихов, опубликованная в западногерманском издании 1995 года. Например, такие вирши: «я как медведица рычу...», «люблю волков, за их клыки во рту...», «всей звериной тоской Зодиака, и моя переполнена грудь...», «Вся грузная, бояться буду драки, Я всё ж оскалю острые клыки...», «но был безумец, мною увлечённый, он видел бездну, знал, что погублю...». Конечно, Дербиной-Грановской не хочется остаться в истории как убийца Рубцова. Но это уже не изменить. В открытой печати «поэтесса» систематически будоражит общественное мнение с целью очередного захода на реабилитацию.

Убийца молчит об этих фактах. Но почему организаторы пригласили Л.А.Дербину-Грановскую на программу, показанную 28 мая 2008 г.? Предполагаем, что обо всех этих фактах умолчала убийца Рубцова перед участием в программе. И, видимо, сама обозначила себя, как «вдова Николая Рубцова». Очередная ложь и демагогия убийцы.

В связи с участием Л.Дербиной в фильме «Теория невероятностей. «Синдром Кассандры», показанном по первому каналу ТВ в ночь с 19 на 20 февраля 2007 года, и очередной лжи Дербиной по отношению к Рубцову через игру чёрного рока на сайте www.rubcow.ru было опубликовано «Заявление учредителей НО «Рубцовский творческий союз».

Что касается действий «Высших сфер» (чёрных сил), то предлагаем прочитать книгу Ю.Кириенко-Малюгина «Тайна гибели Николая Рубцова» (2-е издание), где выдвинута версия-обоснование участия некоего «друга поэта» Ю.П.Рыболовova в ночь убийства и разоблачены все версии убийцы и её добровольных адвокатов. Ю.П.Рыболовов три ночи подряд ходил на квартиру поэта, был последним в ту страшную ночь у Рубцова, и о нём умолчали Дербина и её адвокат на суде. Ю.П.Рыболовов неоднократно ночевал в квартире Рубцова, о чём свидетельствуют записки Рубцова к Рыболовову, которые имеются в мемориальном доме-музее в с. Никольское.

В связи с изложенным предлагаем:

1. Предоставить эфир на первом канале ТВ Ю.Кириенко-Малюгину и М.В.Сурову – авторам книг, раскрывающих правду о гибели Рубцова.

2. Допросить Л.А.Дербину-Грановскую (по имеющимся сведениям в настоящее время Л.А.Александрову) о причинах не приглашения свидетеля Ю.П.Рыболовova на суд в апреле 1971 года и её тогдашних ночных контактах с этим свидетелем в квартире поэта.

3. Опубликовать данное заявление в любых средствах массовой информации, в том числе в тех, которым оно направлено.

Ю.Кириенко-Малюгин Э.Любенко З.Голощапова
В.Киреевков 30 мая 2008 г.

Это заявление было опубликовано на сайте www.rubcow.ru в начале июня 2008 г. Передано 31 мая 2008 года для публикации в газете «Российский писатель», орган Союза писателей России.

Поскольку на сайт выходят заинтересованные, развитие последующих событий оказалось неслучайным. В начале июня 2008 г. к автору книги обратились представители передачи «Пусть говорят». Встреча состоялась в фойе студии «Останкино». Цель встречи (как мне сообщили) – организация передачи о судьбе и гибели Рубцова с моим участием и участием Л.Дербиной-Грановской. Во время беседы об обстоятельствах гибели Н.М.Рубцова я передал представителям программы авторские книги «Тайна гибели Николая Рубцова», «Новая дорога к Рубцову». На вопрос о возможных участниках программы назвал литераторов и авторов, информированных по проблеме: это вологжане М.В.Суров, А.Цыганов и Н.А.Старичкова. Как позднее стало известно, Н.А.Старичкова находилась в больнице и там у неё взяли и записали интервью.

В обусловленный день передачи у входа в фойе «Останкино» встретились М.В.Суров, А.Цыганов, Ю.Кириенко-Малюгин и представители М.В.Сулова. Во время нашей десятиминутной беседы о предстоящей передаче рядом «случайно» оказался незнакомец, который слушал обсуждение проблемы. Оказалось, что он из петербургской группы поддержки Дербиной. После входа на первый этаж здания «Останкино» нашей группе сообщили, что Дербина отказывается участвовать в программе в связи с приглашением Сулова и Кириенко-Малюгина. В течение примерно 40 минут шли переговоры, и Дербина согласилась выступить при условии нашего неучастия. Начало программы задержалось на 30 минут. Далее предлагаю информацию, которая была выставлена на сайте www.rubcow.ru 23 июня 2008 г.

Ю.И.Кириенко-Малюгин. «Кто есть кто: Рубцов или Дербина-Грановская?»

18 июня 2008 года в рамках программы «Пусть говорят» ведущий А.Малахов пригласил Людмилу Александровну Дербину (по первому мужу Грановскую, в настоящее время – Александрову), которая является убийцей русского национального поэта Николая Михайловича Рубцова. На программу редакторами были приглашены из Москвы Ю.Кириенко-Малюгин (как автор книги «Тайна гибели Николая Рубцова»), вологжанин М.В.Суров (как автор книги о Николае Рубцове, в которой впервые опубликовано полностью судебное дело подсудимой Л.А.Грановской (Дербиной), вологжанин А.Цыганов, автор статей о поведении Дербиной в вологодской тюрьме. Открытие программы в студии 1-го канала состоялось с Дербиной-Грановской и без участия Ю.Кириенко-Малюгина, М.В.Сулова и А.Цыганова. Что излагала в течение первого часа программы Л.Дербина, авторам многолетних публикаций по изобличению убийцы неизвестно (нас разместили в фойе около студии). Через час после выступлений Л.Дербиной и не известных нам приглашённых в качестве экспертов в зал студии был вызван М.В.Суров. О чём говорил М.Суров, мне и Цыганову не было известно. Только через 40 минут (т.е. через час 40 минут после начала программы) нас провели инкогнито в зал, без официального объявления нас как авторов разоблачительных книг и статей о Дербиной. Через несколько минут было объявлено

о завершении 1-ой части программы. То есть ни я, ни А.Цыганов не получили никакой возможности для изложения (полного и всестороннего) обстоятельств лживых публикаций и выступлений убийцы. Началась 2 часть программы – встреча с некоей Отиевой - убийцей своего мужа-художника, автора портрета Н.М.Рубцова. Прошел диалог с Отиевой, обсуждение обстоятельств семейных отношений и убийства мужа, её отношения к этому. Затем на экране были показаны фото из судебного дела с садистскими следами издевательств убийцы над Рубцовым. При дискуссии вокруг этого фото Рубцова Дербина пыталась доказать, что это не следствие удушения поэта. Дополнительно М.В.Суров попросил вернуть кадр на экране, где был показан стол, аккуратно положенный на бок, что могли сделать только два человека – участника убийства (об этом написано в книге «Тайна гибели Николая Рубцова»). Это ещё одно доказательство участия третьего лица в ту страшную ночь. А.Малахов задал вопрос А.Цыганову о влиянии роковых сил в этих событиях и получил ответ в общей форме. Поскольку у меня не было ясности, что вообще дадут слово, я обратился к А.Малахову дать мне один из микрофонов (которые были у неизвестных мне участников, сидящих рядом на боковых диванах у сцены). Но ведущий не согласился и подвёл мне свой микрофон. Я сделал заявление следующего содержания:

1. Материалы следствия по настоянию убийцы и её адвокатов были рассмотрены специально в 1996 году Верховным Судом Российской Федерации и приговор по материалам следствия подтверждён;
2. Я процитировал фрагмент письма наезжавшего к Рубцову некоего Ю.П.Рыболовова, где тот пишет, что был в ту ночь у Рубцова и там была его «сожительница Людка». Факсимиле этого письма впервые приведено в моей книге о гибели поэта (2-е издание) и в книге М.В.Сулова;
3. Привёл примеры фрагментов сатанинских стихов Дербиной:

«Волчица я. Ты понял слишком поздно,
Какая надвигается гроза,
В твои глаза в упор глядят не звёзды,
А раскалённые мои глаза»,

«Но был безумец мною увлечённый,
Он видел бездну, знал, что погублю...»

«Я как медведица рычу»

«Люблю волков за их клыки во рту...».

Во время цитирования первого фрагмента этих «стихов» Дербина пыталась криками прервать моё выступление. Я предложил гражданке Дербиной осудить свою сатанинскую поэзию и обратился к присутствующим творческим людям не допускать эгоистические направления в жизни и творчестве. Время подходило к завершению программы. После краткого диалога встала Дербина и заявила, что она не виновата (каяться не стала). В конце программы, встав в позу трибуна-оратора, Дербина заявила: «Я – выдающаяся российская поэтесса». На что была дана реплика: поэзия сатанинская, вампирическая. Оставлять без отпора лживое поведение «поэтессы» нельзя было перед залом, который должен иметь правдивую информацию об убийстве народного русского поэта. Дербина нанесла оскорбление мне как писателю, разоблачившему её. Мне пришлось и без микрофона заявить, что её ложь исходит с ног до рыжей головы. В случае необходимости точные выражения Дербиной могут быть приведены позже. К сожалению, мне как писателю, который в книгах опроверг весь набор лжи Дербиной, не было предоставлено необходимое время. Последняя ложь Л.Дербиной проявилась 28 мая 2008 г. в программе, посвящённой памяти поэта Риммы Казаковой. Тогда Дербина обозначила себя в титрах программы как «вдова Николая Рубцова», не доведя Рубцова до ЗАГСа, но попытавшись сразу прописаться в квартиру к поэту. С каких пор «невеста»-убийца может числиться вдовой?

В заявлениях НО «Рубцовский творческий союз» от 30 марта 2007 года и позднее в статьях, опубликованных на сайте www.rubcow.ru, предлагалось на 1-ом телеканале организовать встречу зрителей с Ю.Кириенко-Малюгиным и М.В.Суровым как авторами книг по фактам гибели Рубцова. Тогда Л.Дербина, как убийца поэта, должна была бы опровергать факты.

Наблюдается очередная попытка со стороны Л.Дербиной и её окололитературных адвокатов создать общественное мнение о «страдалице»-убийце. Дополнительные факты разоблачают Дербину. Проявился в последнее время так называемый свидетель – Ю.П.Рыболовов, который был в ту страшную ночь в квартире поэта после всех журналистов и у которого нет алиби. Дербиной надо по-

каяться, уйти на отдых и не будоражить общественное мнение. Материалы следствия никто не отменял и не отменит.

Настоящим делается запрос о предоставлении CD-диска с записью программы от 18 июня 2008 года.

P.S. Признания «поэтессы» в стихах, опубликованных 15 лет назад в Западной Германии:

Прощала и всё ж не простила!
(Ужель моя суть не светла?)
За то, что тебя не любила,
но жить без тебя не могла.

.....
слепые безумные пальцы
на певческом горле свести
рванулась...

Саморазоблачительны признания Дербиной, что она Рубцова «не простила», «не любила». И вдруг она рванулась к Рубцову «слепые безумные пальцы на певческом горле свести». Ясно, что Дербина услышала такое прозрение от поэта, что для неё было неприемлемо оставлять Рубцова в живых.

Поскольку убийца заявила, что она «великая российская поэтесса», привожу из книги «Тайна гибели Николая Рубцова» главу 3 «Люблю волков...» (о поэтессе Л.Дербиной)» с фрагментами её вампирических стихов и главу 4 «После охоты «волчицы»».

После этих событий, казалось бы, убийца должна успокоиться. Однако в ночь с 19 на 20 октября 2008 г. по первому каналу ТВ вновь был показан фильм «Теория невероятностей. «Синдром Кассандры». Прослеживается определённая настойчивость в поддержке целенаправленных действий Дербиной. Показ фильма вновь был замечен литераторами. В связи с этим на сайте www.rubcow.ru была опубликована информация «*И всплывут ужасные обломки...*», *теперь в 2008 году* (комментарий к событиям)», которая приведена в приложении № 14 этой книги.

С 13 января 2009 года отмечена активность некоей Ingele Eni, которая положительно отозвалась о тенденциозной статье в «Комсомольской правде» от 19.06.2001 г. В феврале 2009 года в госте-

вой книге сайта www.rubcow.ru состоялась полемика с Ingele Eni, которая считает нормальными публикации убийцы, ёрничит над известностью поэта, руководителя Рубцовского центра Петербурга С.Сорокина (Вакомина), ненавязчиво направляет подсознание читательской аудитории на негативные моменты. Рубцов, как любой человек, имел грехи, но он не имеет греха убийства, как Дербина. Рубцов дал нам вечный тост: «За всё Добро!» Я предложил Ingele Eni расконспирироваться. Но она ушла от ответа, удалилась из гостевой книги на другие объекты.

Глава 17. Николай Рубцов: «Чей-то злой настигающий топот всё мне слышится словно в бреду»

«А тень на плетень наводят враги – мои, Рубцова и всей русской поэзии... Это небольшая кучка злобных и недалёких людей, стремящихся зарабатывать деньги на нашей трагедии».

Л.Дербина, стр. 79, журнал «Бег», №8, август 2009г.

«А чем утешены, что лес покинули
Все черти, лешие и все кикиморы?..»

Н.Рубцов «В лесу»

Вышеприведённый абзац «прославившейся» Дербиной-Грановской-Александровой взят из развёрнутого интервью «героини» главному редактору журнала «Бег» В.Хохлеву. Журнальный размер интервью составляет 130 страниц – невиданная в этом жанре объёмная брошюра. Интервью построено в основном на выдержках-вопросах из книг и статей Н.А.Старичковой, Вик. Коротаева, Ю.Кириенко-Малюгина и др. И на ответах-стенаниях «героини» о загубленной карьере.

Журнальная версия – попытка опровергнуть неоспоримые факты, опубликованные Вик. Коротаевым, Н.А.Старичковой, Ю.Кириенко-Малюгиным, М.В.Суровым, В.П.Астафьевым, В.И.Беловым, А.Цыгановым и Н.Коняевым. У Дербиной все неправы – права только она сама – убийца Н.М.Рубцова.

А Рубцов спрашивает, чем мы утешены, что из леса-то улетели, а к нам в жизнь прилетели «все черти, лешие и все кикиморы...»

По поводу фразы «зарабатывать деньги на нашей трагедии». Во-первых, это – убийство русского национального поэта вампирической русскоязычной «поэтессой». Во-вторых, публикации о Л.Дербиной – это разоблачение сатанизма.

Пройдёмся по некоторым фактам «интервью».

Стр.53. Дербина: «...Сколько он (Рубцов) мне принёс и мучений, и страданий. И он это сознавал, понимал...». *Комментарий.* А зачем постоянно шла к Рубцову? Почему не разорвала связь? Зачем приехала 23 июня 1969 года прямо на квартиру к Рубцову, который собрался ехать к дочери Лене и к Гете на примирение?

Стр.57. «У тебя непростой и далеко не ангельский характер, а вспыльчивость и необузданность частенько (курсив Ю.К.М.) ошеломляли даже меня, которому пришлось повидать всякого: а возбудить к действию таких порывистых и деятельных натур очень не трудно» (из письма Рубцова в адрес Л.Дербиной).

Стр.59. Дербина сообщает: «Я Рыболовова видела один раз в жизни». *Комментарий.* Н.Старичкова пишет, что Ю.Рыболовова должны были познакомить с Дербиной на предмет взаимности. Рыболовов нередко жил в Вологде у Рубцова в 1969 и 1970 г.г. В августе 1969 года Дербина получила комнату под Вологдой.

Стр.59. Дербина: «Вообще, Рыболовов произвёл впечатление очень болтливого человека». В книге (издание 2001г.) на стр.136 Дербина пишет: «Юрий оказался на редкость интересным собеседником, эрудитом. Речь его была порой загадочна, и я слушала его, как говорят, с открытым ртом...».

Стр.60. Даётся информация о подождённых свечах на столе в квартире Рубцова. Кто их поджёт в отсутствие хозяина, который вышел на 3 часа, закрыл на ключ дверь квартиры?

Стр.67. Дербина: «А он мне ботинком как залимонит...» Вот такой жаргон у профессиональной библиотечарши.

Стр.69. Дербина: «...Я его ещё за уши схватила. И у него на левом ухе – как это могло получиться, не знаю – образовалась трещинка, как бы небольшой надрыв. Так потом писали, что ухо было оторвано. Я уж не знаю, может быть, во время экспертизы ему специально это ухо подорвали...» «Схватила зубами за руку, да так сильно, что прокусила её» *Комментарий.* Вошла в образ волчицы. Это – шедевры лжи.

Стр.69. Дербина: «*Тожэ* (курсив Ю.К.М.) его за горло. Тербила, тербила – в этот момент следы от ногтей, царапины и остались». Комментарий. Эти «царапины» – рваные раны – сделаны, когда поэт находился в незащитном положении, лицом к полу.

Стр.72. «Значит, когда вы были в участке, он был живой?» Ответ: «Да, выходит так...уже лежа на животе, он всхлипывал». «Даже соседи слышали. Они сказали, что он как бы заплакал». *Комментарий.* Демагогия. Через бетонные стены не услышишь.

Стр. 76. История с ключом от квартиры. Вопрос: «Вы же вместе жили, может у вас был свой?» Дербина: «Нет, у нас был один ключ, второй мы потеряли». *Комментарий.* Кто это «мы»?

Стр.79. Дербина: «Я не была прописана, мы не успели зарегистрироваться». *Комментарий.* Кошунство. Убила «жениха» – «не успели зарегистрироваться». Дербина: «И неужели предел моих мечтаний квартира Рубцова?» Наверное я всё-таки думала о другом, более высоком, хотела состояться в творческом плане, в человеческом. Как личность...»

Стр.79. Дербина: «Они зачем-то приплели этого учителя из Ивановской области – Юрия Рыболова, совершенно невинного человека. Утверждают, что он сыграл какую-то роль. Нашли пьяницу и лжесвидетеля – Третьякова, который уходил от нас последним. Будто бы он встретил Рыболова, который шёл обратно к Рубцову. Мы оба – и Рубцов, и я – провожали Третьякова. Стояли на лестнице и смотрели ему вслед. Рубцов ещё кричал с площадки: «До свидания, до свидания...». И никто ему навстречу не попался»

В книге от 2001 г. Дербина пишет, что Рубцов один провожал Третьякова. А теперь сообщает, что они были вдвоём. Зачем? Ясно, что Третьяков не встретил Рыболова на лестничной площадке. Они встретились на улице. Об этом факте Дербина если знала, то умолчала на суде и на следствии. Но этот факт подтверждает приход Ю.Рыболова. См. факсимиле, прил. 9.

Но каков уровень работы адвоката Фёдоровой?! Вывести из свидетелей Ю.Рыболова, первого милиционера, встретившегося с убийцей, и всех вологодских писателей, знавших взрывной и эгоистичный характер Дербиной, сделать суд закрытым, засекретить публикацию дела на 70 лет – это надо было суметь. Вологодские писатели проглядели «мастерицу» защиты.

В интервью имеется угроза: «Возбудить бы против них уголовные дела о клевете, потребовать объяснить вымыслы». В этом случае будут незамедлительно поданы встречные иски. И ещё от Дербиной: «Всё, что они пишут, – они пишут на свою голову». Это конкретная наглая угроза. За которую надо отвечать. Говорят, что действует комитет защиты Дербиной. Состав?

Рассказни Дербиной имеют целью – реабилитацию. По ходу интервью видно, что Дербина зомбирована на невинность. С 90-х годов 20-го века публикует статьи и книги, даёт интервью. Делает карьеру на публикациях и выступлениях. Кто её финансирует и из каких соображений? Уже было отмечено, что Дербина вербует неинформированных журналистов – любителей «жареного».

Можно сделать следующие выводы:

1. Дербина сообщает точные даты встреч, значит, отслеживала взаимоотношения с Рубцовым (молчит, что вела дневник?).

2. Дербина непрерывно провоцировала Рубцова путём заигрывания с присутствующими во время встреч мужчинами.

3. Не много ли случайностей после появления Дербиной в Вологде: «потеря» ключа от квартиры, пожар в квартире в отсутствие поэта, сильнейший порез ноги Рубцова осколками бутылки за городом, венное кровоистечение из-за провокации с недопуском Рубцова в свою комнату (кто-то был у неё?).

4. Вместо разрыва взаимоотношений с «пьянчужкой» даже после получения от него рецензии на сборник «Крушина» – постоянные приходы к поэту, члену Союза писателей СССР.

5. Последний (третий подряд) приход Ю.Рыболова к Рубцову был в ночь на праздник Крещения (под текст стихотворения «Я умру в Крещенские морозы...»).

6. Фальсификация расположения стола в квартире Рубцова после убийства. Стол был установлен на бок и скатерть не смята. Иконы лежали не в стороне падения стола, а в противоположной, что нереально. Ссылается Дербина на мистику во всех ситуациях, где Рубцову причиняется вред.

7. Ложь, что следователь действовал по указке обкома партии.

8. 30-летнее публичное молчание «свидетеля» Ю.П.Рыболова, названного одной пропагандисткой «другом» Рубцова.

9. Исчезло угрожающее письмо Дербиной из колонии в адрес Г.М.Меньшиковой с требованием отказа от поэтического наследства

Рубцова. О письме сообщил А.Цыганов. На сегодня: С.Чухин (сбит машиной в 1984 г.), Вик. Коротаев («отравился» водкой в 1998 г.). Ю.Рыболовов умер в 2005г.

Глава 18. Приложения.

Документ № 1 - приложение № 1

Г.М.Меньшиковой Москва, апрель 1963

Телеграмма

Назови Леной Очень рад Коля

Документ № 2 (из воспоминаний Э.Крылова, сокурсника Н.Рубцова) – приложение № 2.

«Все разъехались на каникулы, и только мы с Рубцовым оставались в общежитии. Мне ехать было некуда, а его что-то задерживало (это было ЧП в июне 1964 г., см. документы №№ 3,4,5,6 – прим. автора). Но вот собрался и он в свою Николу. Я зашёл к нему в комнату. На полу лежал раскрытый чемодан. Сам он сидел на корточках и запускал жёлтого цыплёнка, который как-то боком прыгал на металлических лапках и старательно клевал пол. Рубцов залиvisto смеялся, хлопал руками по полу, как бы отгоняя цыплёнка, а меня даже не заметил. Я постоял, потом, увидев в чемодане поверх белья странную книжицу, взял её в руки и тихо вышел. Книжица оказалась отпечатанной на машинке и называлась «Волны и скалы». Я прочитал её всю и, каюсь, мне захотелось её присвоить... Но потом мне стало совестно (всё-таки книжка вроде – не рукопись, да и как бы я стал смотреть ему в глаза), и я снова зашёл к нему. К моему удивлению, он всё ещё запускал цыплёнка, забыв обо всём на свете. Я окликнул его.

– Вот посмотри. Хорош, правда? Дочке везу, – и он опять пустил цыплёнка прыгать по полу.

Я попросил у него книжку.

– Извини, не могу. Это единственный экземпляр. Всего их было шесть.

И он рассказал мне историю появления этой книжки.

Мы стали прощаться, и он попросил меня обменяться шарфами. Я принёс ему шарф в чёрно-белую клетку, получив взамен его тёмно-бордовый (2).

Документ №3 – приложение № 3

Директору Дома литераторов тов. Филиппову В.М.

от ст. контролёра Прилуцкой М.Г.

Докладная записка

Довожу до Вашего сведения, что во время моего дежурства 12 июня 1964 г. после 23 часов ночи подходит ко мне метрдотель ресторана и говорит, что три человека, сидящие за столиком в ресторане, отказываются платить счёт. Придется вызывать милицию.

Войдя в ресторан, я узнала одного из сидящих, это был студент Литинститута т. Рубцов Н.М.

На предложение оплатить счёт – три товарища заявили, что счёт они оплатят после того, как будет подана еще одна бутылка вина. В продаже вина им было отказано, и я вызвала милицию.

По приходу милиции счёт был оплочен. Удостоверена личность этих людей; все они оказались студентами Литинститута.

Вот при каких обстоятельствах студенческий билет т. Рубцова был отобран милицией и оказался у меня и передан руководству Дома литераторов.

16 июня 1964

ст. контролер Прилуцкая

Орфография сохранена (прим. Ю.К.-М.)

Директору ЦДЛ тов. Филиппову Б.М.

Докладная записка

12 июня в 23 ч 15 мин к дежурному администратору Леонидовой Э.П. и старшему контролёру Прилуцкой М.Г. обратилась официантка ресторана Кондакова К.А. с просьбой вызвать милицию, так как три посетителя не расплачиваются, требуют ещё спиртного и ведут себя вызывающе.

По приходе милиции инцидент, в основном, был улажен, но в вестибюле был задержан один из этих посетителей, и выяснилось, что все они студенты Литинститута, а задержанный оказался известным по своему скандальному поведению в ЦДЛ студентом Рубцовым Н.М. Вопрос об исключении его из Литинститута ставился осенью 1963 г. в связи с дебошем в пьяном виде в ЦДЛ.

В апреле-мае 1964 г. я дважды просил Рубцова покинуть здание ЦДЛ, куда он приходил с писателями, причем 2-й раз он в компании с Куняевым и Переделиным (Очевидно Передревым) оскорбили писателя Трегуба.

У Рубцова отобран студенческий билет, который прилагается к докладной.

Прошу Вас принять соответствующие меры.

Помощник директора ЦДЛ

Сорочинский

Орфография сохранена (прим. Ю.К.-М.)

Дирекции Литературного института имени Горького

Копия: Секретариат правления Союза писателей СССР
Тов. Воронкову К.В.

В письме № 19/29 от 4 декабря 1963 г. дирекция ЦДЛ ставила вопрос о хулиганском поведении в ЦДЛ студента В/института Н.М.Рубцова, учинившего в нашем клубе в пьяном виде дебош.

Н.М.Рубцову было категорически запрещено посещение Центрального Дома литераторов, он был исключен из состава студентов Литинститута, но в дальнейшем почему-то восстановлен.

В апреле и мае 1964 г. студента Рубцова дважды пришлось удалять из ЦДЛ, а 12 июня с.г. это пришлось сделать уже при помощи милиции, так как, напившись в ресторане, он и компания, с которой он находился, отказались оплатить заказанный ими ужин...

Дирекция ЦДЛ вынуждена вновь просить дирекцию Литинститута им. Горького принять меры в отношении студента Н.М.Рубцова и поставить нас в известность.

При сем прилагаю студенческий билет Н.М.Рубцова, отобранный у него милицией и докладные записки дежурного секретаря ЦДЛ тов. Прилуцкой, пом. директора тов. Сорочинского и метрдотеля ресторана тов. Казенкова.

Директор ЦДЛ

Б.Филиппов. 17 июня 1964 г.

26 июня 1964 г.

Союз писателей СССР

Консультанту секретариата правления СП СССР

Тов. Соколову Б.Н.

Уважаемый Борис Николаевич!

В ответ на Ваше письмо от 24 июня с.г. сообщаю, что Рубцов Н.М. после дебоша, учиненного им в ЦДЛ в декабре месяце, был строго осуждён всем коллективом института. На заседании товарищеского суда он давал обещание, что исправится. Однако он продолжал нарушать дисциплину. Его ещё раз предупредили на комиссии по аттестации студентов II курса. Несмотря на принятые меры общественного воздействия, Рубцов Н.М. снова недостойно вёл себя 12 июня с.г. в ЦДЛ.

За систематическое появление в нетрезвом виде в ЦДЛ и недостойное поведение Рубцов Н.М. исключён из числа студентов очного отделения. Тов. Рубцов просит разрешить ему заниматься без отрыва от производства. Если он осознает свою вину, положительно проявит себя на производстве, можно будет рассмотреть вопрос о зачислении на заочное отделение.

Проректор

А.Мигунов

В сущности, конфликт состоял в том, что три приятеля хотели после 23 часов вечера (времени закрытия новых заказов) взять ещё бутылку вина, тем более, что рядом на другой стол официантка Кондакова в нарушение установленных правил подала дополнительно графин с водкой. Это и возмутило трёх приятелей и их спровоцировали на ответные действия. Ясно, что за ужин приятели заплатили (деньги-то у них были!), а вот та местная кампания служащих ЦДЛ организовала преследование Рубцова. Во-первых, Прилуцкая узнала в ресторане именно Рубцова (какой-то студент узнаваем на уровне маститого писателя в ресторане! – прим. автора). Во-вторых, именно Рубцов был задержан уже на выходе, в вестибюле (когда «инцидент в основном был улажен», по признанию Сорочинского). В-третьих, именно у Рубцова отобрали студенческий билет и на него были написаны все докладные. В-четвертых, из ресторана все посетители выходят нетрезвые (туда же не чай ходят пить). В-пятых, именно в этот вечер в ЦДЛ произошёл более крупный случай. Один из поэтов (головой!) разбил в туалете ЦДЛ писсуар. В-шестых, таких случаев в те времена в ресторанах с маститыми и «немаститыми» посетителями было множество (залы ломились от публики, денег у большинства горожан было достаточно и попасть в ресторан было трудно, что знает автор не понаслышке).

А суть дела состояла в том, что в декабре 1963 г. в одном из залов ЦДЛ шло совещание работников образования, на котором докладчик в числе изучаемых в школах поэтов не назвал С.Есенина. А Н.Рубцов вступился за поэта и крикнул докладчику: Почему ты не назвал Есенина? И тут один из администраторов ЦДЛ схватил Н.Рубцова и стал выбрасывать его из помещения. Завязалась драка, Рубцова обвинили в «дебаше», составили акт и послали эту «телегу» в литинститут. Тогда Рубцова исключили из института, но вступились друзья-студенты и известные поэты и после товарищеского суда приказ об исключении был отменён.

РЕЦЕНЗИЯ

на подборку стихов Н.Старичковой

Стихи, как известно, бывают разные: добрые и злые, громкие и тихие, размашистые и сдержанные, наконец, самостоятельные и эпигонские. Стихи Н.Старичковой – это добрые тихие стихи, по преимуществу очень самостоятельного звучания. Она не придумывает их, пишет о том, чем живёт, что видит, слышит, чувствует, переживает.

Поэтому её стихам свойственна полная достоверность. Вот пример:

Просила я и плакала напрасно,
Меня в Заборье не пускала мать.

Судя по этим же строкам, можно сказать, что Н.Старичкова, безусловно, имеет лирический дар. О чём бы она ни писала (а пишет она, в основном, о природе, о любви и работе), почти всегда её стихи проникнуты грустно-нежным настроением. К таким стихам относятся, например, такие: «Снежинка», «Ты мне сказал...», «Подснежник», «Заборье», «Что молодо – то зелено», «Подари мне вербушку-пушинку» и другие. Ещё одна отличительная черта стихов Н.Старичковой – это непосредственность в передаче впечатлений, настроений, например: «Смотри, смотри, что за окном творится!»

В смысле формы её стихи также имеют определённые достоинства. Это образность (подснежник «отважный и нежный» и другие примеры можно найти), лёгкость выражений («Не говорил, а рисовал весёлую картинку»), непринуждённая рифмовка и ритмика.

Есть и недостатки. Общий для всей её лирики недостаток – неширокий тематический диапазон, постоянная интимность. Есть в её стихах и частые просчёты, например небрежные рифмы («еду – медведям») и др., наивность, излишняя лёгкость содержания некоторых стихов. Пример тому – стихотворение «Вот и расстались...»

В целом, думается, что поэтическая работа Н.Старичковой, безусловно, заслуживает внимания многих читателей, безусловно, привлекают и будут привлекать её стихи.

5 декабря 1967 г.

Н.Рубцов (11)

Стихи Нинель Старичковой (11)

* * *

Давно ли я теряла голову,
Сжимала пальцами виски?..
Иду-лечу сейчас по городу,
Как будто не было тоски.

Ужели правда перемучилась?
Смеюсь – не верится самой.
Я с детства, видимо, живучая,
И люди бережны со мной.

Воскресла я. Ужели чудится?
Сирень вовсю цветёт уже...
Светло и празднично на улице,
Ещё светлее на душе.

* * *

Убежать, улететь, забыться...
Тороплю я себя, гоню,
Только знаю, ты будешь сниться
Всю тревожную жизнь мою.

Никуда от тебя не деться,
Даже если дороги врозь.
Не могла на тебя наглядеться,
Не могу и расстаться всерьёз.

О ПЕРЕИМЕНОВАНИИ УЛИЦЫ МОСТОВОЙ
В УЛИЦУ ИМЕНИ РУБЦОВА

РЕШЕНИЕ

Вологодского городского Совета
депутатов трудящихся
от 28.01.75 г., № 75, г.Вологда

Исполнительный комитет городского Совета депутатов трудящихся решил:

С целью увековечивания памяти поэта-земляка Н.М.Рубцова и учитывая ходатайство Вологодской писательской организации, просить исполком областного Совета депутатов трудящихся переименовать улицу Мостовую в улицу имени Рубцова.

Председатель горисполкома
Секретарь горисполкома

В.Д.Парменов
А.А.Сайкина

ОБ УЧРЕЖДЕНИИ
ВСЕРОССИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ ПРЕМИИ
«ЗВЕЗДА ПОЛЕЙ» ИМЕНИ НИКОЛАЯ РУБЦОВА

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

Законодательного собрания
Вологодской области
30.10.97, № 398
г. Вологда

На основании статей 49 и 64 Устава Вологодской области Законодательное собрание области постановляет:

1. Учредить присуждаемые ежегодно, начиная с 1998 года, две Всероссийские литературные премии «Звезда полей» имени Николая Рубцова (...) за счёт средств, предусматриваемых в областном бюджете на соответствующий год по отрасли «Культура».
2. Утвердить Положение о Всероссийской литературной премии «Звезда полей» имени Николая Рубцова, Положение о комиссии по присуждению Всероссийских литературных премий «Звезда полей» имени Николая Рубцова и её состав...
3. Настоящее положение вступает в силу с момента подписания.

Председатель Законодательного
собрания области

Г.Т.Хрипель

Намного легче будет писать
Вы прочтете и увидите в том
Губернии. Для меня от Бога такое
договор, я почти все отпустил
здесь навсегда. 18 декабря 71 года я
был у него на репортёр, сформули-
ровав будто бы уверенность, что его дальней-
ше судьбу, когда приехал он был
в Москву и встретился с ним, был там очень
далеко была его социальное положение.
Я понял, что она все это-то ~~свое~~
страшного от себя, посидел я у него
несколько, пошел ушел, а утром ушел.
Вспоминаю мы кинематограф, как он
был ушел для меня. Я же не могу
сказать по поводу того, он говорил
мне своим братом. Читая я его
статья в Москве 2-й раз в Школу
интервенционному комитету, сгорела на
Он утверждал, будто от этого мира
говорил мне. Но же — так пойдешь
я не могу работать? спрашивал не
одни раз? Завещан похородевать.
Предыдущий с. Патристический, но когда
я отстал завещался Давидовичу, сестры
Полубодяков не сестры его. Врине жок
он говорил некое, у них сестры сестры
завещался "сестры" кинематограф.
Вот в кинематограф, что я не могу
кончить.
с уважением. Н. Риб

Лев Котюков

**Точки над і (о книге Юрия Кириенко-Малюгина
«Тайна гибели Николая Рубцова»)**

Обстоятельства гибели национальных русских поэтов всегда вызвали здоровый и нездоровый интерес читающей публики. Между тем в обществе нарастало признание творчества Николая Михайловича Рубцова, но и наблюдалось обострение полемики вокруг бытовой тайны его гибели.

В первом издании (2001 г.) автор обстоятельно рассмотрел существо «творчества» убийцы поэта, которая числится в некоторых кругах как «поэтесса» Дербина-Грановская. Но поэзия бывает разная. Ю.Кириенко-Малюгин обратил внимание на то, что же приносит читателю поэт: Добро или Зло, Любовь или Ненависть. Автор привёл фрагменты из «поэзии» Дербиной, изданной в коллективном сборнике в Западной Германии. Сатанинские образы, изложенные на русском языке, не могут считаться русской поэзией. Была нетерпимость к другой идейной позиции, то есть к рубцовой народной Добrote в то атеистическое время. И «поэтесса» (массой более 80 кг), не найдя видимо словесных доводов, напала на Рубцова (вес которого был в то время около 60 кг). Дербина и Рубцов были несовместимы по мировоззрению, по отношению к русской истории, к традиционному поэтическому направлению, к православным заповедям. К православию Дербина «пришла» уже после убийства Рубцова.

Второе издание книги Ю.Кириенко-Малюгина «Тайна гибели Николая Рубцова» (МГО СП России, 2004 г.) дополнено принципиально новой информацией о полемике между защитниками Рубцова и вольными и невольными литературными адвокатами убийцы. Почему журналисты, и даже специалисты вдруг встают на сторону убийцу, просто непостижимо.

Некоторые женщины-журналисты, вероятно, в силу хронической неудовлетворённости, а мужчины в силу мировоззренческой близости к вампирической поэзии (которую высоко оценил пушкинист-профессор А.Михайлов), а также из-за элементарной зависти к народной славе поэта.

Изучив известные и новые документы за период после января 2001 года, Ю.Кириенко-Малюгин обосновал соучастие в преступлении ещё одного персонажа. Опять любовный треугольник. Многие поклонники Рубцова никак не могли поверить, что одна Дербина могла задушить поэта. Слишком большие нестыковки в показаниях, отсутствие важных свидетелей, устранение вологодских писателей от участия в процессе (который был сделан закрытым) вызывали недоверие к официальной информации об обстоятельствах гибели Рубцова. Множество версий, выдвинутых литературными адвокатами убийцы, говорили о попытках запутать читателей и скрыть правду страшной ночи. Причём и сама Дербина в одних публикациях говорила об одних вариантах «схватки» с Рубцовым, в других – о совершенно противоположных.

Книга Ю.Кириенко-Малюгина содержит много и другой информации, способствующей пониманию истоков национальной поэзии Н.М.Рубцова. Хочется надеяться, что наконец-то будут в этой трагедии поставлены все точки над і.

Газета «Московия литературная», № 7, 19-26 дек. 2005г.

P.S. За прошедшее время (с апреля 2004 года) о выпуске и содержании 2-го издания книги «Тайна гибели Николая Рубцова» опубликовали отзывы писатели Л.Котюков, В.Фомичев и К.Махныткин. В Вологде по свежим следам издания ни одного официального упоминания. Литераторы В.Бараков, В.Белков, Н.Коняев о книге Ю.Кириенко-Малюгина промолчали. Во всех изданиях М.Полетовой (Москва) о книге ни слова. В конце 2005 года только вологжанин М.Суров в книге-публикации судебного дела дал ссылки на «Тайну гибели Николая Рубцова». На стендах ряда литературных музеев эта принципиальная книга не выставлена. Неэтичную или страусову позицию заняли литераторы и пропагандисты ряда рубцовских организаций.

Книга о Николае Рубцове

Юрий Кириенко-Малюгин выпустил книгу «Николай Рубцов: «И пусть стихов серебряные струны...» Уже это название показывает, что автор отыскал среди строчек Рубцова такую, которая говорит о музыкально-песенном качестве поэзии Рубцова.

Но писатель не замыкается на некоторой узости смысла названия, а даёт довольно широкий обзор жизни и творчества народного русского поэта. Рубцов сейчас всё более оценивается как истинный продолжатель поэзии Тютчева, Кольцова, Блока, Есенина. И не только продолжатель, а создатель русских романсов, национальных русских песен в наше время. Сейчас всё чаще поют стихи Рубцова. Его задушевная поэзия отвечает природе русского народа. Никакие другие громкие имена стихотворцев не смогли закрыть Свет и Грусть музыки Рубцова, как бы ни пыжились они или их литературные адвокаты.

Предыдущая книжка Ю. Кириенко-Малюгина «Тайна гибели Николая Рубцова» была компактной, информативной и отражала психологические мотивы убийства поэта – путём сопоставления известных и практически неизвестных материалов. Уже в ней автор выделил Рубцова как русского поэта с народной философией, образность которого вообще кажется его биографу непревзойдённой. Вроде бы имеется уже много воспоминаний о Рубцове. Вышла в серии ЖЗЛ книга Н. Коняева о поэте, она составлена из трёх известных повестей. Но зачастую образ Рубцова оказывается размытым, не вырисовывается и тонет в бытовых и к тому же субъективных оценках некоторых современников и самих авторов. Похоже, что Ю. Кириенко-Малюгин отыскал психологическую суть поведения Рубцова в жизни, что не могли выявить многие предыдущие исследователи. Компонировка материала выдержана логически, и образ Рубцова вырисовывается из сумрака предыдущих и сегодняшних публикаций. Рубцов искал в жизни справедливость, боролся с ложью и фальшью. Создатель «Видений на холме» говорил: «В жизни и поэзии не переношу любую фальшь, если её почувствую». Автор удачно представил хронику жизни и творчества Поэта. Успешно применил и вы-

деления текстов для направления внимания читателя на суть высказываний о самом творце и о его произведениях. В заключительных главах книги приводятся почти забытые публикации М. Лобанова и Ю. Селезнёва о Рубцове и о поэзии, а также мнение Г. Свиридова о Слове, Музыке, их взаимосвязи, что может явиться откровением для любого читателя.

Книга содержит много подлинных документов и высказываний современников Рубцова, читается с интересом и опровергает много домыслов о народном русском поэте.

P.S. Статья опубликована в книге В.Фомичёва «О писателях и книгах» (2007) и в литературном журнале «Молоко».

Документ № 12 – приложение № 12

Из письма Т.Гоголиной на конкурс «Звезда полей-2003» нашего Рубцовского Центра в декабре 2003 г.: «Весной 1967 г. в Петербурге-Ленинграде проходил слёт студенческих поэтов... Я тогда была студенткой 2-го курса лесохозяйственного факультета и постоянным внештатным корреспондентом газеты («Лесная правда»). По окончании выступлений со стихами ко мне подошёл один из организаторов слёта и сказал, что со мной хочет познакомиться Николай Рубцов. Ко мне подошёл лысоватый, невысокий молодой человек и стал говорить, что он тоже вологодский, что ему очень понравились мои лесные стихи...». Прервём повествование Т.Гоголиной и напомним о следующем.

В «мемуарах» Дербина пишет, что она увидела впервые и купила летом 1968 года сборник Н.Рубцова «Звезда полей» в Воронеже и что в ней «поселилась навязчивая идея» увидеть поэта и поклониться ему. И вот в июне 1969 года Дербина входит в вологодскую квартиру поэта и спрашивает, узнал ли Рубцов её? А Рубцов отвечает, что сразу узнал. Интересный диалог!

Продолжим текст письма Т.Гоголиной: «5 января 1968 г. у меня была свадьба, а 11-го я вернулась в Ленинград... В феврале (1968 г.) показал (Рубцов) мне при встрече на улице Новороссийской свою новую знакомую Дербину Людмилу. Она торопилась и ей явно не

нравилось наше знакомство... Ещё несколько раз я встречалась с ними. В декабре 1969 г. я отдала ему свои стихи...»

После специального запроса во втором письме от 13 января 2004 года Т.Гоголина сообщает: «Все встречи с Рубцовым и Дербиной были только в Ленинграде... В 1968 или 1969 г. они водили меня к своему другу, по-моему, зовут его Валерий Шилов, я от них сбежала, потому что они там стали пить, а я, слава Богу, не пробовала вина...» Итак, ещё одна ложь от Дербиной по поводу желания «поклониться поэту» летом 1968 года. А ведь в феврале 1968 г. и позднее она встречалась с Н.Рубцовым в Ленинграде и не могла не знать о «Звезде полей», которая вышла в мае 1967 г. К чему же такие мистификации в «мемуарах»? В уверенности, что нет свидетелей тех встреч Дербиной с поэтом?!

Приложение № 13

Константин Махныткин.

«Вибрации лжи» или «Теория невероятностей»

...Восстановлю в этих заметках лишь те элементы «новизны», которые не выветрились из памяти после просмотра упомянутого фильма. Суть этих скомпонованных воедино «невероятностей», насколько я понял, состояла в попытке постичь таинство предвидения и предсказаний будущего, которым в наибольшей мере (по мнению авторов фильма) обладают поэты и пророки.

Увы, но из всех фамилий озвученных в фильме учёных и «привидцев», в моей памяти ни одна не сохранилась, равно как и крайне смутно запечатлелись компьютерные картинки, ставшие свидетельствами предсказания произошедших впоследствии катаклизмов, унесших из жизни множество людей.

Из великих русских стихотворцев, обладавших даром предвидения, упоминались и А.С.Пушкин, и М.Ю.Лермонтов. Особо было выделено высказанное в беседе с Е.Евтушенко предостережение Б.Пастернака быть осторожнее в стихах на тему смерти, поскольку,

как случалось не раз, мрачные предсказания сбываются. Б.Пастернак якобы сказал, что сам он прожил так много лет благодаря этой своей предосторожности в стихах.

Но если о поэтах-классиках говорилось вскользь, то предсказанию последнего из выдающихся русских поэтов Н.Рубцова уделялось особое внимание. Его пророческие строки:

«Я умру в крещенские морозы.

Я умру, когда трещат берёзы...»

стали чуть ли не рефреном фильма. Затрудняюсь даже отнести эту «научообразную» стряпню к какому-либо жанру. Для научно-популярного – он не годится, поскольку степень популяризации «теории невероятностей» для простого зрителя недостаточна, а «научность» этих теорий сомнительна. Ну а документальный жанр предполагает достоверность информации. В фильме же – сплошные нагромождения лжи относительно Н.Рубцова.

Но самое удивительное, вернее, шокирующее в этом фильме – это особое, я бы даже сказал трепетное, внимание авторов к внешне благообразной дамочке в годах, которая хорошо отрепетированными словами и интонациями просвещает нас, тёмных, каким, оказывается, недостойным (или даже непристойным) по жизни человеком был поэт Н.Рубцов, с которым она готовилась вступить в брак аккурат 20 февраля 1971 года.

36 лет – это своего рода юбилей, это – трижды по двенадцать. Дюжина имеет для астрологов мистическое значение. Может быть, поэтому в сюжете фильма этой дамочке и было уделено столько внимания.

Интересно, если бы Дантес, убивший А.С.Пушкина, или Мартынов, вошедший в историю как палач М.Ю.Лермонтова, давали интервью такой массовой аудитории, которую собирает ТВ, смогли бы они хоть у кого-то вызвать сочувствие? Л.Дербиной, убийце Н.Рубцова, не сомневаюсь, с помощью «теории невероятностей» это удалось. Мало посвящённые в перипетии крещенской трагедии Н.Рубцова телезрители по наивности и во многом благодаря сатанинскому лукавству вполне могли проникнуться сочувствием к «невинной жертве» мистического таинства Л.Дербиной, оставшейся в ту роковую ночь рядом с Н.Рубцовым и так и не понявшей, по её словам, как всё произошло.

Ни слова в фильме не прозвучало и о судебном процессе 1971 года, на котором Л.Дербина была признанной виновной, и о её попытке уже в «демократические» времена добиться пересмотра уголовного дела с целью своей реабилитации. Не усмотрели «демократические» судьи её невиновность среди неопровержимых улик и свидетельств её преступления. А ведь суд 1971 года был по меньшей мере «странным» и сверх снисходительным по отношению к преступнице, что отмечают исследователи жизни и творчества Н.Рубцова. На этом процессе было сделано всё возможное и невозможное для смягчения приговора Л.Дербиной, а в местах «не столь отдалённых» для неё были созданы максимально комфортные по тем временам условия «заточения».

Впрочем, обо всём этом достаточно глубоко и всесторонне написал в своих книгах «Тайна гибели Николая Рубцова» (изд. 2-е М., МГО СП России, 2004г.), «Новая дорога к Рубцову» (М., МГО СП России, 2005г.), «Николай Рубцов: «И пусть стихов серебряные струны...» (М., МГО СП России, 2002г.) Ю.И.Кириенко-Малюгин, организатор и руководитель Московского Рубцовского Центра. В этих трудах, снабжённых обширнейшей библиографией, автор скрупулёзнейшим образом проанализировал и даже систематизировал потоки лжи Л.Дербиной, дав каждому из её лживых высказываний порядковые номера, общее число которых перевалило за четыре десятка. В фильм вошла лишь малая часть из этого лживого потока, но преподнесена она была зрителям не без определённого мастерства – эффект правдоподобия был почти достигнут. Больше того, мелькавший на телеэкране некий комментатор (фамилия его стёрлась из памяти) и вовсе заявил, что из-за эмоционального шока Л.Дербина взяла на себя вину, будучи непричастной к убийству Н.Рубцова.

Вот те раз! Выходит, можно «втюривать» телезрителям любую «дезу», а они, «серые и убогие», всё способны прожевать и проглотить!

Рука не поднимается цитировать эту «поэтессу», не постеснявшуюся по ходу фильма рекламировать свой сборник стихов, который «из-за Н Рубцова» не был в своё время напечатан. Своей жертвенной смертью, видите ли, поэт провинился перед Л.Дербиной! Жертва убийства виновна перед убийцей?! Да, такого кощунства ещё наш просвещённый мир не видал!

Из всего поэтического наследия Н.Рубцова в фильме прозвучали лишь две уже приведённые пророческие строки и две строки из принесшей Н.Рубцову всенародную славу песни «Букет»:

«Я буду долго гнать велосипед.
В глухих лугах его остановлю...»

Зато Л.Дербина, благополучно пережившая свою жертву, читает зрителям свои «стишки», включая и чудовищную строку о том, что ей с Н.Рубцовым досталось одно бессмертие на двоих. По её логике выходит, что и Дантес с Мартыновым тоже разделили каждый на двоих бессмертие с российскими гениями!

Нет! Такая память в истории сродни «бессмертию» Иуды. Но в отличие от христопродавца, повесившегося на осиновом суку из-за угрызений совести, Л.Дербина всю свою жизнь продолжает «добивать» собственноручно ею задушенного (в прямом смысле слова) поэта, выставляя в фильме-пасквиле Н.Рубцова законченным алкашом с неадекватными агрессивными поступками. Почему же тогда она так настырно стремилась к замужеству с беспробудным пьяницей и дебоширом?

Видимо, по замыслу авторов фильма, несколько раз «прокрутивших» начало песни Н.Рубцова «Букет» в исполнении А.Барыкина, зрители, хорошо знающие и любящие эту песню, должны были бы отнести её к Л.Дербиной.

Но песня о «девушке, которую люблю» была написана задолго до знакомства Н.Рубцова с Л.Дербиной, которую поэт увековечил в своём стихотворении «Змея», совершенно иного содержания, в котором он опять же провидчески предугадал и её смертельный «змеиный укус», и её змеиную сущность вообще.

Напускать «мистический туман» эта змея действительно большая мастерица. Чего стоят в очередной раз озвученные ею воспоминания о «шагах командора», ввергших якобы поэта в ужас. Но ведь единственной свидетельницей этого «мистического ужаса» была она одна, поэтому и вольна давать любой простор своему лживому воображению.

Ю.И.Кириенко-Малюгин, описавший в подробностях всю сущность этой «сатаны в юбке», весьма аргументированно доказывает, что этим «командором» был некто Ю.Рыболовов, тёмная личность,

сыгравшая, по видимому, не последнюю роль в физическом устраниении выдающегося русского национального поэта, явно мешавшего тогдашним идеологам своей христианской верой и христианской моралью.

По части же предсказаний авторы фильма приводят некий «псевдонаучный» лепет о вибрациях Высших Сфер, постичь которые дано избранным. И по сему выходит, что не Л.Дербина убила Н.Рубцова, а он сам навлёк на себя расправу «тёмных сил», своим неосторожным предсказанием.

Но здесь явная промашка вышла. В тот трагический крещенский сочельник берёзы от морозов не трещали. Оттепель была. И убийцы Н.Рубцова явно поторопились. А правда, отложи они свою расправу хотя бы на годок, в ожидании морозов, Л.Дербина вполне могла утратить статус «невесты поэта» – дело ведь у неё с Н.Рубцовым к разрыву шло. Может, именно об этом и сообщил ей Н.Рубцов в ту роковую ночь, вызвав её звериную ярость. (Прежде чем удушить поэта, эта «благообразная дамочка» буквально истерзала физически ослабленного поэта).

Да. Вибраций в этих «теориях невероятностей» предостаточно. Но все они лживы. Пусть же не забывают фальсификаторы истории пророчество М.Ю.Лермонтова:

«Но есть и Божий суд, наперсники разврата!
Есть грозный суд: он ждёт;
Он не доступен звону злата,
И мысли и дела он знает наперёд».

Так что Бог вам судья, господа «теоретики невероятностей». Как и всем нам, грешным.

28. 02. 2007г.

Эта статья опубликована в «Морской газете», С.-Петербург, март 2008 г. и на сайте www.rubcow.ru.

«И всплывут ужасные обломки...», теперь в 2008 году (комментарий к событиям)

Как, к сожалению, предвидел Н.М.Рубцов, всплывают периодически «обломки» судебного процесса над убийцей, «поэтессой» Л.Дербиной (на суде Л.А.Грановской).

28 мая 2008 года в программу 1-го телевизионного канала «Пусть говорят» (ведущий Андрей Малахов), посвящённой памяти известной поэтессы Риммы Казаковой, была приглашена Людмила Александровна Дербина. В титрах, при появлении на экране она была обозначена как «вдова Николая Рубцова». Замужем за Н.Рубцовым Л.Дербина никогда не была! В ранге формальной «невесты» она убила «жениха». По решению суда в апреле 1971 года Л.А.Дербина (на суде Л.А.Грановская – по первому мужу) является убийцей поэта Н.М.Рубцова. Более того, все материалы следствия свидетельствуют о садистском убийстве Н.М.Рубцова. Подсудимая была приговорена к 8 годам заключения вместо 15 лет по всем признакам материалов следствия. Поэтому она везде должна обозначаться как «убийца Николая Рубцова».

Казалось бы, всё прояснилось в выступлениях М.В.Сурова и Ю.Кириенко-Малюгина во время программы 1-го канала «Пусть говорят», записанной 18 июня 2008 г. и выпущенной в телеэфир 26 июня 2008 года. По поводу этой передачи и ранее на сайте опубликованы и представлены на главной странице следующие материалы: «Заявление учредителей НО «Рубцовский творческий союз», статьи К. Махныткина «Вибрации лжи» или «Теория невероятностей» и Ю.Кириенко-Малюгина «Кто есть кто: Рубцов или Дербина-Грановская?» В них разоблачены фрагменты лжи осуждённой и вампиризм её стихотворчества.

Однако в ночь с 19 на 20 октября 2008 г. по 1-му телеканалу вторично (после ночи с 19 на 20 февраля 2007 года) был показан смонтированный фильм «Синдром Кассандры», в котором одним из «героев» является Л.Дербина, убийца русского национального поэта, которая играет на идее «чёрного рока» и дезинформирует зрителей об обстоятельствах убийства поэта.

Это событие нельзя не рассматривать как очередную подготовку общественного мнения для захода убийцы и её адвокатов на реабилитацию. Материалы уголовного дела никто не отменял. В 1996 году Верховный суд Российской Федерации подтвердил виновность Дербиной-Грановской и оставил приговор в силе. Никто бы, по большому счёту, и не вспоминал бы непрерывно об этом деле, если бы убийца и её адвокаты не будоражили мало осведомлённых зрителей и читателей, придумывая новые наукообразные версии смерти Рубцова. До сих пор замалчивается роль залётного «друга» поэта, так называемого свидетеля Ю.П.Рыболова, который три ночи подряд ходил к Рубцову на квартиру перед убийством, совершённым 19 января 1971 года, в день Крещения – одного из 12 главных Православных праздников. Ю.П.Рыболов не был вызван на суд адвокатом Л.Грановской. Все версии убийцы опровергнуты в книге Ю.Кириенко-Малюгина «Тайна гибели Николая Рубцова» (2004 г., 2-е издание, МГО СП России). Материалы уголовного дела Дербиной-Грановской опубликованы вологжанином М.В.Суровым в конце 2005 года в книге «Рубцов. Документы. Фотографии. Свидетельства».

Дербина-Грановская отсидела 5 лет 7 месяцев, вместо назначенных 8-и лет, была освобождена в связи с объявленным годом женщины. Она с 1981 года проживает в С.-Петербурге, хотя по законам страны (в то время СССР) для осуждённых за убийство должна находиться за 100 км от Москвы, Ленинграда и любого областного города; она была принята на работу в престижную библиотеку Ленинграда (С.-Петербурга). О каком сострадании к убийце может идти речь, если осуждённая находится давным-давно (с 1976 года) на воле, пишет и печатает опусы-дезинформацию о «любви» Рубцова к ней, получает средства за реализацию этих опусов в книжных магазинах, в Архангельской и Вологодской областях выступает на вечерах для любопытных. Некоторые считают, что Дербина-Грановская хочет получить реабилитацию, а затем крупную компенсацию за нанесённый якобы ущерб её здоровью и моральному облику. Вот такая бомба могла бы взорваться в литературных и общественных кругах России. Почему отмалчиваются господа-товарищи «патриоты»?

В связи с этими и другими фактами просили бы осведомлённые органы сообщить об обстоятельствах убийства 16-летнего Коли Рубцова (внука народного поэта) в С.-Петербурге 15 октября 2005 года

(на следующий день после 14 октября – Покрова, также одного из главных православных праздников). Неплохо бы, если и 1-й телеканал поднял бы вопрос о ситуации с 3-летней продолжительностью расследования обстоятельств этого несчастного убийства. Хорошо бы, если и Союз писателей России поднял этот вопрос и проблему легализации публикаций убийцы, например, через газету «Российский писатель», которая эпизодически печатает восторженные статьи о пропаганде Рубцова. Хочется спросить руководителей многочисленных рубцовских организаций, почему они, зная вышеприведённые факты, отмалчиваются в таких принципиальных вопросах, не обращаются в средства массовой информации с разъяснениями и запросами. Для чего они создавались? Или ответ лежит на поверхности?!

31.10.2008 г.

От Рубцовского центра и творческого союза, члены Союза писателей России

В.Кучерь

Ю.Кириенко

Н.Братишко

P.S. Комментарий к событиям направлен в газету «Русский Север» (Вологда), Департамент культуры Вологодской области, газеты «Литературная Россия», «Литературная газета», «Московский литератор», «Российский писатель».

Сведений о публикациях не имеется.

Семья Рубцовых

Рубцов Михаил Андрианович, родился в селе Самылкове Сокольского района Вологодской области в 1899 году, умер в Вологде 29 сентября 1962 года.

Рубцова (Рычкова) Александра Михайловна родилась в селе Самылково в 1900 году, умерла 26 июня 1942 года.

Рубцова Надежда Михайловна, родилась в селе Самылкове в 1922 году, умерла в Няндоме 30 апреля 1940 года.

Рубцова (Шведова) Галина Михайловна, родилась 12 ноября 1928 года в селе Самылкове. Умерла в Череповце 19 марта 2009 года.

Рубцов Альберт Михайлович, родился в Вологде 2 января 1932 года, умер в Тюменской области 12 ноября 1984 года.

Рубцов Николай Михайлович, родился в Емецке Архангельской области (в то время Северного края) 3 января 1936 года, погиб в Вологде 19 января 1971 года.

Рубцов Борис Михайлович, родился в Няндоме Архангельской области в 1937 году, умер в 50-ые годы 20-го века.

Рубцова Надежда Михайловна, родилась в Вологде в ноябре-декабре 1941 года, умерла 28 июня 1942 года.

Меньшикова Генриетта Михайловна, гражданская жена Н.М.Рубцова, родилась 25 октября 1937 года, умерла 17 февраля 2002 года в селе Никольском Тотемского района Вологодской области

Рубцова Елена Николаевна, дочь Н.М.Рубцова, родилась 20 апреля 1963 года в селе Никольском Тотемского района Вологодской области.

Библиография

1. Николай Рубцов. Собрание сочинений. Т. 1,2,3. Составитель В.Зинченко. – Москва: Терра, 2000.
2. Воспоминания о Николае Рубцове. Составитель Вик. Коротаев. – Вологда: КИФ «Вестник», 1994.
3. Кожин В.В. //Наш современник, №12, 1990.
4. Бараков В.Н. Лирика Николая Рубцова. – Вологда, 1993.
5. Старичкова Н. Наедине с Рубцовым. – Вологда, 2001.
6. Коняев Н. Вологодская трагедия. // Москва, №1, 2001.
7. Астафьев В.П. Затеси. //Новый мир, №2, 2000.
8. Коротаев В. Козырная дама. – Вологда: ИЧП «Крис.», 1991.
9. Астафьев В.Н. Гибель Николая Рубцова. //Труд. 27 января 2000.
10. Соловей П. Поединок роковой. //Нева, №2, 1996.
11. Старичкова Н. Черемушкино диво. – Вологда: «Евстолий». 1996.
12. Цыганов А. Была ли роковая ошибка?! //Слово, № 2. 2002.
13. Кириенко-Малюгин Ю. Тайна гибели Николая Рубцова. – М.: МГО СП России. 2001.
14. Николай Рубцов. Звезда полей. Собрание сочинений в одном томе. – Москва: Воскресенье. 1999.
15. Балахин Р. Такому человеку не позавидуешь. //Литературный Петербург, 12(42), 2001.
16. Кириенко-Малюгин Ю. Николай Рубцов: «И пусть стихов серебряные струны...». – М.: МГО СП России. 2002.
17. Вакомин С. (Сорокин), «О Русь! Кого я здесь обидел?..» // Издание «Новый Петербург», № 3(258),23 января 1997.
18. Сорокин С. «За всё добро...». //Российский писатель, № 7, апрель 2003 .
19. Кириенко-Малюгин Ю. Бульварная повесть о ненависти.// Тотемские вести, №№123,141, 2003; №6, 2004.
20. Сазонов Г. Последнее письмо поэта. //Труд. 13 марта, 2002.
21. Шамахова Г. (Меньшикова). Русь моя, люблю твои берёзы! // Русский север, 1995.
22. Кириенко-Малюгин Ю. Тайна гибели Николая Рубцова. (2-е издание, дополненное). – М.: МГО СП России, 2004.
23. М.В.Суров. Рубцов. Документы. Свидетельства. Факты. – Вологда, 2005.
24. К.Махныткин. Вибрация лжи или «Теория невероятностей». // Альманах «Звезда полей» 2008; Морская газета, март 2008, С.-Пб.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
Глава 1. Краткая биография Николая Рубцова	5
Глава 2. Русская поэзия. Кратко о тенденциях развития.....	9
Глава 3. «Люблю волков...» (о «поэтессе» Дербиной).....	14
Глава 4. После охоты «волчицы».....	33
Глава 5. Суд и после суда над Грановской-Дербиной.....	42
Глава 6. Провокация для русских семей (к чему ведут дербинские «обоснования»).....	56
Глава 7. Не пускают в дверь, лезет в окно	57
Глава 8. Стихи-песни и мировоззрение Николая Рубцова	60
Глава 9. «Она проклятьем казнена...»	73
Глава 10. Продолжение следует. Убийца идёт ва-банк.....	76
Глава 11. Фантазии убийцы и голые факты	91
Глава 12. Всякое тайное становится явным.....	97
Глава 13. Новые обстоятельства	115
Глава 14. С вами не соскучишься, господа адвокаты!.....	121
Глава 15. А тайна ночи проясняется!?	127
Глава 16. Сенсационная публикация судебного дела, закулисные маневры и противостояние 2005-2009 г.г. ...	135
Глава 17. Николай Рубцов: «Чей-то злой настигающий топот всё мне слышится словно в бреду»	146
Глава 18. Приложения (документы 1-14),.....	150
в том числе рецензия Н.Рубцова на подборку стихов Нинель Старичковой	156
Статья Л.Котюкова.....	161
Статья В.Фомичева	163
Статья К.Махныткина	165
Семья Рубцовых.....	173
Библиография	174